

***ЗНАКОМЫЙ
НЕЗНАКОМЕЦ***

О жизни и творчестве Леонида Завальнюка

Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Отдел обслуживания

ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

О жизни и творчестве Леонида Завальнюка

Информационно-методические материалы

Благовещенск
2015

Знакомый незнакомец : о жизни и творчестве Леонида Завальнюка : информ.-метод. материалы / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2015. – 124 с. + 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – (Русские судьбы: амурские писатели ; вып. 6).

Составитель : В. В. Соломенник
Ответственный за выпуск : Н. Г. Долгоруков
Вёрстка: М. И. Гнускова

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

*... Звенит высокая тоска,
Необъяснимая словами,
Я не один, пока я с вами,
Деревья, птицы, облака...*
Л. Завальнюк

Даже людям далёким от литературы хорошо известно имя поэта Леонида Андреевича Завальнюка (1930–2010). Но не все москвичи, петербуржцы, жители других крупных городов России знают, что творческий путь известного писателя, поэта, драматурга, сценариста, художника и автора песен начинался в городе, расположенном у слияния рек Амура и Зеи.

Творчество Леонида Андреевича хорошо знакомо амурскому читателю. Самое значительное место в его наследии занимает лирика. К настоящему моменту издано 25 поэтических сборников Леонида Завальнюка.

Леонид Андреевич Завальнюк – удивительный самобытный поэт, непохожий на других, живущий обособленно от всех поэтических течений и направлений, идущий своей собственной дорогой. Про таких говорят – поэт милостью Божией. Тихий, скромный, глубокий.

Леонид Завальнюк был человеком без эпатажа и заносчивости. Его очень ценили Евтушенко, Вознесенский. Они считали его высококлассным поэтом, одним из лучших поэтов русской плеяды, тонким знатоком русского языка.

В одном из интервью Леонид Андреевич сказал: «Меня интересует только то, что проникает в сердце, я стараюсь писать то, что мне самому интересно. Вообще, я считаю себя человеком жестко видящим мир, но в принципе, когда я смотрю в даль этого мира, я не вижу там крушений. Я вижу там бесконечность... Убеждён что земля вечна, она, возможно, будет видоизменяться, но не более».

Поэт так сформулировал свою философию: «Моя философия проста как кружка воды, как глоток воздуха – самая большая ценность в жизни – это сама жизнь».

*Не умирайте господа,
И вы товарищи, не надо.
Не от чумы, не от гранаты,
Никто нигде и никогда.
Не умирайте, господа –
Прошу вас вечно будьте живы.
В Кабуле, в Вене, Тель-Авиве,
Ценою звездного труда
Абрамы, Ибрагимы, Биллы,
Клошары, мудрецы, дебилы
Не умирайте господа.
Живите вечно, господа.
Вы удивитесь, может быть,
Что я молюсь за вас в России,
Но мне при всем желаньи жить
Ключ от бессмертья не добыть.
Так мир, устроен - не добыть.
Один я это не осилю...*

Что бы ни писал Леонид Андреевич, он оказывался равным самому себе. Его и только его этический максимализм. Его и только его неприятие городской обыденности и явная любовь к провинциальным городкам, к их людям и быту.

Предлагаемые информационно-методические материалы представляют личность Леонида Андреевича, освещают основные вехи его биографии, определяют значимость его творческого наследия. Творчество Л.А. Завальнюка, члена Союза писателей России, обогатило не только литературу Приамурья, но и всего Дальнего Востока, оно заняло значимое место в общерусской литературе.

Данный сборник состоит из шести разделов. В первом представлена личность Леонида Андреевича Завальнюка – показаны его уникальная жизнь и судьба. Второй раздел посвящён творчеству Леонида Андреевича: проза, поэзия, живопись. Особое место занимает третий раздел, в котором своими воспоминаниями о Леониде Андреевиче и оценками его творческого наследия делятся его современники. Четвёртый раздел содержит методические рекомендации к изучению жизни и творчества Л.А. Завальнюка на уроках литературного краеведения. В пятом разделе опубликован сценарий творческого вечера памяти Л. Завальнюка «Поэт из настоящих» авторского коллектива Л. А. Мицай и Г. И. Коваленко (г. Белогорск), литературно-музыкальная гостиная «Звенит высокая тос-

ка, необъяснимая словами...» авторского коллектива МБУК МИБС библиотека «Центральная» г. Благовещенска: О. А. Свечникова (заведующий библиотекой), С. В. Нечаева (библиотекарь), Е. Л. Левина (заведующий отделом обслуживания).

Литература в библиографическом списке сгруппирована в двух разделах: «Произведения Л.А. Завальнюка» и «Литература о творчестве Л.А. Завальнюка».

Сведения, предложенные в сборнике, могут быть полезны широкому кругу пользователей: библиотечным работникам, преподавателям, учащимся, всем, кого интересует творчество амурских писателей.

Данный информационно-методический материал является шестым выпуском из краеведческого цикла «Русские судьбы: амурские писатели».

К сборнику прилагается диск, содержащий электронную версию информационно-методических материалов «Знакомый незнакомец. О жизни и творчестве Л. А. Завальнюка»; презентации: «Леонид Завальнюк: поэт из настоящих», представляющую хронологию выхода книг Л. Завальнюка и фото-архив поэта (автор – М. К. Чеснокова, заведующий отделом краеведения и редких книг Амурской областной научной библиотеки им. Н.Н. Муравьёва-Амурского), «Знакомый и незнакомый Леонид Завальнюк» (автор – Г. В. Дружина, ведущий библиотекарь МБУК МИБС библиотека «Центральная» г. Благовещенск), презентация к литературно-музыкальной гостиной «Звенит высокая тоска, необъяснимая словами...» (авторский коллектив МБУК МИБС библиотека «Центральная», г. Благовещенск), «Мир сказок Л. А. Завальнюка. Рекомендации к урокам» (автор – Г. К. Алексеева, заслуженный учитель школ РФ, учитель МОУ СПОШ № 2, г. Благовещенск); фильмы: «Леонид Завальнюк. “Я ни с какого года”» (режиссёр и автор сценария Екатерина Круглая, 2011) и «Человек, которого я люблю» (экранизация повести «Дневник Родьки – “трудного” человека», 1966); 22 песни на слова Л. Завальнюка; 100 картин-монотипий Л. Завальнюка, предоставленные Игорем Горевым (министр внешнеэкономических связей, торговли и туризма Амурской области).

ВЕХИ СУДЬБЫ: «ГДЕ ДОМ ДРУЗЕЙ, ТАМ РОДИНА МОЯ...»

*Но мне при всём желании жить
ключ от бессмертья не добыть.
Так мирустроен: не добыть,
Один я это не осилю.*

Л. Завальнюк

Поэт, прозаик, драматург, художник Леонид Андреевич Завальнюк родился 20 октября 1930 года в городе Умани Киевской области.

От биографов Леонид Андреевич отмахивался, уверяя, что не знает точно ни места, ни года своего рождения. Это же суета, есть вещи поважнее, он так в стихах и написал:

*Я в детство не вернусь.
И в старость не войду.
Я как родился,
так и буду престарелым.
Нас множество таких
На свете этом белом...
С какого года я?
Я ни с какого года.
Родился вместе с вами. Жил, умру.
Всё с вами. Но не ваши.*

Тем не менее, детство будущий поэт и писатель провёл в небольшом украинском городе Смела, окончил там два класса школы. Мать Елизавета Андреевна, по воспоминаниям писателя, работала директором «ресторана». Но так как в Смеле в те годы не было никакого ресторана, то, скорей всего, это была какая-то столовая или кафе. Отец писателя, Андрей Дорофеевич, служил в уголовном розыске. Воспоминания о родителях давались Леониду Андреевичу нелегко. Его мать никогда не проявляла своих чувств по отношению к сыну. Иногда ему казалось, что она совсем его не любит, как, впрочем, и отца, и что он – ненужный в семье ребёнок. Это не могло не сказаться на мальчике, ощущавшем себя одиноким, словно он – сирота. В своей автобиографии Завальнюк

написал: «Я рос так, как будто у меня – ни отца, ни матери, а только она. Иногда мне казалось, что оба мы с ней сироты. <...> Много мне от неё перепало тепла и чистой, негромкой доброты. <...> Первые в жизни стихи я тоже услышал от неё». «Она» – бабушка Мария со стороны отца. Именно она дарила мальчику нежность и заботу, читала ему первые стихи.

По свидетельству друга семьи Леонида Завальнюка Паолы Волковой, «от рождения Лёня был ничей и родился нигде. Он родился то ли на Украине, то ли на окраине мира, то ли в Смеле или в Умани, или в селе Крымки, а может в селе Мираны? При поступлении в ремесленное училище ему дали первое свидетельство из ЗАГСа: “Завальнюк Леонид Андреевич. Год рождения 1930”. Ни места, ни даты, ни папы-мамы».

Когда Леониду Завальнюку было около четырёх лет, произошло событие, значение которого мальчик, конечно, осознать не мог: отца вместе с семьёй на несколько месяцев poslali в командировку в Хабаровск на борьбу с распространением опиума. Так писатель впервые оказался на Дальнем Востоке.

Весной 1941 года у 11-летнего Лени умерла мама. Летом, перед самой войной, отец женился на Елене Климовне Федченко. Это была высокая, крупная женщина с очень властным характером. Ожидать от неё ласки не приходилось. Они не были духовно близки, но это не мешало Завальнюку вспоминать о ней с глубокой признательностью, именно Елена Климовна воспитывала его в военные годы и помогла выжить. Отца почти сразу призвали на фронт, а Леонид с мачехой два года прожили в эвакопоезде, исколесив почти всю страну. Елена Климовна тогда работала поваром, а Леонид ей помогал.

Скучали по отцу и ждали от него писем. Утоляла тоску только песня. Любовь к песне поэт пронёс через годы и написал множество песен, которые стали любимыми народом. Спустя тридцать лет Леонид Андреевич написал об этом в стихотворении «Поём. Встаёт рассвет...»:

*Поём. Встаёт рассвет.
Трещит мороз большой.
Поём. И я в родстве
С неблизкой мне душой.
У мачехи моей
Чугунная рука.
Но вот поём мы с ней
Про гибель ямщика.*

*Но вот поём мы с ней
И плачем в два ручья
Над тем, что я ничей,
Да и она – ничья,*

*Над тем, что мы поём,
Чтоб отогреть сердца,
Над тем, что мы вдвоём,
В пустой стети вдвоём
Ждём писем от отца,
Которых нет и нет,
Как нет войне конца.*

В автобиографическом повествовании «Избранные места из переписки с самим собой» Леонид Андреевич вспоминает: «...Моя мачеха Елена Климовна замечательно пела особенно украинские песни. Как-то я стал ей подпевать, что ей очень понравилось, и часто потом мы пели в два голоса.

Помню такой случай. В военной теплушке. Где мы ехали, стоял большой не то ларь, не то сундук, в том сундуке я обычно спал.

Однажды я проснулся от того, что прямо надо мной, на крышке сундука, брякала посуда, звенели стаканы. Слышалось несколько мужских голосов, которые пытались подпевать Елене Климовне. Мужчинам это плохо удавалось.

Наконец, мачеха не выдержала, постучала бутылкой по крышке сундука:
– Лёнька. Спишь?

– Нет.

– Тогда давай вторым голосом. Ну! Ой, на гори тай жєнци жнуть!

Это была моя любимая песня. Я ту же подхватил, и мы стали петь с ней, как привыкли.

Мужчины затихли. А по окончании второй или третьей песни крышка сундука откинулась, и какой-то незнакомый мне лётчик протянул тарелку с бутербродами и четверть стакана водки.

Водку Елена Климовна, конечно, тут же изъехала...»

В 1943-м, после освобождения Украины от фашистов, Леонид Завадьнюк с мачехой вернулись в Киев. Елена Климовна поселила мальчика в большой нетопленной гостинице, а сама уехала устраиваться на работу в город Калигорку. Оставшемуся в одиночестве подростку пришлось искать способы выживания: он кормился тем, что продавал газеты на еврейском базаре в Киеве. Мачеха вернулась только через месяц и увезла мальчика с собой в Калигорку, где устроилась на работу следователем. Вскоре Елена Климовна уволилась с работы, купила дом в род-

ном селе Крымки. Правда, чтобы переехать в новый дом, нужно было выработать в колхозе необходимое количество трудодней. И мальчик пошёл на работу. Он боронил, сгребал сено на конных граблях, подвозил снопы к молотилке, носил воду хлебборам. Зато трудодни были выработаны, и Лёня с Еленой Климовной смогли поселиться в новом доме.

В селе Крымки при клубе Клары Цеткин работало литобъединение, к которому Леонид сразу же примкнул. Занятия в нём проходили в виде бесед, во время которых обсуждались стихотворения того или иного начинающего автора. Это была хорошая поэтическая школа, помогающая понять своё и чужое творчество, оценить его. Тогда же, во время занятий в литобъединении, Л. Завальнюк впервые задумался о том, что такое вдохновение, когда оно приходит и что делать, если его долго нет. Ответ на этот вопрос ему помог найти Борис Пасман, такой же начинающий поэт. Он сказал, что нужно работать. Не важно, пишется или нет, нужно садиться и писать, ну или хотя бы пытаться это делать. Иначе, когда придет вдохновение, не хватит мастерства, чтобы совладать с ним. Эти слова товарища глубоко запали в душу Леонида. С тех пор, где бы он ни был, «мысль всегда в работе».

Литературные способности Леонид Завальнюк обнаружил весной 1944 года, когда он, будучи тринадцатилетним мальчиком, в беседе во время рыбалки с дедом Вольком в селе Крымки, рассказал ему про украинский город Смелу, про свои с мачехой странствия.

Вскоре с войны пришёл отец. Пришёл, чтобы расстаться с женой, забрать сына и уехать в Винницкую область, в своё родное село Мервин, где царил запустение и голод. Урожая практически не было, кормились тем, что удавалось собрать на пустых колхозных полях. Огромной удачей считалось найти мёрзлые картошины, ведь из них можно было испечь очень вкусные «блины». А семья образовалась большая: Ленька, Андрей Дорофеевич, сестра отца Анастасия, три её дочери и бабушка Мария – мать отца. От голода спасала только корова, но и её кормить было нечем: сначала разбирали на корм соломенную крышу, а когда и эта еда закончилась, кормилицу пришлось зарезать.

Суровая проза жизни, казалось, не располагала к поэзии, но именно тогда Леонид написал первое стихотворение. Об этом знаковом событии своей жизни Леонид Андреевич рассказал в беседе с амурским журналистом С. Михайловым: «Тогда мне было тринадцать лет. Жили мы на Украине, в деревне, а школа была от неё в шести километрах, и я ходил туда пешком. Пока идёшь, чего только в голову не приходит! Однажды пришли стихи. Послевоенное время было голодное, и я сочинил, имея в виду себя:

*Поля зарастут бурьяном,
Будет степь целиком лежать.
Ведь не зря говорил Некрасов:
Учись мужика уважать.*

Показал стихи отцу, а он вместо похвалы сказал: “Что это? Что ты, вообще, пишешь? Кому-то угрожаешь, а надо писать, что думаешь. Нужно писать то, что чувствуешь по-настоящему. Если хочется кушать – пиши: я голоден, мне хочется есть! Хочется чего-то возвышенного – пиши, чего именно”. Хотя отец, конечно, не критик и его слова очень наивны, тем не менее, я всегда впоследствии старался придерживаться высказанного им принципа. Потом три года я не возвращался к стихам».

Радоваться жизни в семье, с отцом, Л. Завальнюку пришлось недолго. Через полгода после переезда в Мервин Андрей Дорозеевич отправился искать работу в Аккерман (название города Белгород-Днестровский до 1944 года), пообещав забрать мальчика вскоре. Но слова своего не сдержал, даже письма от него приходили редко. В те годы Леониду жилось особенно тяжело и одиноко. Обида на отца, ощущение, что он – обуза в огромной семье, угнетали и обостряли чувство одиночества. Не в силах больше ждать вестей от отца, по сути бросившего его, подросток решил строить свою жизнь самостоятельно.

В 1944 Завальнюк уехал в Донбасс, в город Никитовку, где поступил в фабрично-заводское училище. Через два месяца получил третий разряд токаря и отправился в шахту работать откатчиком. Но задержался там ненадолго. Вскоре Леонид получил письмо от родных из Мервина, из которого узнал, что сестра матери, тётя Женья, зовёт его жить к себе в алтайский городок Рубцовск. Но сначала нужно было попасть в Москву, найти её мужа – дядю Митю, и только потом отправляться в Рубцовск. Нелегко было решиться на переезд, ведь нужно было сбегать с шахты, без денег добираться до Москвы.

Дядя Митя работал сменным мастером по формовке на Алтайском тракторном заводе, туда же устроился и Леонид. В его обязанности входило разделение кувалдой траков для трактора и аккуратная отбивка литника. Определившись с работой, продолжил учёбу – в ремесленном училище и одновременно в вечерней школе.

В медицинской справке, выданной для поступления в училище, Завальнюку пришлось изменить год и место рождения (иначе в училище не брали). В результате, в паспорте, полученном вскоре, значилось, что Леонид Завальнюк родился в 1931 и не в Умани, а в Рубцовске. Этим и объясняется путаница при указании биографических данных писателя в разных документах и справочных статьях о нём.

Первые стихи возникли тут же. Леонид Андреевич в автобиографическом повествовании «Избранные места из переписки с самим собой» (опубликованных, в частности, в книгах «Посох» и «Планета Зет») рассказал: «Что-то вдруг нахлынуло, навалилось на меня. Какие-то слова, строчки. Кто-то как будто диктует. Я по улице шёл как раз. Ни карандаша, ни бумаги. Забежал на почту, там ручка, чернила. На обороте телеграфного бланка быстро-быстро написал что-то. Прочёл. Ещё раз прочёл и понял, что это стихотворение. Вот это да! На территории завода была многотиражка. Я отнёс туда свое творение. Там меня стали допрашивать: откуда я списал? А через два дня напечатали. Можете представить мой восторг, когда я увидел свои стихи в газете. Ну, думаю, раз так быстро печатают, надо ещё что-нибудь написать. Накатал шесть стихотворений. Принёс. Не взяли. Написал еще четыре штуки. Опять понёс, опять не взяли. Но с тех пор я был заражен этим делом <...> Ни одного слова из него не запомнил. Помню только, что строчки в нём то совсем короткие, то очень, очень длинные. Кстати, сейчас я часто пишу именно так. В этом есть своя прелесть, когда хорошо получается».

Такие стихи в филологии называют несимметричными, стиховеды считают их очень удобными для передачи живой разговорной речи. Именно таковой замечательной особенностью и отличается творческая манера Завальнюка, что, в свою очередь, роднит его с такими разными мастерами русского стиха, как Николай Заболоцкий, Леонид Мартынов и Генрих Сапгир. В конечном счете, всё это восходит к песенному фольклору и русской былине.

В Рубцовске Леонид Завальнюку прожил не более двух лет. За это время окончил 7-й класс, ремесленное училище, получил специальность фрезеровщика, но на этом учёба не закончилась. От училища его направили на обучение в группу токарей в Индустриальный техникум трудовых резервов, располагавшийся в Кривошёково, под Новосибирском. Там, при клубе, работало литобъединение, к которому начинающий поэт примкнул. Леонид Завальнюк также занимался боксом в спортивной секции.

Окончить техникум юноше не удалось. В 1951 году его призвали в Советскую Армию и отправили на Дальний Восток в артиллерийскую часть на станции Среднебелая – вычислителем-артиллеристом. Здесь в двух газетах «На боевом посту» и «Суворовский натиск» стали печатать его стихи. И здесь же, по сути, началась судьба Завальнюка-поэта. Всё получилось случайно: амурский поэт Константин Овечкин, прибывший по делам в их часть, познакомился с молодым военным, прочитал его стихи, нашёл их интересными и забрал рукописи с собой, что-

бы некоторые из них напечатать в альманахе «Приамурье». Но на страницах этого издания они так и не появились. Редактор недавно открывшегося в Благовещенске Амурского книжного издательства, будущий друг и издатель Леонида Завальнюка, Марк Либерович Гофман, разглядел в рукописных строчках младшего сержанта несомненное присутствие таланта. С его мнением согласились все работники издательства. «Мы просто не ожидали такого уровня, – вспоминал позже Марк Либерович. – Там была такая внутренняя сила, энергия строки, что меня это поразило. Мы позвали его в издательство и уже через год, в 1953 году, выпустили первую книгу его стихов – «**В пути**».

По ходатайству издательства Завальнюка перевели на службу в Благовещенск, в газету «На боевом посту», где он работал резчиком бумаги и одновременно кладовщиком. «Меня поставили крутить рулоны для бумаги, – рассказывал Леонид Андреевич, – и вместе с этим я должен был ещё считать количество выпущенных листов. Так как работа не предусматривала свободного времени для творчества, я приспособил к аппарату цифровой счётчик от печатной машинки. Таким образом, листы считались автоматически, а у меня появилась возможность думать и писать» (из личной беседы Ю. Гамерман с Л. Завальнюком).

Служба закончилась, и снова хотелось учиться. А как продолжать образование, если так и не удалось получить аттестат об окончании средней школы? Вот и окончил Завальнюк экстерном благовещенскую школу № 1 и поступил в Литературный институт имени М. Горького в Москве. В альманахе «Приамурье» вышла его пьеса в стихах «Ровесники», по которой автора приняли в Литинститут, после чего предопределение стать писателем окончательно утвердилось.

Начался новый, очень важный период жизни. Но прежде начинающий литератор съездил на Украину к отцу. Они не виделись долгие годы, и так получилось, что их встреча оказалась последней. Через шесть лет Андрей Дорофеевич утонул.

В институте Л. Завальнюк посещал семинары П. Антокольского, Л. Ошанина, Б. Ромашова. На курс старше его постигали литературное мастерство Е. Евтушенко, Р. Рождественский, Б. Ахмадулина. В отличие от собратьев по перу, Леонид редко появлялся на поэтических встречах, не стремился к славе и никогда не относил себя ни к одному литературному течению. Он вообще против объединения художников слова в какие бы то ни было группы, ведь, по его словам, «литература не терпит групповщины – она индивидуальна!».

В Литературном институте Завальнюк учился два года на очном отделении, потом перевёлся на заочное и уехал жить в Благовещенск,

где некоторое время работал редактором Амурского книжного издательства. Работал в военной газете «Тревога» (редактировал отдел «На досуге»), печатался в альманахе «Приамурье моё», газетах «Амурская правда» и «Амурский комсомолец». Сначала жил в гостинице «Амур», затем в деревянной постройке на улице Калинина.

С Благовещенском Завальнюка связывает очень многое. Именно этому городу писатель подарил своё сердце, именно этот город стал его второй родиной, куда уже много лет, живя в Москве, он возвращается, чтобы работать. «Я командировочный из Благовещенска», – всегда говорил Леонид Андреевич. Речка Зея, невообразимая природа и «друг Сирано», как он называет в своей автобиографии Марка Гофмана, сделали Благовещенск родиной Завальнюка. Благовещенск – город, на скрижалях которого, по признанию поэта, он остался «зарубкой». Во время своего последнего посещения Благовещенска в 2004 Леонид Андреевич признался: при звуке имени города: «Душа словно вздрагивает!». «В этом городе я рос, организовывался, вырослел, первая книжка моих стихов именно там вышла. Как это забыть? Это же, как первый ребенок! Многие литераторы в литературные отпуска стремились уезжать куда-то к морю, Пицунду любили. На крайний случай ехали в тишину Подмосковного леса. Я же на протяжении десятков лет каждый год уезжал на полтора-два месяца в милый сердцу Благовещенск. Я там много работал, много написал, там так хорошо писалось... Там был дом-завалюха на улице Калинина, я любил в нем останавливаться. Там всегда трещал сверчок – это для меня была как музыка вдохновения. Вообще где дом друзей, там и Родина моя... Там был дом моих друзей. Благовещенск – как город, как живой организм мне очень понятен и близок. Наши с ним энергетики схожи... А вообще работать можно везде, я любил писать в поезде, помню, из Варшавы как-то ехал в Москву и по дороге написал десять стихотворений».

«Работается мне здесь как нигде, – отметил Л. Завальнюк в своей статье в журнале «Юность» за 1982 год. – <...> Мне кажется, я нахожусь во внутренней гармонии с этой землёй – степь, среди которой возникают сопки, – она близка мне, как мелодия, по интонации».

Городу Благовещенску и реке Амур Леонид Завальнюк посвятил много стихотворений:

*Где две реки, как две руки,
Сошлись в рукопожатье,
Над величавою водой
Раскинут город молодой –*

*Старинный мой приятель.
Он не гигант, сказать по чести.
Но каждый дом и каждый куст
В нём удивительно на месте...
<...>
Но чувство Родины, земли,
Сочувствие природы
Впервые мне открылись здесь.*

Не случайно и последняя, изданная уже после смерти поэта книга носит «топографическое» название – «**Осень в Благовещенске**» (2011). Это последнее признание в любви Поэта своему Городу.

В Благовещенске вышли ещё три сборника стихов Завальнюка: «**За отступающим горизонтом**» (1956), «**Стихи о доме**» (1958), «**На дорогу времени**» (1959). Знаковым среди них был сборник 1956. Большую часть его объёма занимает поэма «**В пути**» (1956).

Вместе с поэмой в сборник включено пять баллад, тематически примыкающих к ней. Это всё та же героическая тема борьбы человека за жизнь и товарищество. В балладах в полной мере проявилось эпическое дарование поэта: сжато, лаконично описать подвиг, выразить напряжение человеческой воли, героический порыв через внешнее, хотя бы не очень яркое, проявление. Эта внешняя деталь, как намёк, разворачивается в читательском воображении в уникальную картину событий, окрашенную индивидуальными эмоциональными красками, подсвеченную личным экзистенциальным опытом каждого читателя. Героико-романтический пафос лирической эпики начинающего провинциального поэта был соприроден лирическому пафосу баллад его современников, жителей метрополии – Р. Рождественского, Б. Слуцкого, Е. Евтушенко, В. Высоцкого. Жизнь в провинциальном Благовещенске вовсе не мешала Завальнюку чувствовать нерв эпохи и быть современным, быть частью литературного процесса.

В 1960 году, находясь от издательства в командировке в Москве, Леонид Завальнюк в доме своих друзей – профессиональных художников Лёвы Мильчина и Тамары Палетика – встретил свою будущую жену Наталью. Женившись, переехал в столицу. Здесь он целиком посвятил себя литературе.

Печатался в литературно-художественных журналах «Юность», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь». В 1962 его приняли в Союз писателей. Леонид Андреевич вспоминал: «Когда собрался вступать в Союз писателей, неожиданно появились препоны. Обвинили в членстве кружка любителей стихов Пастернака. Ещё одна серьёзная претензия –

“отсутствие прописки”. То есть – мало в творчестве отражены местные мотивы. Амурские поэты непременно должны писать об Амуре, курские – о Курске...» (из интервью «Амурской правде» в феврале 1997 года). Формальные препоны были преодолены.

В предисловии к книге «Листопад» Александр Межиров написал, что Завальнюк всегда был сам по себе, ни в какие литературные «обоймы» он не входил. Хорошо это или плохо, никто не знает... Так оно и есть на самом деле. «Я абсолютный одиночка – неоднократно говорит Леонид Завальнюк. – И если есть люди, которые влияют на меня и оказывают воздействие на то, чем я занимаюсь, то они, как правило, не поэты, и не писатели, и не художники. Человек, который оказал на меня огромное воздействие и продолжает оказывать, это Марк Либерович Гофман, с которым мы знакомы уже больше сорока лет. Это не значит, что абсолютно всегда я согласен с тем, как он понимает то или иное поэтическое явление. У нас очень много расхождений. Но, тем не менее, у него очень высокие художественные критерии, хорошее знание поэзии, литературы. И не только русской, но и украинской в том числе, потому что он киевлянин, украинский язык прекрасно знает. У меня есть стихи, я их цитирую иногда при случае: «Где дом друзей, там родина моя». Я ведь не благовещенский человек, я с Украины. А здесь я служил в армии, здесь познакомился с Марком. Здесь вышла моя первая книжка. И так получилось, что и он, и я очень привязаны к этому краю. Но если бы не было здесь Гофмана, мне было бы очень трудно сюда приезжать. А так у меня два позыва: с одной стороны, это земля, к которой я привязан, и, с другой стороны, этот человек, который очень влияет на всё, что я делаю. С моей точки зрения, влияние это незаменимое».

Москва дала возможность по-настоящему развернуться творческому дарованию Леонида Андреевича. Диапазон его исканий широк: поэзия, проза, драматургия. Завальнюк работал в кинематографе и мультипликации. По его повести «Дневник Родьки – “трудного” человека» в 1966 был снят художественный фильм «Человек, которого я люблю». В соавторстве со С. Кулешом написан сценарий к фильму «Развлечение для старичков» (1976). По сценариям Завальнюка снято несколько мультипликационных фильмов: «Зеркальце» (1967), «Волшебная палочка» (1972), «Коля, Оля и Архимед» (1972) и др., а также мультипликационный сериал «Рассказы старого моряка. Необитаемый остров» (1971), «Рассказы старого моряка. Антарктида» (1972). Леонид Андреевич в анимации сотрудничал с режиссёрами Л. И. Мильчиным, Ю. А. Прытковым и др.

Важная особенность поэтического творчества Завальнюка – мелодичность. И это свойство стихов закономерно вызвало к жизни ещё одну творческую ипостась Леонида Андреевича как поэта-песенника. Сотрудничать с композиторами (Е. Лыткиным, А. Ривлиным, Г. Пиджукковым, Н. Лошмановым, В. Пороцким и др.) он начал ещё в Благовещенске. В соавторстве с А.Г. Ривлиным, журналистом и музыкантом, родились такие песни, как «Величавый Амур», «Могила партизана», «Партизанские тропы». В Москве работа с композиторами продолжилась. Завальнюк является автором стихов более чем полусотни популярных песен композиторов Ю. Саульского, П. Аедоницкого, Л. Лядовой, Б. Емельянова, А. Зацепина, И. Катаева, Р. Майорова, Е. Птичкина, Д. Тухманова, М. Табачникова, Л. Гарина, А. Чернышова и других. За ряд песен, написанных в соавторстве с Ю. Саульским, Л. Завальнюк неоднократно удостоивался звания лауреата телевизионного фестиваля «Песня года»: «Не покидает нас весна» в исполнении Иосифа Кобзона (1979); «Ожидание» в исполнении Софии Ротару (1980); «Осенняя мелодия» («Звенит высокая тоска...») и «Обида» в исполнении Татьяны Рузавиной и Сергея Таюшева (1981 и 1982); «Счастья тебе, Земля!» в исполнении Софии Ротару (1983); «Сожалею» в исполнении Валерия Леонтьева (1986).

В телеспектакле режиссёра Владимира Андреева «Повесть о молодых супругах» (1982), снятого по мотивам одноимённой пьесы Е. Шварца, прозвучало несколько песен на музыку Ю. Саульского и на стихи Л. Завальнюка среди которых «Потеряна собака», «Два белых снега», «В душе поёт пластинка...» и др.

В подтверждение популярности стихотворений и песен Л. Завальнюка приведём фрагмент его беседы с И. Игнатенко, состоявшейся во время приезда Леонида Андреевича в Благовещенск в 1997 году.

«...я тогда учился в Литературном институте. Вначале я был в семинаре Павла Антокольского, а потом перешёл в семинар ко Льву Ошанину, который известен всем как автор многих интересных, замечательных песен. Поэтому и нам он много о песне толковал. Однажды он сказал: “К следующему семинару попробуйте написать песню о Москве”. Ну, к Москве у меня было очень сдержанное чувство в те времена, я не чувствовал себя московским человеком. И вообще мне казалось, что большой город не очень подходящее место для жизни и написания стихов. Я не мог написать стихи о Москве как о Москве. И вот, поскольку осень была тогда, я написал свой «Листопад».

*Замечательней поры.
Осень пала золотая
На московские дворы.
Не заметить невозможно.
Всюду надписи висят:
«Осторожно! Осторожно!
Осторожно – листопад!»*

Потом прошло какое-то время, долгое довольно. Я давал стихотворение кому-то из композиторов, никто ничего не написал. И уже совсем недавно где-то я выступал, не помню где, в каком-то институте. И в ответ на моё выступление вышли две студентки и спели песню “Осторожно, листопад”. Я говорю: откуда, что это? Они отвечают: “Это наша институтская песня. Уже на протяжении многих-многих лет она передаётся от одного поколения к другому”. А кто музыку написал? Говорят: “Вот одна дама написала музыку, когда-то она у нас преподавала. С тех пор песня и существует”».

Везде его выгодно отличало, выручало так называемое «детское мышление», которым и обладает настоящий поэт.

Среди любимых поэтов Завальнюка были Державин, Лермонтов, Шевченко, Крылов. Из современных – Давид Самойлов, Белла Ахмадулина, Юрий Кузнецов, Булат Окуджава.

С Булатом Окуджавой Леонид Завальнюк был знаком лично: «... в своё время я послал ему отсюда телеграмму. Он тогда работал в “Литературной газете”. Я обратился к нему со следующей просьбой: “Прошу никогда впредь мои стихи в вашей газете не печатать”. (Смеется.) Представьте, стихотворение моё в “Литературке” разделили на четыре части и только одну из них опубликовали. Я в ужас пришел. Окуджава неожиданно для меня не оскорбился таким посланием. Долгие годы мы были в достаточно близких приятельских отношениях».

На протяжении всей жизни Леонид Завальнюк увлекался живописью. Некоторые свои сборники стихов он иллюстрировал акварелями, своеобразными, исполненными света и цвета.

В Нью-Йорке, в музее Рериха, прошла первая выставка живописных работ Л. Завальнюка, на которой также были представлены и некоторые переведённые на английский язык стихи. Вторая выставка состоялась в 1992 году Благовещенске.

В Москве прошло несколько выставок картин Леонида Андреевича. 30 марта 2006 года в Москве состоялось открытие выставки картин Леонида Андреевича в музее С. Конёнкова (филиале Пушкинского музея Москвы), приуроченной к 250-летию Российской академии худо-

жеств. В декабре 2006 года в Галерее Международного университета в Москве проходила персональная выставка работ Леонида Завальнюка «Красный стон».

Живописные работы Леонида Андреевича находятся в частных коллекциях в России, Англии, Италии, Финляндии, США.

На протяжении более 40 лет, с тех пор как оказался в Москве, Л. Завальнюк приезжал в Благовещенск почти каждый год, на месяц-полтора.

Ректор Благовещенского педуниверситета Юрий Сергиенко обратился к Завальнюку с просьбой: «Леонид Андреевич! Оставьте, пожалуйста, на время свою столицу и посетите наши края, поучите студентов основам поэзии, поделитесь секретами мастерства... Расходы на путешествие берём на себя». От такого предложения поэту было трудно отказаться. Нравилось ему в Благовещенске. Писалось хорошо вдаль от столичной шумихи и суеты. Домоседом Леонида Андреевича никак не назовешь, судя по названиям его книг: «В пути», «Дальняя дорога», «За отступающим горизонтом» и т. д.

«И вот в марте 2004-го, Леонид Андреевич прилетел в Благовещенск. Здесь он встречался с читателями и журналистами, выступал на радио и телевидении, в библиотеках: вузах города. Но самой насыщенной получилась программа пребывания в нашем университете. Впечатляет простое перечисление мероприятий «Дней литературы в БГПУ» с участием Леонида Андреевича: выставка картин, мастер-класс для начинающих поэтов, выступление перед студентами, приветственное слово на конференции для учителей, аспирантский семинар, посвящённый анализу ранней поэзии Завальнюка, творческий вечер для всех поклонников Леонида Андреевича», - пишет Н.В. Киреева.

Тогда в 2004 году, в интервью журналистам «Амурской правды» Леонид Андреевич сказал: «Последний раз я был здесь три года назад. Если бы университет не пригласил – неизвестно, побывал бы я на Амуре ещё когда-нибудь... Раньше приезжал в командировки. Объяснял: пишу цикл поэм, которые называются “Рядом с БАМом”. Потом я ездил за свой счет. На протяжении 43 лет, с тех пор как оказался в Москве, бывал здесь почти каждый год. На месяц-полтора приезжал...».

В марте 2007 года Леонид Андреевич поддержал инициативу создания литературно-краеведческого музея БГПУ. В качестве экспоната он подарил свою «амбарную книгу», в которую записывал черновики стихотворений. Кроме того, среди подарков музею – одна из картин в технике монотипии и его книги с автографами. И прокомментировал открытие музея словами, прозвучавшими в записи Н.В. Киреевой: «В Бла-

говещенске был театр, был кукольный театр, было издательство – это был один город. Издательства не стало – это уже немножко другой город. Немножко другая атмосфера – культурная, другой воздух. И то, что появляется сейчас ещё один очаг добра – это большое-большое дело. Для Благовещенска, для Амурской области, для всех людей, связанных с Дальним Востоком. И вообще – он важен для всех, потому что добро, излучаемое в пространство, – не пропадает, оно распространяется абсолютно во все стороны и на все расстояния. Я желаю этому музею доброй, хорошей, долгой жизни и роста – постоянного роста!».

За первое десятилетие XXI века вышло несколько стихотворных сборников Леонида Андреевича: «Стихи» (2001), «Музыка жеста» (2002), «Под словом» (2004), «Планета Зет» (2006), «Посох» (2006), «Летела птица» (2009), а также автобиография «То, что помню...» (2004). Поэт активно участвовал в литературном процессе, публикуя свои произведения в литературно-художественной периодике: «Всё люблю и ничего не ладу» (Новый мир. 1996. № 7); «Что там на третье?» (Новый мир. 1998. № 2); «Через...» (Октябрь. 2002. № 11); «Сердце сердца» (Октябрь. 2004. № 7); «Мысли вслух» (Амур. № 3. 2004); «Когда-нибудь...» (Октябрь. 2006. № 7); «Жестокое начало» (Октябрь. 2009. № 2). Уже после смерти поэта вышла книга «Осень в Благовещенске» (2011). На уход поэта отреагировали журналы, в которых он публиковался ранее: «Октябрь» («Из неопубликованного». 2012. № 6), «Амур» («Сказки лесной поляны». 2011. № 10).

В одном из интервью на вопрос «Во имя чего творит человек?» Леонид Завальнюк ответил: «Во имя чего? Во имя Бога, если хотите. У меня есть стихи: «Не порицая, не дивясь, не трогайте руками. / Поэт – единственная связь с грядущими веками...». Поэт чувствует, что на нём лежит огромная ответственность. Он – как единственный канал, единственный провод, который соединяет очень важные вещи. И конечно, он ни в отдых не имеет права идти, ни на дно ложиться. Он должен работать».

Богатство творческих ипостасей Леонида Завальнюка идёт от богатства его личности. А потому девиз писателя: «Один день жизни – тоже жизнь!». Ведь жить нужно в полную силу, не откладывать ничего на завтра, так как это будет уже новый день, а значит, новая жизнь, наполненная другими, не менее интересными событиями. Нужно верить в себя, свои силы, не слушать ничьих советов, а только своё сердце, не бояться ошибаться, строить жизнь по собственной воле. Только так, по мнению поэта, можно обрести себя и свой путь в этом мире.

В своём творчестве Леонид Завальнюк пытался найти «лестницу в небо», путь к вечной гармонии, красоте, добру: «Моя философия проста как кружка воды, как глоток воздуха – самая большая ценность в жизни – это сама жизнь» (из интервью с амурским журналистом Александром Ярошенко, 2009 года).

На вопрос своего редактора М.Л. Гофмана: «Что было бы, если бы ты знал твёрдо, что всё, что ты пишешь, никогда не увидит света?» – Леонид Завальнюк ответил: «Писал бы! Ведь если получилось так, что Бог дал мне такое, значит, это кому-нибудь нужно, а это уже достаточный стимул для творчества». Так мог ответить только человек состоявшийся, человек цельный, человек счастливый. Он дарит людям надежду, добро и радость. Достаточно хоть раз прикоснуться к его творчеству, чтобы понять, насколько близок писатель каждому живущему на этой земле, потому что он «в каждой слабости, в каждой силе, в каждом сердце прописан...».

В интервью с И. Игнатенко (1997) Л. Завальнюк сказал: «Практически мало что меняется в моих устремлениях. О чём я старался писать ранее, о том я и теперь пишу. Пишу о любви, о человеческой близости. О земле пишу, потому что в этой теме заключено многое. Вот круг моих тем, он немудрящий, что называется. Но это явления очень крупные – и любовь, и близость. Думаю, этих тем мне хватит до конца моих дней. Не собираюсь менять ни свою профессию, ни свою нравственную ориентацию. Как всё было, так оно и будет».

Леонид Андреевич считал амурчан своими земляками всегда и везде, где бы он ни был: «Это ощущаю и в Москве сидя, и здесь в Благовещенске. А пожелать могу только того же, что я могу пожелать самому себе: чтобы жизнь продолжалась, чтоб не прервалась она. И чтобы все те ямы и колдобины, все те бездны, которые нам встречаются на пути, были явлением сугубо временным. Желая всем оптимизма, потому что оптимизма сейчас очень не хватает, а я так думаю, что это чувство не только греет душу и успокаивает, не только даёт надежду, но ещё и движет то хорошее, что должно расти и умножаться в нашей жизни».

В последние годы Леонид Завальнюк много писал для детей. Его рассказы наполнены необыкновенной добротой, отличаются изящным стилем и богатым языком, а созданные им азбуки отличает качественно новое содержание: азбука не только знакомит детей с буквами, но и является одновременно книжкой для чтения с небольшими сюжетами (теперь эту идею широко используют многие издательства).

Леонид Андреевич скончался 7 декабря 2010 года в Москве от сердечной недостаточности. Похоронен 11 декабря на Троекуровском кладбище Москвы.

Для него «забвенье – больше, чем проклятье», но он не забыт, нет, не забыт.

К 80-летию со дня рождения Леонида Андревича снят документальный фильм «Леонид Завальнюк. “Я ни с какого года”» (2011, Студия «СВС» по заказу ГТРК Культура, режиссёр и автор сценария Екатерина Круглая).

Юбилейный выпуск альманаха «Амур» (2011) Благовещенского государственного педагогического университета посвящён памяти Леонида Завальнюка. Леонид Завальнюк неоднократно печатался на страницах издания, иногда публиковались материалы о писателе. В юбилейном альманахе читателей решили познакомить с произведениями Завальнюка другого жанра. В зрелые годы поэт стал писать сказки. В альманахе опубликовали «Сказки лесной поляны», разговор-интервью с Игорем Даниловичем Игнатенко, воспоминания Натальи Киреевой, Владислава Лецика, Николая Левченко, Валерия Черкесова и даже эссе студентов, которые читали стихи Завальнюка и свои впечатления выражали в такой форме.

В августе 2014 года вышло сразу два сборника стихов Л. Завальнюка «Предвестье» и «Сто стихов, сто картин». В первую книгу, названную «Предвестье» и состоящую из «знаков» и «символов» вошли поздние стихи Леонида Завальнюка, которые его жена Наталья Марковна годами собирала и хранила. Пожелтевшая стопка страниц, напечатанных на машинке, стала новым пророчеством, которое поэт отправляет читателю уже после смерти. «А жизнь, она кругла. И я еще вернусь», – пишет Завальнюк и будто проживает всю свою жизнь заново в десяти главах-знаках – от детства и войны в «Знаке памяти» до возраста мудрости и идеи возвращения, воскресения в «Знаке прощаний». «Мне кажется, Лёня очень духовный человек. Он жизни своей не мыслил без этих знаков, – говорит Наталья Марковна.

Во второй, вышедшей в конце августа 2014 года, книге Завальнюка «Сто стихов – сто картин», абстракции и юмористические картинки соседствуют с сотней самых впечатляющих стихов Леонида Завальнюка. В подборе этих «знаковых» для творчества поэта стихов кроме жены Натальи приняли участие друг Завальнюка из Благовещенска Игорь Горевой (Министр внешнеэкономических связей, торговли и туризма Амурской области) и сын близкого товарища и соратника поэта Марка Гофмана, которого тот в своей автобиографии шуточно называет «Сирано».

*От истоков своих человек
Не уходит и не отвыкает.
Потому что не вынуть надежд
Из того, в чем они возникают,*

*Потому что не вынуть любовь
Из простора, где сердце стучало,
Где, мужая, душа излучала
Благодарность к травинке любой.*

Этот отрывок из поэмы Завальнюка «Осень в Благовещенске» стал эпиграфом к книге-альбому, книге-метафоре, собранной в память о годах Леонида Завальнюка, проведённых на Дальнем Востоке.

«Я не фанат поэзии. Но два года назад я узнал в своей любимой песне отрывок из поэмы «Осень в Благовещенске» Леонида Завальнюка, и меня прошибло», – признался на недавнем заседании дискуссионного клуба «Мой город – Благовещенск» министр внешнеэкономических связей, туризма и предпринимательства области Игорь Горевой.

По его словам, именно этот момент стал поворотным и привёл к созданию проекта «Леонид Завальнюк. Возвращение», который воплотился в областном центре с 18 по 23 мая.

18 мая состоялось открытие мемориальной доски памяти поэта Леонида Завальнюка (автор – московский скульптор Александр Бурганов), с высеченной его строчкой «Где дом друзей, там родина моя» на фасаде главного корпуса БГПУ. В церемонии приняла участие и муза творца Наталья Марковна Завальнюк.

После торжественного открытия мемориальной доски, студенты, курсанты ДВВКУ, амурские поэты, преподаватели и представители власти стали участники музыкально-поэтической композиции. В холле университета открылась выставка «Леонид Завальнюк в БГПУ» – на ней представлены экспонаты, рассказывающие о десятилетиях общения русского поэта с преподавателями и студентами, о посвященной Завальнюку экспозиции в литературно-краеведческом музее БГПУ, об изданных в педуниверситете газетах, альманахах, книгах, печатавших как стихи и прозу Завальнюка, так воспоминания и биографические материалы о поэте. Также выставка знакомит с направлениями исследования творчества Леонида Завальнюка на протяжении нескольких десятилетий.

19 мая в Амурском областном краеведческом музее в рамках проекта «Леонид Завальнюк. Возвращение» состоялось открытие его персональной выставки картин, выполненных в технике монотипия. На выставке представлены и личные вещи Леонида Андреевича – письменный стол, пишущая машинка, рукописи, – переданные Натальей Марковной.

21 мая в Амурском театре драмы прошёл творческий вечер «Поэт из настоящих», поставленный белогорским управлением культуры.

22 мая в Общественно-культурном центре состоялась встреча с Натальей Марковной Завальнюк в режиме живого общения програм-

мы «С любимыми не расставайтесь». Кроме этого, была представлена большая концертная программа «Счастья тебе, Земля моя!» с участием эстрадно-джазового оркестра под управлением Анатолия Хопатько. Прозвучали песни, написанные на стихи Леонида Завьянюка.

У авторов проекта «Леонид Завьянюк. Возвращение» далеко идущие планы, в числе которых – учреждение негосударственной литературной премии имени поэта, создание ремейка фильма «Человек, которого я люблю» и даже мюзикл на его песни.

Унылый вечер

*Унылый вечер брел к погосту.
И отразинутой избы
Разило валенком сиротства
И волчьим войлоком судьбы.
И вдруг сквозь тучи – Луч осенний.
И голос чистый, как звезда:
– Спасенье в том, что нет спасенья
Все, Все уйдете без следа!
– А ты? — спросил унылый вечер.
– А я, — сказал далекий свет,
– Умру живым и буду вечен.
– Ну вот!.. – И улыбнулся вечер.
– А говорил, спасенья нет.
И дальше он побрел, как пленный
И где-то на краю земли
Вдруг слился с голосом вселенной.
И канул. И исчез вдали.*

ТВОРЧЕСТВО А. ЗАВАЛЬНЮКА: «ДНЕВНИК ДУШИ»

ПОЭЗИЯ: В СТИХАХ ВСЯ ЖИЗНЬ

*Ни порицая, ни дивясь,
Не трогая руками,
Поэт – единственная связь,
С грядущими веками.
Пусть он затравлен и гоним
Но только, но только с ним
Наш плоский мир объёмен.
Л. Завальнюк*

Творчество Леонида Андреевича Завальнюка почти не изучено, а между тем его стихи имеют большую ценность. Они обладают особой поэтичностью, глубиной и одновременно простотой. Стихи раскрывают нам события, происходящие с нами и со страной доступным языком. Они заставляют задуматься о, казалось бы, совершенно обыденных вещах.

Леонид Завальнюк посвятил множество произведений Дальнему Востоку, Амурской области. Пожалуй, ни один писатель и поэт не создал столько произведений об этих местах. Поэтому изучение творчества Завальнюка актуально и важно для нас, амурчан. Поэзию Леонида Андреевича нельзя спутать с творчеством других авторов. У неё собственный стиль, особая интонация.

Уже в первой книге «В пути» (1953) – маленького формата, в твёрдом переплёте, на обложке рисунок – солнышко встаёт, обозначились контуры будущего творчества Леонида Завальнюка, определились его тематические, жанровые, поэтические предпочтения.

Прежде всего, стало понятно, что Завальнюк не ищет тем вне жизни, вне личного опыта. Одиночество, сиротство, странничество, родина и любовь – мотивы, которые пронизывают всё его творчество. «Вы “столпник”, а не “путник” <...>, – писала Завальнюку в 1996 поэтесса Татьяна Бек, – Вы сразу явились в мир со своей главной болью (“темой”) и её несколькими психологическими гранями, – а затем её длили, уточняли, углубляли, своей доминанте никогда не изменяя, не делая главным – нечто др.».

В лирике каждого поэта можно выделить ряд ключевых образов, помогающих постичь законы его творческой вселенной и вписать её в контекст русской литературной традиции. Одним из таких образов у Леонида Завальнюка выступает образ пути. Не случайно, именно он дал название первому сборнику стихов «В пути». Различные варианты этого образа впоследствии будут неоднократно появляться на обложках многих стихотворных сборников поэта: «За отступающим горизонтом» (1956), «На дорогу времени» (1959), «Возвращение» (1983), «Дальняя дорога» (1987), «Беглец» (1996), «Посох» (2006), «Летела птица» (2009).

В русской литературе путь (дорога) – один из ключевых символических образов. Образ пути, дороги обнаруживается уже в фольклоре и в древнерусских текстах. Например, сюжет и композиция в сказке «Колобок» строится и развивается по мере продвижения главного героя: «Катится Колобок по дороге, а навстречу ему...». В пути-дороге совершают свои подвиги герои русских былин – славные богатыри Илья Муромец, Алёша Попович, Добрыня Никитич («Алёша Попович и Тугарин Змеевич», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Бой Добрыни с Дунаем»). В данных произведениях образ дороги используется в прямом значении – как путь сообщения, передвижения, путешествия.

Но в русском национальном сознании образ пути-дороги приобретает символический смысл: путь страдания и горя. По дороге едет из Петербурга в Москву А.Н. Радищев, желая понять скрытые пружины русской жизни. По дорогам передвигаются герои «Мёртвых душ» Н.В. Гоголя и «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова. Не случайно Ю.М. Лотман подчеркивал, что «русская литература XIX века могла бы составить целую антологию, в которую вошли бы и дорожные стихи Пушкина, и лирические отступления Гоголя, и “Родина” Лермонтова, и “Коляска” Вяземского, и многое другое».

В лирике Завальнюка эта богатая традиция продолжается, прирастающая новыми смыслами. Образ пути у поэта многогранен, сложен и раскрывается через сопутствующие, близкие ему образы.

Уже в ранних стихах Завальнюка образ пути предстаёт как метафора жизни, а движение по ней – это возможность познать себя и мир. В этом отношении примечательно стихотворение «Аэродром», написанное в 1960-е годы. Образ пути конкретизируется здесь с помощью дополнительных образов аэродрома и взлётной полосы. Конкретизируется и география путешествий:

*На седом Амуре
Вижу Подмосковье,
За Дунаем слышу
Зейскую пургу.*

Аэродром выступает символом определённого этапа на жизненном пути любого человека:

*Кто-то улетает,
Кто-то остаётся.
Не бывает, чтобы
Улетели все.*

Стихотворение глубоко оптимистично, на что указывают последние строки, отчасти повторяющие первые, таким образом, стихотворение имеет кольцевую композицию:

*Кто-то улетает,
Кто-то остаётся.
Не бывает, чтобы
Улетели все.
Потому так щедро
Майский день смеётся
Мне, и вам,
и этой
Взлётной полосе.*

Тем самым, аэродром и взлётная полоса становятся символами дороги по воздуху, а в переносном значении – человеческих возможностей, полёта мысли, движения, непрерывного развития всего на свете.

Позднее значение образа пути сужается, связывается с судьбой лирического героя, тождественного автору. Так, стихотворение «Мне чудятся поля, которых я не знал...» включает читателя в автобиографический контекст творчества Завальнюка, который во время Великой Отечественной войны после призыва отца на фронт исколесил почти всю страну с мачехой, два года работавшей в эвакопоезде.

В этом стихотворении появляется метафора рождения как вокзала, на который высадил героя «угрюмый контролёр» – судьба:

*Мне чудятся поля, которых я не знал
Какой-то лес, поля за косогором...*

*А за миллионы лет от них –
Рожденья моего вокзал,
Где был я высажен угрюмым контролёром.*

Но ведь из поезда высаживают безбилетников. Начало жизни, тем самым, ассоциируется с ощущением брошенности и ненужности. Лирический герой, высаженный угрюмым контролёром или покинутый жизнью-кукушкой, мечется в поисках родственной души, но так и не находит её.

В этом же стихотворении появляется ещё один важный для мотива пути образ – образ поезда-жизни:

*Куда-то жизнь меня не довезла,
В какие-то края совсем другие.
Не оттого ль порою ностальгия
Отодвигает все заботы и дела?*

Преобладающим настроением здесь становится настроение тоски, неудовлетворённости и ностальгии, которую испытывает лирический герой. Возможно, это ностальгия по малой родине, Украине, которую поэт покинул, будучи совсем юным, а, став взрослым, приезжал на малую родину лишь изредка, когда ностальгия становилась такой сильной, что отодвигала «все заботы и дела».

Поезд выступает в лирике Л. Завальнюка символом жизненного пути, и местом, в котором можно спрятаться от жизни и уехать от самого себя, забыться. Так усиливается ощущение бесприютности, обречённости героя, вытолкнутого в жизнь «угрюмым контролёром», а образ пути оказывается прочно связан с мотивами жизненного пути, странничества, одиночества.

*Не оттого ль порой, бывшее сокрушая,
Минуя все дома и города,
Я в сотнях поездов куда-то уезжаю
И сам с собой прощаюсь навсегда?*

В лирике Завальнюка порой трудно отделить автора от его лирического героя, представляющего одиноким странником (стихотворения «Осенние дали пусты...», «То молодость была», «Мне чудятся поля, которых я не знал...», «Маркшейдер, словно цапля, длинноног...», «Сиротским сердцем на стезе земли», «Надежда», «Пустой паром», «Грусть» и др.).

Лирический герой Завальнюка – странник, путешествующий по просторам родины, ведомый какими-то «тайными голосами»:

*Куда иду? Давно не знаю сам.
Подъём всё круче,
Шаг всё тяжелее.
Но что-то говорит во мне:
– Вперёд, вперёд, смелее!
И я иду,
Привыкший верить тайным голосам...*

Образ пути, дороги в лирике Завальнюка связывает автора, лирического героя с другими людьми и одновременно обрекает на одиночество, заставляя отправляться к истокам своей жизни и отвечать на мучительные вопросы. Именно поэтому путь проходит не только в реальном пространстве, но и в сердце и в душе лирического героя, становясь метафорой жизни.

Хорошо ощутимая в первой книге Завальнюка тяга к сюжетным зарисовкам, драматически разыгранным стихотворениям обнаруживает в нём склонности к прозе (что впоследствии реализуется в составивших дилогию повестях «Дневник Родьки – “трудного” человека» и «Не имеющий друга»). На небольшом пространстве короткого стиха поэт умеет дать не только лирическое переживание, но и бытовую сценку, людей в действии. Конкретность и почти акмеистическая отточенная выпуклость детали станут характерными приметам поэтического стиля Леонида Андреевича, сделают его стихи узнаваемыми. Эпическое начало навсегда поселится в его поэзии и обусловит ощутимое присутствие в творчестве таких лиро-эпических жанров, как баллада и поэма.

Поэма «В пути» (1956) написана по фабульной канве романа-воспитания. Герой её – молодой человек, современник автора, показан в начале жизненного пути, ему восемнадцать лет. Жизнь героя пробует его «на стойкость, на изгиб и на излом». Но судьба юноши не исключительна, в ней типически обобщена судьба людей, родившихся незадолго до начала войны. Отец ушёл на фронт и не вернулся. От горя и усталости умирает мать. Равнодушный «эскулап с бутылочно-зелёными глазами» даже не пытается бороться с приближающейся смертью. Это равнодушие возмущает юношу. Он не может согласиться с тем, что можно «смерть спокойно пропускать, не возражая ей, не протестуя». И чтобы «всей жизнью» доказать этому равнодушному эскулапу, что всё-таки именно он повинен в смерти его матери, герой даёт клятву стать врачом. Завязка поэмы напоминает завязку известного романа В. Каверина «Два капитана» (1944). Автор не скрывает этого и прямо говорит о ге-

рое, что «брехал он каверинским героем и сам себе не признавался в том». Отныне равнодушный врач становится для него символом зла. Поступить в медицинский герою не удаётся. Его призывают в армию. Осуществление мечты откладывается. Армия – большая школа жизни для героя, он покидает её совершенно другим человеком. На этом поэма заканчивается, обманывая читательское ожидание.

Критики неоднозначно отнеслись к финалу. В. Колесов отмечал, что финал обусловлен как неудачным решением темы, так и позицией автора. Герой не добился поставленной цели, не доказал (как каверинский герой) подлецу, что он подлец. Но на самом деле он добился большего – «построил» себя, освободился от желания мести, открыв иные жизненные горизонты. Основной пафос поэмы – в движении, развитии героя в пути; он просто идёт «вслед за отступающим горизонтом», «шагает, словно влитый в вечер, огнём лучей закатных осиян».

Как и роману воспитания, поэме «В пути» свойственен дидактизм. В ней много «прямых» авторских размышлений, вторгающихся в повествование, отодвигающих героя на второй план. Отсюда и обедняющие художественную мысль и поэтический язык риторизм и декларативность. Но в целом, и это отмечалось уже критиками-современниками, поэтическая речь Завальнюка своеобразна, красочна, насыщена афоризмами.

Проблематика произведения обуславливает его идею: на жизненном пути с человеком может случиться всякое, главное, что необходимо понять каждому, вышедшему на дорогу своей судьбы, – выбор должен основываться на следовании голосу сердца, призванию, на чистоте помыслов, а не на погоне за славой, не на самоутверждении за счёт других.

Раскрытие проблематики осуществляется через анализ двух сюжетных линий: событийной, составляющей пространственно-временную структуру произведения, и внутренней, отражающей личностные переживания героя.

В первой главе герой отправляется навстречу своей мечте – поступать в медицинский институт. В ретроспективном отступлении автор пытается прийти к пониманию причин, побудивших героя пуститься в путь. Мы узнаём, что герой немного младше автора и в его воспоминаниях о детстве не он, а то, что было «вне его», что было перед взором, на слуху. Известно, что ребёнку сложно адекватно реагировать на окружающую действительность, и это взаимодействие осуществляется лишь на эмоциональном уровне, поэтому очень важно, чтобы в этот момент кто-то вёл его. У героя нет людей, которые помнили бы его маленьким. Одиночество после смерти родителей, которое может подорвать душу, он вкусил слишком рано. Боль от этой неизмеримой потери расколола на части не готовое к ней сердце:

*Потом глухая ночь.
И ты один.
И это одиночество – как камень.
Лишь сумрак всё по комнате бродил,
Лица касаясь влажными руками.
Хотелось вдруг с постели соскочить,
И высадив плечом двойную раму,
На землю стать
И резко ощутить
Колючий снег под босыми ногами,
Такое сделать что-нибудь с собой,
Чтоб это вдруг сознания лишило,
Чтоб резкая физическая боль
Хотя б на миг
Другую заглушила...*

Эта боль явилась причиной отчуждения его от внешнего мира. Герой замкнулся в себе, в своих страданиях, мог месяцами ни с кем не разговаривать.

Встреча с героиней принесла ему испытание любовью, перевернула всё его сознание, заставила поверить в себя, что стало одним из побудительных мотивов стремления идти навстречу своей мечте:

*Я мог бы рассказать,
Как била
Его душа во все колокола,
Как буйная, неведомая сила
Его в дорогу дальнюю звала.*

Проведя лирического героя через ряд жизненных неудач, через искушение пойти ложным путём, Л. Завальнюк утверждает их необходимость для становления стержня личности. Звучит в самом начале поэмы и предостережение: нельзя учиться на чужих ошибках:

*Может, это надо –
Ошибиться,
Чтобы сердцем истину понять.*

Личностно-психологическое состояние лирического героя автором не описывается буквально, понять его можно через обращение к символическим образам. Примерами символов, через которые раскрывается внутреннее состояние лирического героя, становятся и конь на шпилье водокачки, и надколота молнией сосна на площади.

Конь – символ устремления лирического героя в другой город.

*И водокачка с флюгером красивым:
На штиле – конь,
Который, по велению
Степных ветров, вертелся, говорят,
А ныне, по причине заржавленья,
На север скачет много лет подряд.*

Ржавчина на коне – это ржавчина в сердце героя. Уже много лет он мечтает уехать, чтобы стать врачом. «Ржавчина», которую оставило прошлое, не позволяет ему изменить направление своего пути и остаться в родном городе.

Расколота молнией сосна может быть соотнесена с образом мирового дерева, моделирующего, по представлению многих мифологических систем, окружающий мир и человека. В поэме сосна моделирует внутренний мир героя, потерявший цельность, расколотый надвое, дисгармоничный.

Особенно ярко мир внутренних переживаний открывается через анализ пейзажных зарисовок.

Доминирующий цвет в пейзаже – «тёмный», описываемое время суток – ночь. Она хаотична, дисгармонична и таинственна; она – начало всех начал, ибо тьма – её воплощение – явилась тем, из чего возникло бытие. Герой не боится ночи, так как она является частью его самого, в его сердце царит хаос, в нём нет покоя, есть лишь стремление подняться на новую ступень бытия.

Походный ритм поэмы сопровождает образ ветра, придающий стремительность. Неуклонность и силу неустанному движению героя вперёд:

*Упругий ветер ринулся навстречу,
Росой зари пропитанный уже.
Он шёл и шёл.
И расправлялись плечи,
И легче становилось на душе*

Звуковые детали пейзажа: «воет пёс», «кричит сыч», «затихает ветер» (а это в мифопоэтическом сознании – предвестие не только бури, но и грядущего испытания) – передают тревогу на сердце героя перед предстоящей дорогой.

*... Лебеда, растение затворок,
Тянет к небу пыльную листву,
Воет пёс протяжно и тоскливо,
Сыч кричит,*

*Да где-то вдалеке
С дубом разговаривает ива
На своём древесном языке.
Тишь и темень...
Даже ветер гулкий
Присмирел
И только чуть дыша
Сонно бродит в тёмном переулке,
Старыми афишами шуриша,
Кто-то вяжет тьму на звёздных стицах...*

Внутреннее состояние героя хорошо прочитывается через одушевление природы:

*... И со сна,
О грунт споткнувшись слепо,
Ветер вдруг ударил в небосвод.
Приступ астмы покоробил небо,
Чуть отхлынул, вновь окреп,
И вот –
Только туч распластанные гроздья,
Только пыли выюжные столбы...
Душное, безмолвное предгрозье
Вдруг над миром стало на дыбы.
В грохот грома,
Как в зубовный скрежет,
Вековую боль свою вложив,
Небо полыхающее режут
Молний раскалённые ножи!..*

Так описывает автор «утро человеческой судьбы». Проявление мощи стихии («предгрозье... стало на дыбы», «грохот грома», полыхающее небо) выливается в почти апокалипсическую картину. Общность происходящего в природе и человеке подчеркивается с помощью использования при описании состояния мира симптомов больного человеческого тела («астма», «боль», «зубовный скрежет»).

Как указывает Ю. Гамерман: «Образ главного героя поэмы осмысливается в категориях мифологической картины мира, ведь рождение «нового» человека, человека-творца – центральный сюжет любой мифологической системы. А если учитывать общие духовные искания литературы XX века, обратившейся к мифологии в поисках вечных ценно-

стей, и конкретную историческую эпоху создания поэмы – эпоху новой – советской – мифологии, воспевающей красоту труда и человека труда, то обращение Л. Завальнюка к мифологической символике прочитывается как знак включённости авторской модели мира в широкий культурный контекст».

В текст поэмы Завальнюк умело вводит диалог. Удачно использовано выражение, необычайно похожее на роستانовское, в том месте, где говорится о только что окончившейся постановке его пьесы «Сирано де Бержерак», в ней участвует герой:

*Герой на сцену вышел в «Сирано».
Пусть ему не пели дифирамбов, –
«Доспехи» снял,
От счастья чуть дыша.
Ещё один убит огнями рамы.
Наденьте траур, добрая душа.*

Эти последние строки придают всей строфе тонкий аромат, в котором все – и любовь к герою, и мягкое сожаление о его судьбе. Леониду Завальнюку особенно удаются краткие, но характерные, выразительные зарисовки:

*Порылась в узелке своём старушка,
В бауле покопался старичок –
Папаша ест мамашины ватрушки,
Мамаша ест папашин балычок.*

Вместе с поэмой в сборник «За отступающим горизонтом» вошли пять баллад, тематически примыкающих к поэме. Особенно выделяется «Таёжная баллада», рассказывающая о том, как один из умиравших во время пурги в таёжном зимовье проявил малодушие и не поделился с другом последним сухарём. И когда «мудрые боги тайги» пришли спасти их, они застали в живых только одного:

*И когда слушали сердце,
Голубой обнажив сосок,
На землю
Из-за пазухи
Выпал
Чёрствого хлеба кусок.
И старшой суковатой палкой
Сухарь отшивырнул псам.*

*– И пули на гада жалко.
Пусть умирает Сам.
Пурга улеглась к рассвету.
И, высушив сапоги,
Ушли по медвежьему следу
Мудрые боги тайги.*

Та же мысль в «Балладе о тающем снеге», но решена она по-другому. Два путника, мужчина и женщина, заночевали в пути, и на них напала стая голодных волков. Не став будить спутницу, пожилой человек вступил в неравную борьбу:

*И проснулся
Высокий рыцарь
В старом холостяке.
И дрался он, как влюблённый,
Огнём сокрушая врага.
И пахла шерстью палёной
На тысячу вёрст тайга.
Дрогнула темень густая.
Утро
И тишина.
В четыре
Ушла стая,
А в восемь
Проснулась она.
И прежней сделалась сразу,
Домашняя такая со сна.
– Господи, какой вы чумазый! –
Только и сказала она...*

В этих двух балладах проявилось эпическое дарование Завальнюка: несколькими словами описать поступок человека, выразить большое напряжение человеческой воли, героический порыв человека – через внешнее, яркое проявление этой воли и этого порыва. Это внешне, как намёк, затрагивает глубины человеческих переживаний.

Сборник «Мой дом» (1966) открывается программным стихом, в котором Завальнюк обещает путешествие в светлый и радужный поэтический мир, в котором протекают и Тихий Дон, и Зея, и в котором бесплатно выдается тепло. Этот бескрайний мир поэт именуется своим домом. Отсюда и название сборника.

В основе пьесы в стихах «Ровесники» (альманах «Приамурье» № 3) – не новая для поэта тема: это развитие мысли одного из первых его стихотворений – «Будь готов!», которое с небольшими изменениями введено в художественную ткань пьесы.

Речь идёт о семи молодых людях, ровесниках и друзьях, которые сохранили юношескую дружбу. Один из них — Анатолий Кревский – становится подлецом и вором. Он начинает с малого – не отдаёт мальчишеской рогатки по требованию друзей и тем самым противопоставляет себя всем остальным, а кончает преступлениями против государства, потому что:

*Тот, кто дружбу в детстве за резинку продал,
Тот и Родину за грош продаст.*

Пусть несколько неумело и схематично изображен Кревский – откровенный злодей, которому многие из окружающих симпатизируют; пусть несколько наивно вплетено в действие повествование о деятельности местного Шерлока Холмса – милиционера Сережи; пусть характеры некоторых героев вообще только намечены и не решены до конца – виден интерес автора к большой, проблеме, его стремление разобраться в том, как рождаются предатели и подлецы, не только старого (Глюк), но и нового типа (Кревский), наблюдается рост мастерства поэта.

Лирический герой Завальнюка – странник, покинувший родной край, но постоянно возвращающийся к нему в мыслях («<...> ушёл из земли, из природы. / И остался лишь в снах / Да в желании вдруг возвратиться»). Для русской поэзии – ситуация типическая. Здесь просматриваются и лермонтовские, и есенинские ноты, и более современные – мотивы поэзии М. Светлова, Д. Самойлова, А. Твардовского. Только путешествует герой Завальнюка не столько по просторам родины, сколько по просторам собственной души. Вектор его движения – назад (в прошлое) и вглубь (в себя). Он сознательно выбирает самый трудный – целинный, нехоженный путь:

Стезя моя ровная, гладкая...

<...>

В реальном пути и условном

Мы падаем чаще на ровном

<...>

Судьба моя, что же со мною?!

Опять в твою руку вопьюсь

И, словно ослепший, заную:

– Веди,

*Но веди целиною.
Куда бы ни шли, – целиною:
Я стар, я дороги боюсь.
(«Стезя моя ровная, гладкая...»)*

В лирическом герое как бы соединяются беспомощный ребёнок и слабый старик, но именно эта беспомощность и слабость оборачиваются силой, позволяющей ему проложить свой путь по целине жизни.

С темой странничества связана и центральная тема творчества Завальнюка – тема сиротства и одиночества. Она находит воплощение и в элегиях, и в лирических разговорах, и в монологах, и в зарисовках:

*Как кусок головы у портрета срезается рамой,
Так вы срезаны смертью, младенчества дни.
Помню мать. Но не помню, как звал её мамой.
(«Попытка портрета»)
Кто там? Где ты?
Откройся, оклики меня, я не вижу.
Я сиротство твоё. Я живу здесь.
– Одно? /
– Нет, с тобой*

(«По холодному полю»)

*Бездомность. Сиротство...
Уж очень не ко времени меня на этом заклинило.
Но что же делать, если сквозь все года
Любые чувства прерывисты.
И только сиротство – сплошная линия,
Идущая неизвестно откуда
И уходящая неизвестно куда*

(«Сиротство»)

Как отмечает С.И. Красовская: «Сиротство у Завальнюка больше, чем сиротство. Оно приобретает онтологический статус способа существования – с одной стороны, и персонифицируется, становится постоянным невидимым спутником лирического героя – с другой». Драма сиротства усугубляется непростыми отношениями лирического героя с родителями: неизбывное чувство обиды на них («Два окна») сочетается с неослабевающей любовью-жалостью («Грачи. 1942») и памятью-благодарностью («Родители»). И тем мучительнее память, что в ней навсегда сплелись в «гордиев узел» любовь и горечь-обида, избавиться

от которой невозможно, не утратив памяти о любви. Лирический герой обращается к отцу и матери в стихотворении «Родители»:

*Мир духу вашему за вечною рекой.
И, верьте мне,
Недрогнувшей рукой
Давно сорвал бы я, чтоб обрести покой.
С души и с памяти былых обид оковы.
Но, забывая их,
Я забываю, кто вы,
И вспомнить нет надежды никакой.*

Сиротство – понятие многозначное, но в любом случае оно связано с понятием одиночества. С одной стороны, сиротство – это одиночество в прямом смысле слова, когда человек находится один на один с собой: нет родителей, нет друзей, нет знакомых. С другой, – человек может быть одиноким даже в окружении множества людей, в том числе и родителей. В этом смысле сиротство – состояние души. Сам поэт не видит «негатива» в сиротстве подобного рода, ведь именно «в мгновения душевного одиночества вечность человека и его сиротство во Вселенной сливаются воедино», чтобы придать сил для борьбы с жизненными трудностями. И, наконец, сиротой личность себя ощущает тогда, когда понимает, что рядом нет «родственной души» – человека, который тебя всегда поймёт. Весьма символичным в этом отношении является использование Л. Завальнюком в лирике парных образов: два сердца, две слезы, две лошади, два сна, две судьбы, две тоски и т.д. Они – противопоставленный одиночеству символ родства, единства, дружбы кого-то с кем-то, чего-то с чем-то. Ведь главное в жизни:

*Ощущение брата –
Ощущение в каждом,
Кто надежду титает.
Этих каждогох немного,
Но для жизни хватает.*

Одиночество также приобретает в лирике Завальнюка неповторимые, индивидуальные обертоны. Оно персонифицировано и экзистенциально:

*Как хочется
В начало, в забытый исток.
Пусти меня в мир одиночества.
Я так без него одинок!*

(«Осенние дали пусты...»)

Но если в сиротстве нет вины героя, оно – его судьба, не избранная, но данная, то одиночество – не только его беда, оно – его выбор:

*В этом жизненном море,
Что не ведает дна,
Одинокость – не горе,
Одинокость – вина*

(«Снова сильная вьюга...»)

Парадоксальный поворот темы усложняет интонационный рисунок, насыщает лирическую палитру новыми оттенками мысли и переживания. Теперь уже на первый план выходят не сочувствие, но призыв к ответственности, требовательность к себе. Несмотря на то, что стихотворение обращено к некоему «ты», оно отчётливо исповедальное – лирический герой ведёт безжалостный разговор, прежде всего, с самим собой.

Лирический разговор – излюбленный жанр Леонида Завальнюка. Поэт находится в постоянном диалоге с Богом, судьбой, родиной, родителями, с самим собой, с природой, одушевлённой и неодушевлённой. В нём и обнажённость сердца, и доверчивость, и неподдельная искренность и боль, и назидательность умудрённого жизнью. Поэтому Леонид Андреевич часто обращается к жанрам молитвы, исповеди и лирического разговора.

Многое в мироощущении Завальнюка, равно как и у его современников (Н. Рубцова, Ю. Кузнецова, Ст. Куняева), идёт от связи с родной землёй. Родине посвящено немало стихотворений («**Очередь за снегом...**», «**Я люблю тебя, родина милая**», «**Я люблю эту землю**», «**Перезимуем, брат...**» и др.). О многогранности чувств, испытываемых лирическим героем к родине, можно судить по разнообразию эпитетов. С одной стороны, она – «нищая», «мёртвая», «жалкая», «дикая», «бедная», с другой – «добрая», «хорошая», «милая», «дивная», «красивая», «любимая», «сказочная», «великая». Здесь гражданский пафос, жалость, любование, идеализация. «География», «топонимика» стихотворений Леонида Андреевича разнообразна: здесь и украинская Смела, и Благовещенск, и Амурская область, и Москва. Все эти места сливаются в единый образ родины.

Завальнюк – из поколения поэтов, которые не принимали участия в сражениях Великой Отечественной. Однако память о войне является одним из мотивов его творчества. Личное – воспоминания об отце и военном детстве – переплетается с общественно-значимым. Победа в войне, по убеждению поэта, была одержана не столько силой, сколько способностью к состраданию. Защитить себя для поэта означает, прежде всего, защитить тех, кто рядом:

*Тебя согреть – себя согреть.
Тебя забыть – себя отринуть.*

Поэтому трагедия войны переживается им глубоко лично:

*Перенесу былое в наши дни.
Вот здесь убит я. И вот здесь – взгляни...
Когда сквозь вас я в прошлое гляжу,
Я на свои могилы прихожу*

Во вступлении к сборнику «Стихотворения» (1990) Л. Завальнюк отметил, что у его стихов «сравнительно широкая география». Это действительно так, они – отражение жизни самого поэта, скитавшегося по стране в поисках уголка, напоминающего родину, которую пришлось покинуть в детстве:

*Мне чужды поля, которых я не знал,
Какой-то лес, поля за косогором...
А за миллионы лет от них –
Рожденья моего вокзал,
Где был я высажен угрюмым контролёром.
Куда-то жизнь меня не довезла,
В какие-то края совсем другие.
Не оттого ль порою ностальгия
Отодвигает все заботы и дела?
Не оттого ль порой, былое сокрушая,
Минуя все дома и города,
Я в сотнях поездов куда-то уезжаю
И сам с собой прощаюсь навсегда?*

О всегда желанном возвращении в родные места поэма «Осень в Благовещенске». В «чуждой», но чужой Москве только воспоминания о городе молодости греют душу лирического героя, спасают от одиночества, питают жизненной силой:

*Я прожил здесь пятнадцать лет,
Весёлых и печальных.
Они ушли, давно их нет.
Но тихий шелест этих лет –
Как крылья за плечами.
Я помню: осень, дождь сечёт,
Тоска небес бездонна,
Удачи нет, квартиры нет,*

*Но есть в душе какой-то свет
И ощущение дома,
И ощущение того,
Что дни бегут не даром...
Я видел много городов,
Я всем им благодарен,
Но чувство родины, земли,
Сочувствия природы
Впервые мне открылось здесь...*

Сюжет поэмы прост: всего две встречи лирического героя. Первая – со знакомым актёром, пригласившим столичного поэта отпраздновать в шумной компании день рождения своей подруги. Вторая – со старым приятелем: сначала в ресторане, а спустя несколько дней в домашней обстановке.

Незамысловатый сюжет позволил Завальнюку сосредоточить внимание на главном: чувствах лирического героя. Здесь, в Благовещенске, его по-прежнему всё тревожит, волнует душу. Здесь лирический герой пытается ответить на самые сложные вопросы – о любви, о родстве душ, а по большому счёту, о смысле человеческого существования. И только здесь он находит в себе смелость признаться в том, в чём не решался признаться долгие годы:

*Нет, нет любви... И всё же есть –
В любой крупице мира.
Но мы её не узнаём,
Но мы проходим мимо.
<... >
Любовь во всём, чем славен свет,
Что нам дано изведать.
Она и в том, что есть ответ,
И в том, что нет ответа,
Она далёкие края
И сон о них тревожный...
Любовь есть форма бытия
Души живой и сложной.
И только с нею мир велик –
Тот мир, что правдой света
До самой смерти не велит
Считать, что песня спета!*

Лишь на амурской земле герой Леонида Завальнюка обретает покой:

*Спускался вечер над рекой,
Амур горел багрово.
И вновь в меня входил покой,
Забывтый, праздничный покой,
Высокий, как «Добро вам»!*

Оригинальное, современное воплощение находит в поэзии Завальнюка традиционная для русской литературы тема поэта и поэзии. В сборнике «Стихи» (2001), куда вошли лучшие стихотворения поэта, написанные им с 1956 по 2001, ей посвящён цикл – «Ремесло». «Ты – почта жизни», «единственная в городе больница» – вот ёмкие формулы предназначения поэта. Поэт – провод, по которому идёт ток жизни; он посланец грядущего, пророк, призвание которого:

*Вот твой читатель.
Бей без промедленья,
Посулы сыть, и пестуй, и мани,
Но доконай его, каналью, дотяни,
Не дай ему уйти от просветленья!*
(«Ты – почта жизни»)

В этих строчках слышится отзвук пушкинского «Пророка». Поэт – заложник своего дара:

*Чем выше дар, тем каторжней закон.
Не жаждой счастья иль иной подачки –
Самим прозреньем ты прикован к тачке*

Труд поэта – труд Сизифа, прикованного к своему «камню» – таланту.

Размышления о поэтическом предназначении, о поэзии вообще – постоянная тема творчества Леонида Завальнюка. К собственным стихам он относился как к детям, именно поэтому не делит их на любимых и не любимых – они ему одинаково дороги. Сам же процесс создания воспринимал как таинство: «Поэт не должен придумывать тему, мысль, а потом воплощать её в слова, ведь это, своего рода, переводные стихи. Поэт вправе мыслить только в момент писания» (из личной беседы Ю. Гамерман с Л. Завальнюком). Себя Леонид Завальнюк оценивал с этой же позиции. «Я человек не рассуждающий, – сказал он 23 марта 2004 года на аспирантском объединении в БГПУ и пояснил: – то есть рассуждения у меня в голове. Я рассуждаю только при помощи стихов и размышляю при помощи стихов. Вот когда я сажусь и начинаю выводить строчки, допустим, пишу поэму, я чувствую, что строю её таким образом, чтобы вскрывать какие-то

вещи, которых не осознаю, которые очень важны и которые во мне очень глубоко существуют». Этот взгляд близок античному представлению о поэте как посреднике между человечеством и богами. Поэтому настоящий талант всегда, что называется, отмечен свыше.

Задача настоящего поэта, по мысли Леонида Андреевича, – «давать ощущение, что завтра есть, и делать так, чтобы наш плоский век был объёмом». Именно поэтому, наверное, важным для каждого поэта является мотив надежды. В собственном творчестве этот мотив Завальнюк обнаруживает постоянно, связывая его с деятельностью поэта: «У меня есть строчки: «Нигде не ждут пророка так, как ждут его в России, равно и в гиблые и в благодатные года». Этим ожиданием порождены многие мои стихи. Иногда они лёгкие, шуточные. Иногда горькие, почти безысходные. Но полной безысходности в них нет. Надеюсь, нет. К безысходному искусству отношусь, как и принято, терпимо. Но где-то в глубине души не люблю его и не понимаю» (из вступительной статьи Л. Завальнюка к сборнику «Стихотворения»).

Мысль о необходимости существования надежды в жизни человека поэт выразил и на открытии ежегодной учительской конференции БГПУ 26 апреля 2004 года: «Только то, – сказал он, – что даёт надежду, способно делать нас лучше, чем мы есть». Это действительно так. У Леонида Завальнюка есть стихи, которые по праву можно назвать жёсткими, но оставлять читателя без надежды он всегда считал неправильным.

В последних стихотворениях поэт всё чаще размышлял о жизни, смерти и бессмертии. Элегическая тональность многих из них печальна и светла, но и здесь всегда присущий поэту юмор не изменяет ему. Закат жизни он встретил с улыбкой:

*Давно ничего не хотелось.
Вдруг хочется петь и плясать.
<...>
И вот, запершись в туалете,
Тихонько я спел и сплясал,
А после, при утреннем свете,
На старой какой-то газете
О смерти, о тающем лете
Трепещущий стих написал
(«Рождение стиха»)*

Вера и творчество не покидали поэта до конца, его душа была открыта новому, готова к размышлению и поиску:

*Что-то новое такое
В ветрах, вербах над рекою,
В старом друге и в жене.
А быть может, просто старость
По чужим мирам скиталась,
Новым светом пропиталась,
И тот свет теперь во мне?*

В 1996 году в Тульском издательстве «Пересвет» вышла книга стихов «Беглец».

По первоначальному замыслу книга должна была носить название «Молитва о доме». Почему «Молитва»? Потому что, по мысли автора, в ней «заключены молитвенные мотивы, не церковные молитвы, не “Отче наш”, а просто мотив молитвенный, обращение пронзительное к чему-то. Что может быть выше и дальше того, чем мы занимаемся в обыденности, что мы видим каждый день». Такое обращение, вообще, было свойственно Леониду Андреевичу. Как раз в ту пору Завальнюк с женой был в гостях польского режиссёра Ежи Гофмана, который и порекомендовал дать название сборнику по стихотворению «Беглец», открывающему книгу:

*Из жести смастерили крупорушку
И перетёрли прелое черно.
И стало жёлтой кашею оно.
Весёлый дух распространив на всю избушку.
Таская прошлогодние снопы
И молотя вишнёвым кнутовищем.
Я находил всё то, чего мы ищем
На дальних берегах неведомой тропы.
Я был романтик. Господи прости.
Такого сильною и сочною замеса.
Что мог полкрови уплатить за место.
За право в горькой гордости расти.
Я был добытчик хлеба и тепла, –
Глава семьи в свои пятнадцать с малым.
Пронизанная током страсти алым.
Светло и тяжело жизнь моя текла.
И всё ж зимой, скормив корове крышу.
Потом дорезав, стельную её.
Я бросил дом и в лютый холод вышел.
И в мир чужой пошёл через жнивьё.*

*Я понял вдруг, что не могу спасти
Огромный нищий край, попавший в недороды.
И долго брёл я поперёк свободы,
Живую душу унося в горсти.*

Бежать, быть беглецом, унося живую душу в горсти, с точки зрения Леонида Андреевича, это как раз то, что свойственно очень многим стихам этой книги: «Всё может быть, всё может пропасть, но душа пропасть не должна. Её надо уносить, даже будучи беглецом, от чего бы то ни было. От всего – от нынешней действительности, от завтрашней бесперспективности – от всего живую душу надо вынести. Вот как возникло это название».

Известный амурский поэт И. Игнатенко в беседе с Л. Завальнюком (1997) сказал: «Мне кажется, что применительно к вам очень верно выражение одного из поэтов, что все мы родом из детства. Я вспоминаю ваши стихи, где описана Украина, тяготы войны, где вы рано почувствовали себя ответственным не просто за самого себя, а за семью, за других людей. Раннее взросление – это ведь определило вас на всю жизнь, как ни страшно само слово «война», да? Из детства-то вы никуда так и не убежали».

Действительно, с войной у Леонида Андреевича очень много связано и в жизни, и в стихах, естественно. Но он не считал себя беглецом от войны. Потому что нёс её с собой всё время – и те времена, и всё, что там было. Поэт был убеждён, что «...та война так глубоко где-то в истории, что кажется, её и не было. Но тем не менее на всех людях и тех, которые рождаются и даже рождаются завтра, – всё равно след этой войны и этой Победы существует. Для меня это очень важно, и я об этом много пишу».

Сборник «Стихи» (2001) представляет собой тематико-сюжетное единство циклов «Память», «Заповедь», «Ремесло», «Истории и разговоры», «Земля детей» и поэмы «Осень на Амуре». В книгу вошли стихи разных лет, но все они могут быть объединены начальными строками одного из стихотворений – «Когда я говорю с душою...». Перед нами своеобразный разговор с читателем, разговор душевный, чистосердечный, которому автор отдается целиком и с вдохновением, и то же время – разговор поэта с самим собой, со своей душой, разговор очень искренний, прямой. Неслучайно почти в каждом стихотворении, так или иначе, упоминается слово «душа»: «живую душу унося в горсти», «лишь бы душа летала», «в душе так тихо-тихо», «искрятся души провода», «разбередила душу мне твоя печаль», «когда я говорю с душой» и пр.

В стихотворении «Как надо уходить...» мысли о душе связаны с осмыслением онтологических основ человеческого пути:

*Как надо уходить – мне это неизвестно.
Но как уйду – я знаю наперед.
Последний взлет не в силах сдвинуть с места.
Душа моя вдруг скрипнет и умрёт...*

В стихотворении «И юность зарёю умыла...» с поиском смысла жизни:

*И каждый, – не сразу, не скоро,
Но все же нашел, что искал.
Один – златокудрую грушу.
Другой – всепрощенье могил,
А я – свою скорбную душу,
Без коей так сладостно жил.*

Строки многих лирических откровений обращены к проблеме взаимоотношений поколений, посвящены размышлениям о связи мира человека и мира природы (стихотворения «Осеннее поле», «Ноябрь» и др.). К этой лирико-философской теме можно отнести большинство стихотворений из циклов «Память» и «Заповедь».

Ещё одна вечная тема, которая волнует Леонида Завальнюка, – это красота родной земли, любовь к Родине. Ей посвящено немало стихотворений из цикла «Земля детей». В них звучит признание в любви. Особенно примечательно в этой связи стихотворение «Я люблю эту землю», в котором автор говорит об амурской земле, ощущает радость от встречи с ней:

*Здравствуй, отчий край!
В последний час,
Как и в первый, ты моя – отрада...*

Все разнообразные оттенки чувств выражены с помощью эпитетов: «бедная», «нищая», «жалкая», «дикая» и в то же время «добрая», «хорошая», «милая», «дивная», «красивая», «любимая», «сказочная», «край мой неземной». В стихотворении «Бедное, богатое, большое...» Леонид Завальнюк с уверенностью заявляет:

*Где бы я ни скитался, я найду везде
Тот единственный пейзаж,
С которым я родился,
И который крест,
И жизнь,
И родина моя.*

Высокое ощущение Родины пронизывает все стихотворения сборника. Много в мироощущении поэта идёт от связи с родной землей. От неё он черпает силы для жизни и творчества, ей отдаёт своё сердце.

Воспоминания о времени работы откатчиком на шахте легли в основу «стихотворения-извинения» «Шахтёрский конь»:

*Конь был слепой. А я не знал,
Ярился на него,
Когда шарахался он вдруг
От храпа своего.
Конь был слепой. А я считал,
Что он лентяй и жох,
Кормил внатруску и мечтал,
Чтоб он скорей издох.
Но выжил он, и выжил я,
Жизнь пощадил нас.*

*И то, что был калека он,
Я вижу лишь сейчас.
И всё казнюсь, и всё твержу,
Как встретимся во сне:
– Пойми, ведь я не знал, пойми!..
Но он не верит мне.*

Когда Леониду Завальнюку исполнилось шестьдесят, ровно столько, сколько было его отцу в момент гибели, он написал:

*Прости, отец. Расту, тоска, и пой!
Мне кажется порой, что ты – сама разлука.
То клёном, то ольхой, высокий, как слепой,
Бредёшь сквозь лето и кричишь без звука.
Куда б ни шёл, на этот крик иду.
Черёмуха в дыму иль белым снегом вьюга.
– Настало время встретиться. Жизнь к январю.
Мы – равностарые, отец.
И мы поймём друг друга.*

Светлых стихов у Л. Завальнюка много. Они – о добре, красоте, искренности, любви. Ведь любовь – главная движущая сила творчества, источник вдохновения, то, ради чего стоит жить на земле. Причём любовь не только к женщине, но и к любому человеку, к родной земле, к природе:

*Любовь во всём, чем славен свет,
Что нам дано изведать.
Она и в том, что есть ответ,
И в том, что нет ответа,
Она далёкие края
И сон о них тревожный...
Любовь есть форма бытия
Души живой и сложной.
И только с нею мир велик –
Тот мир, что правдой света
До самой смерти не велит
Считать, что песня спета!*

(«Осень на Амуре»)

Задумчиво-лирическая, эмоциональная поэзия Леонида Завальнюка, с неповторимо грустным юмором и доброй иронией, отмечена глубокими раздумьями о жизни. Поэту есть, что сказать читателю о космосе, природе, людях. Его взору открыты пространства, лежащие за гранью человеческого разума. Чувство растворённости в мире – не иллюзия, а показатель безграничных возможностей удивительно одарённого человека. «Я» – это вовсе не я», – скажет Завальнюк в стихотворении «Вместо извинения»:

*«Я» – это чтобы проще говорилось.
«Я» – это всё:
Дорога и трава,
Троллейбус и старушка на перроне,
И грустный заблудившийся казах,
И маленькая модница в перлоне
С бездонными слезами на глазах.*

В этих строках передана универсальность авторского восприятия окружающего мира, слитность поэта со всем живущим на этой земле. Вот почему его лирика так многогранна. Стараясь писать доступно и просто, вдумываясь в то, что происходит вокруг, Завальнюк уделяет внимание каждой мелочи. Ведь жизнь во всех её проявлениях никогда не увидит скользящий взгляд странника, а истина складывается как раз из тех мелочей, на которые мы редко обращаем внимание.

Важной особенностью творчества Завальнюка является юмор. Он не только помогает наладить общение с читателем, но и высвечивает серьёзность поднимаемых проблем.

«Шутки шутками, / А Бобик сдох», – сообщает поэт в начале одного из своих стихотворений, и вряд ли найдётся кто-нибудь, кто не улыбнётся в ответ. Повода же для улыбки в стихотворении нет. Оно – о людском предательстве, которое страшнее смерти, о том, как в погоне за внешним блеском мы стали забывать об истинных ценностях: добре и любви. Именно юмор помогает Леониду Завальнюку сражаться с высокомерием, практицизмом, жестокостью, равнодушием, эгоизмом. Об этом стихотворения «Юбилейное-Блоковское», «К вопросу о литературных спорах», «Рассказ живописца», «А тётя выпивши. Не трогайте», «Бедная Лиза» и другие.

Вот такие стихи писал Леонид Завальнюк. Про нас, устроенных в жизни и – не очень, счастливых и ждущих, но непременно размышляющих, ищущих смысл происходящего с нами, всматривающихся в завтрашний день – какой он, что принесет, «В вере в то, что душа не умрёт»...

Говоря о поэзии Л. Завальнюка, М. Гофман резюмировал: «Здесь меньше эстетики, чем этики, это уже не поэзия – это основы гармонии мира. Такие люди пишут не стихи, а то, что трогает любого – неважно, любит он поэзию или нет».

*Люблю врагов, которых я простил.
Они мои друзья.
Но иногда под бременем судьбы
Душой изнемогая,
Готов я полюбить и тех,
Кого простить нельзя.
За то, что жизнь есть тяжкий труд.
Любая жизнь. Любая!
Ты подпалил мой дом, чтоб греться у огня,
Надежды вытоптал. Потраву чем измеришь?!
И все ж спасибо – ты
Хоть не убил меня.
При том, что ты сильнее меня,
И ни во что не веришь.*

Леонид Андреевич охарактеризовал свою поэзию как «музыку жеста». Жест, по словам поэта, «не такой, которым регулировщик останавливает машины, а жест внутренний». Иными словами, жест – это движение души, порыв к действию. Поясняя смысл «жеста», Завальнюк рассказал историю, которая произошла с ним в электричке: «Жара была градусов тридцать с чем-то. Электричка была набита людьми, и я вышел в тамбур, где мне удалось пробиться к разбитому окну. Стою возле

него, блаженствую. А где-то сбоку от меня стоит не очень трезвый человек средних лет. Я вижу, что он уже изнемогает. В электричке и трезвому тяжело, а уж пьяному тем более. Я немного отодвинулся, а его стал подталкивать к окну, чтобы он смог дышать свежим воздухом. И вот дышит он, дышит, а мы едем, едем. Наконец, ему выходить. Он пошёл было, но потом вернулся. Полез в боковой карман, вытащил огурец и сказал: «Вот, больше у меня ничего нету» (из разговора на аспирантском объединении в БГПУ 23 марта 2004 года). Душевный порыв, побудивший мужчину вернуться, чтобы отблагодарить Леонида Завальнюка за понимание, и есть то, что писатель назвал «жестом».

Наблюдения за внутренним жестом всегда занимали важное место в художественном мире Завальнюка. Так, в своих произведениях, будь то повесть или стихотворение, Леонид Андреевич главным считает не персонажа, а отношения, складывающиеся между ним и другими людьми: близкими родственниками, друзьями и т.д. Это объясняется стремлением писателя передать то, что лежит в эмоциональной сфере, во внутреннем мире, содержащем целый комплекс ощущений, «жестов».

ПРОЗА: ЗА ГРАНЬЮ ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКИ

Навеки моя юность здесь осталась...

Л. Завальнюк

В интервью с И. Игнатенко Л. Завальнюк сказал: ««К прозе я пришёл вполне естественным путем. Вы правильно сказали, у меня есть много сюжетных стихотворений. Они могут называться балладами, могут ещё как-то называться. Но, во всяком случае, они сюжетные. В них диалог и существуют зачатки характеров. Желание прикоснуться к каким-то вещам, которые лежат за гранью поэтической строки, у меня было всегда. И я вышел в прозу. Первый раз я написал маленькую повестушку, это было очень давно, она называлась «На полустанке». <...>. «Лирическая повесть» действительно сентиментальная по духу. Это была моя вторая повесть. Ну а потом я написал «Дневник Родьки – “трудного” человека». Как это было, почему это было, сейчас я не могу даже вспомнить. Но вот однажды во мне какие-то характеры забарахтались, и мне захотелось, может быть, пьесу написать, может быть, ещё что-то. Диалоги какие-то пошли, которые я внутренне слышал. И так вышло, что я начал писать повесть. «Дневник Родьки – “трудного” человека» – это тоже лирическое сочинение, если так разобраться. Да и первые мои повести тоже лирические. Поэтому я прозаик, можно сказать, относительный.

Именно в Благовещенске разворачивается действие повести «Дневник Родьки – “трудного” человека» (1964). Отец в одиночку воспитывает двух сыновей. Старший – Костя, окончив мединститут, работает хирургом и мечтает уехать из маленького Благовещенска, потому что, как он говорит, задыхается от «серости» провинциалов. А младший сын – Родька, отзывчивый и добрый мальчик, всячески пытается помочь окружающим. Жизнь в этом «мужском царстве» меняется, когда Костя приводит в дом молодую женщину Сашу. Когда он уезжает в Москву, отец и Родька становятся её лучшими друзьями. Эта повесть, написанная по жанровым лекалам отчасти романа воспитания, отчасти мелодрамы, поднимает вечные проблемы человеческих взаимоотношений, психологический рисунок которых, тем не менее, далёк от схематичной упрощённости. Провинциальный город здесь не только фон, на котором разворачиваются события, а особый хронотоп, обладающий самостоятельным смыслом, без которого коллизии повести лишились бы необходимых нюансов, делающих произведение уникальным. Ведь провинция для Завальнюка вовсе не край Ойкумены, а сама земля обетованная, бережно хранящая ценности, от которых порою так легкомысленно отказывается прогресс.

Что такое «трудный» подросток в наше время? Тот, кто грубит окружающим, шастает по подъездам с такой же «трудной» компанией, или не придерживается каких-либо других моральных норм. Но в этой книге «трудным» считается обыкновенный мальчишка пятнадцати лет, который просто пытается понять – «как надо» и «как не надо» в этой сложной жизни. Пожалуй, одна из самых отличительных черт книги и её несомненное достоинство – неподражаемый стиль и тонкий, замечательный юмор. Именно чувством юмора Родька в первую очередь располагает к себе всех, а особенно – читателя.

Размышляя о том, как сочетаются имя и фамилия героя повести «Дневник Родьки – “трудного” человека», Леонид Андреевич вспомнил, что имя Родька придумал Марк Либерович Гофман.

Муромцев-старший столько времени по вечерам делал проект на конкурс. И вот ответ: «Уважаемый тов...». И так далее. И выясняется: проект опоздал к сроку и не рассматривался вовсе. Все труды зря.

«– Они тебя уважают, – сказала я, – вот тут написано. Это же очень важно.

– Ещё бы, – сказал папа. – Уважение на полу не валяется. Уже ради этого стоило стараться.

– Что-то я не вижу, чтобы ты особенно горевал.

– А что толку? Ты думаешь, если я буду горевать, от этого что-нибудь изменится?

– Счастливая натура, – сказал Костя, – хотел бы я иметь твой характер.

– Ценное признание. Уже ради этого стоило стараться. Как ты считаешь?

– Возможно, – сказал Костя. – Но не слишком ли много набирается вещей, ради которых стоило стараться?

– Ты прав, – сказал папа, – таких вещей действительно много...».

Родька с отцом впрямую беседуют о жизненных сложностях. Нет здесь нудных назиданий. Ничего не навязывать! Все равно чужой мудростью не проживешь. Вот пример. Родька хочет выручить свою подружку Лигию – ей очень нужно подарить матери ко дню рождения туфли. Родька просит у отца деньги в долг. Отец не одобряет, иронизирует: богатый мальчик дарит бедной соседке обувь. «Ты подумал, как это может быть воспринято?» Но Родька обещал. «Разве я просил... когда-нибудь? Но мне нужно. Понимаешь ты – нужно! Один раз в жизни, может быть, нужно». И отец согласился. Отказать, запретить – этим ничему не научишь. Человек ко всему должен прийти сам. Пусть пробует, ушибается.

Чем сложнее жизненный узел, тем осторожнее, ненавязчивее помощь отца. Понемногу накапливается душевная зрелость. Подросток начинает ощущать: он причастен к общей жизни, он в ответе за все.

Рецензируя повесть Л. Завальнюка, Э. Кузьмина сравнивает это произведение с романом французского писателя Эрве Базена «Ради сына». В обеих книгах главное – отношения отца с сыном. Напряженно и терпеливо отец завоевывает себе в сыне друга. Тревожно и чутко рождается между ними понимание и близость. Написаны произведения в разной манере. У Базена – исповедь отца, у Завальнюка – рассказ сына. У Базена – тонкий психологический анализ своих и чужих душевных движений (герой ещё и педагог). У Завальнюка – короткие зарисовки событий, сценка, диалог: подросток «мыслит конкретно», выхватывает только «самое интересное». Картинки чаще всего яркие, живые, написаны легко и остроумно. Характер при этом порой приходится домысливать. Иногда недосказанность эта «запланированная», ведь тут двойное ограничение: форма дневника да ещё восприятие подростка. Родька может рассказать об отце лишь так, как он, мальчишка, его видит и понимает. Однако и за пределами его видения мы ощущаем напряженную внутреннюю жизнь Муромцева-старшего (иногда, впрочем, мы должны верить автору и на слово).

Но главное различие между двумя книгами глубже. Роман Базена кончается падающей, замирающей нотой. Сын, который был так трудно завоеван, уходит. Заводит свою семью, свое гнездо. У отца отнят смысл

жизни. Конец книги, как осенний дождь. Все глуше, сумрачней. Книга названа удивительно точно: «Ради сына». Только ради сына жил мосье Астен. И когда пришел черед сыну начинать самостоятельную жизнь, для отца это оборачивается трагедией. Самоотверженность, самоотдача – красивая вещь, но если это гибель личности? А может быть, так и надо? Сильное чувство требует человека целиком? Ответом служит повесть Леонида Завальнюка. Здесь тоже отец и сын – близкие, друзья. Но не ценой растворения, поглощения одного человека другим. Отец дорожит сыном, но этим не исчерпан его мир. Этот мир немислим без людей, без того дела, которому Муромцев отдает столько увлечения, мыслей, души. И потому взросление сына для отца не трагедия. Повесть кончается совсем иной нотой. Отец с сыном встречаются на улице независимо: каждый идет по своим делам: «Папа улыбнулся. – Ах, дети, дети, – сказал он. – Совсем от рук отбился, босяк. На, держи! – Он щелкнул меня по носу и засмеялся».

Они и дальше останутся спутниками и друзьями. Вспоминаешь итог книги Базена, и свежо и молодо вдруг звучит старая, обыденная, почти банальная для нас мысль: насколько же богаче, сильнее человек, который живет не только личным счастьем.

В первом номере журнала «Нева» за 1983 год состоялась первая публикация повести «Не имеющий друга», являющийся в некоторой мере продолжением книги «Дневник Родьки – “трудного” человека». Как сам автор, многие годы живущий и работающий в Москве, не теряет связей с амурской землей, так и герои повести, тоже ставшие столичными жителями, в мыслях и воспоминаниях постоянно возвращаются к далекому, милому сердцу городку их юности.

Уже с первых строк повесть «Не имеющий друга» захватывает читателя внутренним поэтическим ритмом, высоким мастерством стиля и безупречного вкуса, стоящими за внешне простой, но образной и афористичной лексикой. Леонид Завальнюк обладает редким даром изобразительности, передавая реальность, взаимосплетение человеческих судеб и отношений так, что у читателя не возникает никаких сомнений в подлинности.

Одним изображением, даже самым выразительным и правдивым, художник не в состоянии достичь непринужденности, без которой невозможно достижение глубокого впечатлений и полноты диалога с читателем. Тут мастерское построение художественной фразы, в строках и между строк которой возникает поток мыслей и чувств, идущих от истинного таланта и искренности автора.

Вводя в сферу художественной жизни образы своих героев, Леонид Завальнюк изучает их. С тонким пониманием психологии, порой иронично, иногда с юмором, он раскрывает нелёгкие родственные отношения. Обыденность, бытовизм интересов героя, ограниченность кругозора служат оценкой, сознательным или неосознанным способом поиска смысла жизни, её непреходящей ценности, понятием и осмысливанием себя. Даже показ отрицательных сторон под пером Завальнюка-прозаика предстаёт так, что читателя не покидает вера: благородное начало обязательно восторжествует.

Несмотря на то, что повесть называется «Не имеющий друга», Родьку и его отца можно назвать друзьями, с глубинным сходством представлений и оценок, при внешнем спокойствии – внимательностью друг к другу, с невысказанным признанием равенства. Имея во многом общее прошлое, они вынесли оттуда главное: человечность, чуткость, и это позволяет им быть и оставаться настоящими друзьями. Особенно показательным это становится во время болезни Родьки. И то, что друзья в конце повести расстаются, не даёт оснований сомневаться в прочности их мужской дружбы.

Не имеет смысла пересказывать содержание повести – читается он а на одном дыхании. Трудно однозначно ответить, что в ней привлекает: сюжет, образы героев или личность автора. Вероятнее, личность писателя, его мировоззрение, точность наблюдений и расстановка акцентов.

Основная мысль повести – не имеющий друга не имеет лица – в конечном итоге становится главной правдой жизни как самого автора, так и его героев.

ЖИВОПИСЬ: ПОЛЁТ ДУШИ И МЫСЛИ

*Мне жить не больно.
Жизнь моя легка.
Сложна ли? Может быть,
Но по простым лекалам.
Бескрылая судьба?
Беда невелика:
И без полетов можно жить,
Лишь бы душа летала.*

Л. Завальнюк

Свои картины Леонид Андреевич называл «беспредметной живописью». Видевшие утверждают, что от неё невозможно отвести глаз, в каждой словно проглядывает нерв вселенной.

30 марта 2006 года в Москве состоялось открытие выставки картин Леонида Андреевича в музее С. Конёнкова. Графические работы поэта – монотипии – развешаны в уютном зале. За его стенами – солнечный весенний день. И разноцветье красок здесь в зале – как сообщающийся сосуд с той весной.

Вот как описывает свои эмоции профессор БГПУ Н.В. Киреева, посетившая эту экспозицию: «На выставку пришли друзья поэта, московская артистическая элита. Леонид Андреевич здоровается с гостями, позирует фотографам, о чём-то тихонько беседует с супругой. А потом начинается творческий вечер, поэт читает свои новые стихи, отвечает на вопросы, и связь между его художественным и поэтическим даром осознаётся присутствующими ещё более отчетливо. Я наблюдаю за всем происходящим и вдруг остро понимаю, что значат слова из его стихотворения “Я в детство не вернусь и в старость не войду” – “Всё с вами. Но не ваш”. Он здесь, среди друзей, близких, собратьев по цеху, тех, кто его любит и понимает, но он – один. Один такой. Уникальный. Необыкновенный. Безумно талантливый».

В беседе с Ю. Гамерман Л. Завальнюк сказал: «Пятнадцатилетним мальчиком он обратил внимание, что жители деревеньки покупали в аптеке плакаты с надписями “Не пей сырой воды”, “Берегись дизентерии” и другими. Причина подобного спроса оказалась простой: красочно нарисованные бактерии хоть как-то украшали пустые стены деревенских изб. Леонид подумал: “А почему бы мне не попробовать что-нибудь нарисовать? Если люди покупают плакаты, возможно, они купят и мои картинки?”. И действительно, нарисованные с помощью зелёнки,

йода, марганцовки, отвара луковой шелухи Царевны-лягушки, Иван-царевичи и Царевны-лебеди быстро находили своих покупателей».

В следующий раз Л. Завальнюк обратился к живописи уже в Благовещенске. На вопрос, что побудило его к этому, Леонид Андреевич ответил: «Я начал рисовать, грубо говоря, по бедности. Долгое время в Благовещенске я жил на улице Калинина в избушке, которую называл «завалюшкой», потому что она заваливалась (впоследствии друзья поэта ласково прозвали избушку «завальнюшкой»).

А потом от газеты, в которой я работал, мне дали однокомнатную квартиру в Милицейском переулке. Она была такая хорошая и такая пустая, что вызывала у меня, с одной стороны, восторг, а с другой – тоску. Нужно было её как-то обживать, а денег на мебель не было, поэтому я решил её разукрасить. На одной стороне я гуашью нарисовал персидский ковер, а на другой – огромное многофигурное панно. Потом купил шесть табуреток, круглый стол некрашенный и шкафчик. Подумал, раз на стенах выглядит неплохо, значит, будет неплохо выглядеть и на мебели. Сначала я расписал шкафчик, потом всё остальное. Расписал и титан, на нём я нарисовал жирафа» (из личной беседы Ю. Гамерман с Л. Завальнюком). Преобразившаяся квартира, как и сама идея её обустройства, очень понравились всем друзьям и знакомым Леонида Завальнюка.

По свидетельству Ю. Гамерман, расписанный Леонидом Андреевичем шкафчик можно было увидеть у Марка Либеровича Гофмана, который бережно хранил и множество других работ своего друга: разрисованные досочки и небольшие картинки – «марки», как называет их сам поэт. Кстати, когда-то на одной из стен в квартире Марка Либеровича Леонид Андреевич нарисовал целую библиотеку: шкафы, заполненные книгами. Был и такой случай. В Благовещенск на поиски исполнителя главной роли в фильме по повести Л. Завальнюка «Дневник Родьки – «трудного человека» приехала съёмочная группа во главе с режиссёром Юлием Карасиком. Когда он пришёл к Леониду Завальнюку в гости и увидел «нашкафное» и «настенное» творчество поэта, то воскликнул: «Это нужно заснять!». Фотографии, сделанные тогда оператором, были подарены Леониду Андреевичу на память о том времени.

Всерьёз Л. Завальнюк начал заниматься живописью, когда заболела его жена Наташа. После смерти матери она впала в сильную депрессию, и, чтобы порадовать её, Леонид, по его же воспоминаниям, начал рисовать небольшие картинки. Это начинание переросло в хобби, а хобби – в серьёзное увлечение. Идею о выставке картин, которых со временем набралось довольно много, Завальнюку подала приятельница друга. И через три года в Нью-Йорке, в музее Рериха, прошла первая выставка

живописных работ, на которой также были представлены и некоторые переведённые на английский язык стихи Л. Завальнюка. Вторая выставка состоялась в Благовещенске, третья – в филиале Пушкинского музея Москвы, четвёртая – в Париже и пятая – снова в Благовещенске. Хочется отметить, что поэт выступил иллюстратором и некоторых своих книг.

Свои картины Завальнюк называл «знаками». А поклонники его творчества видят в них «следы космического присутствия», «завораживающую космическую музыку», «картины про наши сны и мысли» (из альбома впечатлений о выставке картин Л. Завальнюка на кафедре культурологии БГПУ в марте 2004 года). Техника создания картин называется монотипией, заключается же она в следующем: на стекло выливается, в соответствии с неясным ещё замыслом художника, краска. Сверху накладывается лист бумаги, и всё это аккуратно «перетискивается» (термин самого поэта). Затем автор находит понравившийся ему образ в получившейся цветовой палитре и дорисовывает его.

Оригинальность манеры Завальнюка-художника самим автор определил как «неконкретный реализм»: «на моих, так называемых, «полотнах» нельзя разобрать, где берёза, где дуб растёт, но видно, что это дерево. Знак реки, знак чего-то... И для меня самое важное – ухватить настроение какое-то. Иногда от пейзажа бывает настроение абсолютно неземное, какое-то космическое состояние, такое вот есть в воздухе, во всём. Если мне удаётся это схватить, значит, что-то у меня там получается» (из интервью Амурскому телевидению в 1997 году).

Свет, цвет всегда сопровождал Леонида Завальнюка, а его картины, разлитые по листам акварели, и теперь в память о поэте украшают уголок в выставочном зале МУМа на Ленинградском проспекте Москвы.

ЛЕОНИД ЗАВАЛЬНЮК В ВОСПОМИНАНИЯХ И ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОК

*Снова стихами повеяло
От молодой травы.
Я каждому слову поверю,
Которое скажете вы.
Поверю, что вы наступаете
Поруслам новых дорог,
Прочтите мне только по памяти
Десяток хороших строк*

Л. Завальнюк

Ю.И. Кашук (Полищук), известный литературовед и писатель, в начале 1980-х служил во Владивостоке замполитом на рыболовецком траулере. И однажды в книжном магазине он купил сборник стихов Завальнюка «Поле-половодье» (1970). Прочитав первые четыре стихотворения, Юрий Иосифович закрыл книгу и сказал: «Я буду читать по одному стихотворению в день, потому что эти стихи нельзя читать, их надо впитывать» А что, как не это, является доказательством высокого качества поэтического мастерства – признание и любовь «квалифицированного читателя», чьё мнение, не в пример обыденному, взыскательно.

*М. Л. Гофман,
редактор Амурского книжного
издательства 1954–1990 годы*

И вот 22 декабря 2003 года я сижу в гостинной московской квартиры поэта. Мы с Леонидом Андреевичем и его женой Наталией Марковной пьём чай из изящных чашечек, разговариваем о Благовещенске, о том, где и какие материалы о его творчестве можно найти. Естественно, заговариваем о стихах. И тут поэт уходит в кабинет и возвращается с, как он её называл, «амбарной книгой», в которую записывал черновики своих стихов. В памяти картина: за старинным столом красного дерева, отодвинув в сторону тонкую фарфоровую чашечку, поэт во фланелевой рубашке перелистывает желтоватые, ломкие разлинованные листочки из кондуита для бухгалтеров, отыскивая стихи, которые он хочет прочесть. Смотрю на него, и в голову приходят неожиданные сопоставле-

ния. Я думаю о странно явленной благодаря предметам интерьера связи Завальнюка с традициями русской поэзии: ведь за подобным (или даже этим самым) столом вполне могли сидеть его великие предшественники, отложив в сторону гусиное перо и просматривая черновики со стихами. А ещё о том, что вот и у моего покойного дедушки была точь-в-точь такая же клетчатая фланелевая рубашка...

*Наталья Киреева,
доктор филологических наук,
профессор БГПУ*

Я говорю: «Леня». И ясно вижу умные строгие глаза и серьезное лицо внимательного собеседника. Я говорю: «Ленечка» – глаза с лукавым прищуром, сейчас будет смешить, остроумничать, шутить и заразительно хохотать сам. Леонид Андреевич напротив – строг, собран, точен в жесте, смотрит внутрь себя, слышит то, чего не слышат другие – звуки, шорохи, музыку, слова, что потом слагается в стихи необыкновенной духовной наполненности».

*Ната Холендро,
друг семьи Завальнюков*

Люди счастливы, пообщавшись с Леонидом Андреевичем мимолётно, а наша семья полвека с ним, и я считаю это счастьем!

*М. Л. Гофман,
редактор Амурского
книжного издательства*

Конечно, Леонид Завальнюк имел право на критическое мнение о собственных вещах. Тем более, что он буквально с первых публикаций, заявивший о себе как о мастере, с годами писал всё лучше. Эта поразительная особенность его таланта – постоянный, до самой старости, приток свежих сил в стихах, постоянная новизна горизонтов мира и уголков души.

В. Г. Лецик, член Союза писателей России

Через свое сиротство (он рано лишился матери), через свои душевные муки, через свой непростой личный опыт он прошел к чудесному преображению в поэта и художника. Он очень любил жизнь и сохранил в себе и удивление, и восторг перед ней.

*Люди, годы, дороги, поля!..
С красотой твоей и уродством
Всем родством, всем несметным сиротством,
Я люблю тебя, мать Земля!*

Леня жил с наивной верой, что мир как-то можно обустроить и люди опомнятся, и станут совершать только хорошие поступки.

Внешне он казался суровым, но это только внешне. Он носил усы, что сообщало лицу некоторую настороженность. Но на самом деле, он был добряк из добряков.

Помню, была зима. Холодно. Ночь, время позднее. Канун Нового года. Я выхожу с собакой гулять. Густо идет снег. Я оступаюсь, падаю. Результат падения – сломанная в запястье рука. Боль невыносимая. Отвести меня в травмпункт некому. А Леня болеет, лежит с высочайшим давлением...

Через пятнадцать минут мы уже мчимся через снег и плохо видимую дорогу в больницу гипсовать мне сломанную руку. Вот так – встал больной и поехал!

Я сидела с ним в его машине, баюкая свою несчастную руку, и думала сквозь боль: «Какой же он настоящий, какой же он настоящий...».

*Ната Холендро,
главный художник журнала «Мурзилка»
друг семьи*

Написав, что со стихами Леонида Завальнюка я прошёл всю сознательную жизнь, я несколько не преувеличил. После «Лирики» я приобрел все его книги, какие попадались, некоторые, правда, не сохранились, но и сейчас их более десятка стоят среди тех, которые я постоянно читаю и перечитываю.

*В. Черкесов,
поэт*

Особенно подкупало то разноголосие, которое буквально с лёту позволяла различить их в общем литературном «хоре». Мы явственно слышали спокойные обертоны поэзии Леонида Завальнюка, поскольку он был, несмотря на своё московское местожительство, всё-таки наш, амурский – не по рождению, а по стартовой творческой прописке.

*Снова стихами повеяло
От молодой травы.
Я каждому слову поверю,
Которое скажете вы.*

*Поверю, что вы наступаете
По руслам новых дорог, – и
Прочтите мне только по памяти
Десяток хороших строк.
Неужто вы не заметили,
Как, погасив огоньки,
Вечер уходит медленный
По мостовой реки,
Как падает ночь на гравий
С первой каплей дождя?..
Зачем вы молодость грабите,
Мимо стихов идя?
Когда ничего ещё не было,
Строкой пробив тишину,
Поэты открыли небо,
Поэты открыли весну.*

Стихи созвучны нашему времени, они обо всем, о любви, о жизни, о Родине».

*И. Игнатенко,
амурский поэт, журналист*

Леонид Андреевич читал свои стихи «необыкновенно хорошо, завораживающе. Голос негромкий, но очень сильный, с глубокой внутренней интонацией. Никто из актеров не смог бы прочесть так, как читал Лёня – ритмически точно, когда каждое слово врезается в сознание:

*Снова сильная вьюга опалила леса,
Не имеющий друга – не имеет лица.
Вдоль полоски заката – голубые столбы,
Не имеющий друга – не имеет судьбы...
В этом жизненном море, что не ведает дна,
Одинокость не горе, одинокость – ВИНА...*

Не знаю, как у кого, а у меня мурашки гуляли по телу, когда он читал – верный признак того, что я слышу нечто настоящее.

*Ната Холендро,
главный художник журнала «Мурзилка»,
друг семьи*

Леонид Завальнюк был талантливым разносторонним поэтом, автором многих поэтических книг. Многие его стихи становились песнями. Он принадлежал к группе, неподконтрольной вольной русской поэзии военного времени.

*Александр Герасимов,
пресс-секретарь Союза писателей Москвы*

Леонид Завальнюк – уникальный человек. Необычайно скромный, он обладает потрясающим талантом. Талантом прикоснуться к Сокровенному, попытаться выразить Невыразимое, разгадать загадку Вселенной. Он с нами и одновременно далеко, недоступно далеко от нас. Пейзажи его картин – это пейзажи Неведомого, пейзажи его души.

*Александр Мишарин,
драматург*

Дом Завальнюков – дом особого рода. Это не пространство с мебелью, пусть даже очень старинной и красивой, это нечто иное. Это особая атмосфера и особое биение ритма творческой жизни.

Бесконечно близкие, сросшиеся сердцами, Леня и его жена Наташа, моя тетка, являли собой редчайший пример небывалой гармонии в любви. А каждый по отдельности был уникальной человеческой личностью.

Мужественный, крупный талант Лени и пленительное обаяние умной Наташи притягивали к себе незаурядных людей разных судеб, возрастов и профессий. Благодаря Наташе, духу этого дома, атмосфера была всегда полна новизны. Там любили принимать интересных гостей, там никогда не было случайных людей.

*Ната Холендро,
главный художник журнала «Мурзилка», друг семьи Завальнюков*

Завальнюк всю жизнь писал «одно» стихотворение, как Тонино Гуэрра всю жизнь пишет одних и тех же бабочек, Маранди – бутылки, а Тарковский снимал одно и то же кино, Он писал одно и то же стихотворение, ибо в каждом был – весь. Свобода личности делала его сознание открытым, распахнутым ввысь и вширь. Сон, явь, реальность, минуты, тысячелетия в сознании переплавляются воображением и становятся поэтическими образами. Главное – не внешний успех и бурно-продолжительные аплодисменты. Главное в самопознании и самораскрытии, а для этого и нужен Бог и нужен червь, и лист, и любовь, и старый чайник на кухне.

О. Жданова

Его живопись – это детские грёзы о неведомых и невиданных мирах, где ты никогда не был в реальной жизни, но превосходно знаешь, потому что это пространство детской мечты. В них нет ничего реального, и они абсолютно реальны и знакомы, как всем знакомы ощущения, которые бывают только в детстве и во сне.

*Савва Кулиш,
режиссер*

Когда читаешь стихи настоящего поэта, то постепенно ощущаешь, что они становятся частью тебя самого, а человек, их написавший, делается родным. Это чувство удивительного родства я испытала после знакомства с творчеством Л.А. Завальнюка. А когда в марте 2004 года впервые встретила с Леонидом Андреевичем, поняла, что именно таким его и представляла: необыкновенным. Необыкновенно скромным человеком, интересным собеседником с необыкновенной улыбкой и спокойным, добрым взглядом. Мы пили чай и разговаривали обо всём на свете, но иногда Леонид Андреевич замолкал. Не знаю, о чём он думал в эти минуты, но взгляд его становился другим – очень грустным. Казалось, он вобрал в себя всю боль земли, понять которую может лишь тот, кто пережил её сам. Я всё время думала: что таит этот взгляд, какую судьбу?

*Юлия Гамерман
астирант кафедры литературы БГПУ*

Я Леонида Андреевича про себя называла «открыватель иного смысла». Вот тебе кажется, ты все про все знаешь, а он прочтет новое стихотворение и тебе открывается неведомое доселе, иной смысл обретают знакомые слова. И становится все ясно и просто, как в детстве. А сам Леонид Андреевич и в возрасте оставался мудрым ребенком с чистой душой, с первозданностью взгляда на мир, ничуть не испорченный жизнью с ее свирепым утилитаризмом.

Мне кажется, что он и родился под знаком природных сил, которым -то и подвластно подлинное искусство. Вот почему так сильно ощущается в стихах тонкая внутренняя слитность его Я с природой.

*Ната Холендро,
главный художник журнала «Мурзилка»,
друг семьи*

Завальнюк очень любил Благовещенск. Но одно дело, когда мы здесь живем и любим свой город, другое – разлука с объектом любви. Он был 48 лет в разлуке с нашим городом, тем не менее, каждый год

сюда приезжал. Удаленность от любимого города вызывала в нем напряжение, которое выливалось в творчество. Необходимо вернуть эту любовь с благодарностью.

*Игорь Горевой,
министр внешнеэкономических связей,
торговли и туризма Амурской области*

Завальнюк – пессимист изначально, но его жизнелюбивая энергия закоренного провинциала даже в столице исполнена великого оптимизма. Читать его – словно прикасаться к проводам высокого напряжения, ежестрофно испытывая катарсис. Недаром среди его многолетних читателей и поклонников так много людей искусства, художников и актеров, приведу в пример только Аллу Демидову и Виталия Вульфа. Случайно пересекшись с автором на улице около ЦДЛ, я назвал его в разговоре «последним из могикан». Леонид Андреевич не согласился, изначальная скромность заставила отказаться от этого определения. Но после сокрушительного ухода многих ярких талантливых поэтов, когда, по словам Давида Самойлова, в нашей жизни, «словно в опустевшем помещении, стало вдруг и пусто и темно», замечательно, что пульсирует такой светоносный творческий дар.

Владимир Климов

Поздние стихи Завальнюка всё больше и больше утрачивают первоначальную свежесть дыхания и конкретность поэтических деталей, всё чаще в них властвует метафизика. Это моё субъективное восприятие, в подтверждение которого укажу лишь на строчки из стихотворения «О, рыцари святого войска...», в которых автор задаёт читателю некую почти масонскую загадку; требующую расшифровки: «Спаси меня, седьмое чувство. / Седьмая раса, день шестой!..» Оставлю разрешение загадки на усмотрение читателей, но для стартового «рывка» рискну предположить, что «седьмое чувство – это нечто иное, как интуиция. С «седьмой расой» и «днём шестым» разбирайтесь сами».

*И. Игнатенко,
амурский поэт, журналист*

Я снова вспоминаю. 31 марта 2004-го года. Творческий вечер Леонида Андреевича закончился, мы спускаемся в холл университета и слышим, как репетируют своё выступление студенты факультета дополнительных профессий: «Счастья тебе и радости, мира и благоденствия!». Эти слова сопровождают Леонида Андреевича, с букетами цве-

тов идущего к выходу. А хористы БГПУ, продолжающие репетицию, даже не подозревают, что автор песни, сопровождаемый такими добрыми пожеланиями, открывает в это самое время тяжёлые входные двери и выходит на улицу «лучезарного города», в котором когда-то, по его словам, «моя весна / мне двери отворила».

*Наталья Киреева,
доктор филологических наук,
профессор БГПУ*

А каким замечательным художником был Леонид Андреевич! Ведь поэты сочиняют стихи, но почти не рисуют, художники рисуют, но редко сочиняют стихи. Леня соединил в себе художника и поэта, мастера и мастера.

Его живописные работы проясняют то, что сказано словами, то есть делают стихи зримыми. Происходит волшебное превращение стихов в картины – и то, и другое становятся подлинными художественными произведениями.

Весь колдовской цвет Лениных живописных работ то жаркий, то холодный – из действительности. Вот он напряженный, вот – эмоциональный, а вот он наполнен образным звучанием. Цвет настроения, цвет состояния души...

Вот-вот, водопад красок, вот что такое Ленины картины. Но водопад не случайный, а ясно продуманный и осмысленный.

*Ната Холендро,
главный художник журнала «Мурзилка»,
друг семьи*

Постигая нравственные, философские смыслы лирики Л. Завальнюка в первую очередь обращаешь внимание на богатство поэтического языка, ритмико-синтаксических форм, архитектоники – на все то, что вызывает чувство удовольствия от прочитанного и входит в понятие «художественность». Его художественное творчество воспринимается скорее не как духовно-биографический опыт, а как сочетание красок и звуков, слов и движений, настроений и мелодий.

Г. В. Давыдова

В кефире, гуаши и акварели утопают стихи Леонида Завальнюка. В Музее – мастерской Коненкова на Тверском бульваре открылась персональная выставка известного поэта...

Тридцать монотипий – тридцать разных настроений и эмоций. От прозрачной «Небо после грозы» до горестно – экспрессивной «Саульский». Эмоция достигается слиянием красок, наносимых сначала на стекло, с которого делается оттиск. Однако процесс слияния колера не совсем произволен. Завальнюк регулирует течение красок с помощью своих секретов, например, используя кефир.

Все-таки Завальнюк-поэт не дает расслабиться Завальнюку-художнику. Как бы последний ни старался управлять стихией красок и корректировать получившийся рисунок, из них так и рвется необузданная стихия поэзии.

*Марина Райкина,
журналист*

Так мы и жили, и были больше, чем соседи, я на пятом, они на третьем этаже.

Моя привязанность к Лене и Наташе росла год от года. Я не помню вечера, чтобы не позвонила им, и не поинтересовалась, как они поживают. Я одной из первых узнавала его новые стихи, смотрела его новые картины. А еще я слушала его замечательно-занятные сказки для детей про зайца Прошку. Эти сказки я отнесла в журнал «Мурзилка», где по сей день вот уже много лет служу главным художником. В журнале сказки приняли на УРА! Мы в течение года печатали их из номера в номер, чем подняли тираж издания. А редакция была завалена письмами от детей, которые полюбили Прошку всей душой.

*Ната Холендро,
главный художник журнала «Мурзилка»,
друг семьи*

Поэт Леонид Завальнюк – неограниченно органичен в стихах как в собственном доме, где каждая вещь (а здесь – рифмы, их отсутствие, пауза, образы) – на авторском месте (на своей полке). Здесь могут «подрасти душой», а «из музыки рождается полет». И «раздвигают неба тишь». А солнца образ – не привычный гигантский полыхающий диск (банальный до оскомины), а «маленькое блюдце»... И жажда ведет Поэта – «...с безумными безднами слиться...». Всё творчество Леонида Завальнюка пронизывают контрасты... Поэзия его не столько настояна на них, сколько – настроена. Сон – явь. Сказка – жизнь. Фантазия – реальность. Ясный свет – ясность жизненного цвета, скорее цвета хаки, чем рассвета акварельности. Но Леонид Завальнюк – больше чем поэт. Он – Художник... Художническая природа была очевидна (очам видна) еще в поэ-

зии, где образы не письменны, но – зрелищны, скульптурно выразительны... А на выставке картин – все те же гроздья праздничных и трагических метафор, что и в стихах, только явленные в цветовой плоти...

Владимир Климов

Впервые столкнулся я с ранними стихами Леонида Андреевича прямо там, в книжном и прочитал его книжечку «За отступающим горизонтом». Ну скажите, разве можно оторваться от упечатающихся в сознание, сливающихся с током крови строчек:

*Если вы очень любите жизнь
И вас волнует её дыханье, –
Презрите транспорт,
Идите пешком.*

Разве отложишь эту книжечку, не проглотив её залпом до последней точки?! Как потом не вернуться к ней на следующий день, чтобы не перечесть запавшее, чтобы найти новые тона, новые смыслы?!

<...>.

Кто-то открыл для себя Леонида Андреевича Завальнюка «Дневником Родьки – “трудного” человека», кто-то песнями (куда ж без хрестоматийных строк о необъяснимой словами высокой тоске!). Я, получается, открыл для себя нашего знаменитого земляка, ещё и не зная его фамилии...

*Павел Савинкин,
журналист*

Порой, мне кажется, что Леонид Андреевич во многом жил таинственной жизнью, больше обращенной во внутрь, чем вне. Сокровенные воспоминания, бережно хранимые им, ложились в основу его стихов и цветowych видений. Стихи, картины это его разговор с самим собой, это его, мастера, духовное восприятие мироздания.

Вот почему поэзию и живопись Леонида Андреевича, я называю «дневником» всей его жизни, «дневником» его души. Дневник – это откровение человека перед самим собой, но все-таки с надеждой, что когда-нибудь все, что делается, будет осмысленно и понято другими людьми. Леня вёл «дневник» предельно честно и тщательно. Он многое знал и многое умел. Он владел искусством быть, жить, любить, писать стихи и создавать картины.

*Ната Холендро,
главный художник журнала «Мурзилка»,
друг семьи*

В своих стихотворениях Завальнюк мужественно преодолевает дисгармонию. Есть разные способы преодоления. Он преодолевает дисгармонию – гармонией. Таков его поэтический характер. Это преодоление не преднамеренное, а врождённое, завоёванное. Его мир бескорыстно гармоничен (соответственно мирозерцанию).

Разностопная музыкальность его стихов управляет повествовательностью, помогая строке пробиться сквозь прозу – навывлет. Нет в его стихах капризного легкомыслия, человек изображён портретно, а не фотографически, энергия строки внутренняя. Поэт непроизвольно соблюдает строгую композиционную последовательность. Если же говорить о влияниях, то у Завальнюка можно обнаружить *родство*, а не подражательство. От его книг веет ощущением единой личности, одухотворяющей всё творчество поэта.

*А.П. Межиров,
писатель*

Я родился и почти всю жизнь прожил в Благовещенске. Ещё в детстве от своей бабушки, учительницы русского языка и литературы я узнал, что есть такой поэт Леонид Завальнюк, что он когда-то тоже жил в Благовещенске, но потом переехал в Москву. <...>

Однажды зимой я сильно заболел. Высокая температура держалась несколько дней, которые я с подзабытым уже удовольствием решил посвятить книгам. И тут мне на глаза попался серенький томик «Дальняя дорога». В оглавлении я сразу увидел строчку «Осень в Благовещенске. Поэма». Я не знаю, как так сложилось, но когда вдали от дома, по телевизору, или в книге я вижу или слышу «Благовещенск», то сердце моё невольно вздрагивает. Как будто при большом стечении народа громко выкрикивают мою фамилию схожие ощущения. Я, конечно, сразу стал читать. И вдруг...

*«Слеза, осенних дней примета...»
Меня как будто окатили ледяной водой.*

*«... росой холодной потекла...»
Как?!.. Я не верил своим глазам...*

*«и журавли уносят лето
Ком стоял в горле, строчки расплывались
«раскинув серые крыла...»*

Я вдруг понял, что эти великие стихи о любви – к Нашему с ним городу, к сопкам, к журавлям на этом «высоком и ясном» – Нашем с ним небе, к Нашей с ним реке, «где столько солнечного света».

Уже через месяц я был в гостях у Натальи Марковны, слушал неторопливые рассказы о бесконечно любимом, ни на кого не похожем человеке её судьбы. Стихи сменялись историями из жизни, знакомые с детства песни слышались по-иному, я впервые увидел его картины. Я чувствовал, как невольно и навсегда впускаю в себя какой-то большой и светлый новый мир.

*Игорь Горевой,
министр внешнеэкономических связей,
торговли и туризма Амурской области*

... Последние дни читала и перечитывала Вашу прекрасную книгу. Думаю, что вы всё главное о себе поэте знаете сами. Поэтому особенно анализировать не буду. Просто скажу, то у Вас совершенно отдельный единственно свой голос. Ритм – гармонично нервный. Дыхание интонации – долгое, протяжённое и вместе с тем музыкально напряжённое. Ток строки трагический и светлый, добрый, дающий выход и надежду.

*Из письма Татьяны Бек
о книге «Беглец»*

Леонид Андреевич – можно просто Лёня? После этих стихов «вы» мельчает. Эти стихи – Ты с большой буквы.

Стихи твои – нечто гораздо большее, чем стихи, хотя, что может быть больше настоящих, прекрасных стихов, не знаю...

*Из письма Владимира Леви
о книге «Рисунок по памяти».*

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А.А. ЗАВАЛЬНЮКА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

МИР СКАЗОК ЛЕОНИДА ЗАВАЛЬНЮКА*

Из опыта интегрированных уроков

*Г.К. Алексеева,
заслуженный учитель школ РФ,
учитель МОУ СПОШ № 2, г. Благовещенск*

Работая над изучением краеведческой литературы и фольклора в течение многих лет, я всегда считала, что произведения, созданные для детей, имеют значение и для взрослых. Вчитываясь в «Амурские сказки», лирические песни и частушки, собранные краеведами, не только находишь в них огромное количество познавательного материала, но и словно чувствуешь биение сердец наших предков. И это случается не только тогда, когда изучаешь амурский фольклор, но и когда читаешь авторскую литературу. Чувствуешь, что с тобой словно говорит душа писателя – твоего земляка. Так случилось и со «Сказками лесной поляны». «Приключения зайца Прошки» Л. Завальнюка открыл для меня альманах «Амур» в 2010 году. Конечно, творчество Л. Завальнюка знакомо мне давно: ещё со студенческой скамьи, когда молодой тогда писатель выступал перед нами, студентами историко-филологического факультета. Собрала библиотечку поэтических сборников: «Мой дом» (1966), «Это – реки» (1969), «Листопад» (1977), «Дальняя дорога» (1987), «Бис» (1990). На сборнике «Листопад» – автограф автора.

И вот сборник сказок 2011 года. Прочитала, понравились, подумала, будут ли они интересны моим ученикам. Предложила для чтения в классе. Оказалось, мои шестиклассники заинтересовались: стали задавать вопросы об авторе, о его творчестве. Началась поисковая работа. Ребята нашли биографический материал, узнали, что «Сказки лесной поляны» – это девятая книга Л. Завальнюка для детей. Но это только сухие факты, нужны книги, люди, встречи – живые рассказы о писателе. Дети должны почувствовать автора, услышать его, увидеть глазами других людей. На помощь пришли преподаватели БГПУ (их воспоминания о встречах с Л. Завальнюком, опубликованные в альманахе «Амур»), мои личные воспоминания, книги, подборки стихов из газет и журналов.

Все 29 учеников 6-го «Б» класса захотели работать над сказками. Каждый выбрал себе ту, которая показалась наиболее интересной и близкой. И вот первые открытия. У зверей, как у людей: заводят друзей, строят дом, мечтают, обманывают, ленятся. Но как-то всё добрее, чище, – одним словом, как в сказке. А от лица вороны автор спрашивает своего читателя: «Есть ли охотники до сказок сейчас? Кто их будет читать и слушать?» Сложные вопросы: нужны ли сказки? почему автор обратился к сказкам в последние годы жизни? Дети отвечают по-разному.

Методические рекомендации к интегрированным урокам по сказкам Л. Завальнюка

1. Вступительное слово учителя.

Учитель связывает тему урока с предшествующими темами в рамках регионального компонента, в частности, с темой приамурского фольклора. Знакомит учащихся с именами писателей-дальневосточников, говорит о месте их творчества в литературном процессе. Формулирует цель и задачи урока.

2. Слово о биографии и творческом наследии Л. Завальнюка.

Перечисляются основные вехи биографии и творческой судьбы писателя:

1) Трудное детство с непростыми отношениями в семье, мачеха, голодная жизнь на Украине. Суровая проза жизни, казалось, не располагала к поэзии, но именно тогда, на Украине, по дороге в школу Л. Завальнюк написал первое стихотворение:

Поля зарастут бурьянами,

Будет степь целиною лежать.

Ведь не зря говорил нам Некрасов:

– Учись мужика уважать!

Стихотворение прочитал отцу. Однако вместо похвалы услышал: «Что это? Что ты пишешь? Нужно писать то, что чувствуешь по настоящему. Хочешь есть? Так и пиши: хочу есть!» Этому совету писатель следовал всю жизнь.

2) Учёба в фабрично-заводском училище и работа откатчиком на шахте. В этот период в заводской газете было опубликовано первое стихотворение Л. Завальнюка.

3) 1951 год – служба в Советской армии на станции Среднебелая Амурской области, публикация стихов поэта в газетах «На боевом посту» и «Суворовский натиск» – начало поэтической судьбы Л. Завальнюка.

4) Учёба в благовещенской школе № 1 и поступление в Литератур-

ный институт имени М. Горького в Москве, работа редактором Амурского книжного издательства. Следует сказать об особой связи Л. Завальнюка с Благовещенском. Для писателя Благовещенск становится второй родиной, куда, уже много лет живя в Москве, поэт возвращался, чтобы работать. «Работается мне здесь как нигде, – отмечал Л. Завальнюк, – Мне кажется, я нахожусь во внутренней гармонии с этой землёй – степь, среди которой возникают сопки, – она близка мне, как мелодия, по интонации». Городу Благовещенску и реке Амур Л. Завальнюк посвятил много стихов. (Читаются избранные стихотворения).

5) Членство в Союзе писателей – официальное признание творчества поэта (1962).

6) Последние годы жизни Л. Завальнюка. В этот период он много писал для детей. Его рассказы и сказки наполнены необыкновенной добротой, отличаются изящным стилем и богатым языком, а созданные им азбуки отличает качественно новое содержание: азбука не только знакомит детей с буквами, но и одновременно является книжкой для чтения с небольшими сюжетами. В последние годы жизни Л. Завальнюк стал заниматься живописью.

3. Небольшая композиция из стихов Л. Завальнюка (например, из поэмы «Осень в Благовещенске»).

4. Анализ особенностей художественного метода Л. Завальнюка:

– многогранность лирики, обусловленная универсальностью авторского восприятия окружающего мира;

– простота и доступность изложения, внимание к деталям;

– юмористичность, способная не только наладить общение с читателем, но и высветить серьёзность поднимаемых проблем;

– мелодичность, обусловившая возможность Л. Завальнюку быть поэтом-песенником.

Таким образом, богатство творческого дарования Л. Завальнюка сформировало талантливого поэта, прозаика, драматурга. Помимо сотрудничества с композиторами и певцами, Л. Завальнюк работал в кинематографе и мультипликации.

5. Сказки Л. Завальнюка из книги «Сказки лесной поляны, или жизни и приключения зайца Прошки».

1) Предварительная подготовка к уроку: нарисовать рисунки к понравившимся сказкам (интерактивная презентация на уроке); написать небольшие сочинения на тему «Почему хочется читать сказки о зайце Прошке?» (конкурс сочинений).

2) Сообщение об идее создания сказок и работе над ними, создании мультфильмов по сказкам. Вывод: сказки Л. Завальнюка заставляют

задуматься о вечных ценностях, в них просто говорится о дружбе, взаимопонимании, радости каждодневного существования.

3) Викторина, проверяющая знание содержания сказок.

Общие вопросы:

– Кто объединяет все сказки? (Главный герой – заяц Прошка).

– Кто из зверей в сказках оказывается самым умным и как это доказать? (Ёж).

– Кто из зверей является самым лучшим и самым верным другом Прошки? В чём это проявляется? (Лягушка).

Вопросы к отдельным сказкам

«Заяц Прошка и красная конфета»

– Кому девочка обещала подарить конфету? (Тому, кто её лучше всех похвалит).

– Кто не захотел хвалить девочку? (Ёж).

– Что девочка подарила зверям, кроме конфеты? (Зеркальце).

– Кто украл конфету? (Ворона).

– Почему Прошка не рассказал, что конфету украли? Какие качества Прошки раскрываются в этом эпизоде? (Не захотел расстраивать друзей, портить им праздник; деликатность, уважительность).

– Когда Прошка посмотрел в зеркальце, на какого зверя, по его мнению, он был похож? (На бегемота).

«Прошкино новоселье»

– Кого первого Прошка попросил нарисовать дом? (Белку).

– Где жил заяц Прошка? (На Земляничной поляне под раkitовым кустом).

«Прошкина хитрость»

– У кого был день рождения? (У Вороны).

– Какую хитрость придумал заяц Прошка и почему? (Пригласить друзей на день рождения, а потом отменить его, чтобы Ворона могла услышать, какого мнения о ней звери).

«Как Прошка летал»

– По мнению Ежа, что нужно делать, чтобы быстрее выздороветь после болезни? (Больше спать).

– Кто приснился Прошке? (Самый Большой, Самый Главный заяц в мире).

– Какое самое заветное желание Прошки? (Уметь летать).

– Что понял Прошка, когда проснулся? (Кому где назначено, там он и должен жить). Приведите примеры русских пословиц на эту тему (Где родился – там и пригодился; на чужой стороншке рад своей вороншке; лучше курица да с нашей улицы и др.).

В зависимости от числа учеников в классе и количества сформированных команд (при групповой работе) выбирается число сказок и вопросов для викторины. Вопросы должны сочетать в себе проверку как фактического знания, так и способности анализировать темы, проблемы изучаемых сказок, проводить параллели с устным народным творчеством, а также ранее изученными произведениями.

Лингвостилистический анализ сказок Л. Завальнюка

– Назовите основные формы речи героев, представленные в сказках (Диалог, прямая речь). Для чего автор использует эти формы речи? (Чтобы приблизиться к читателю, показать достоверность происходящего).

– Прочитайте стихи, написанные Прошкой. Почему животным не понравились эти стихи? (Стихи не были художественными, в них много повторов, бедный словарный состав).

– А как оценить стихотворение Ежа про прошкин дом? (В нём есть художественные средства выразительности: эпитеты, метафора, однородные члены предложения).

На уроках русского языка параллельно изучается тема «Формы глагола: причастие и деепричастие», задача учителя – интегрировать материал одного предмета в другой с целью научить школьников видеть причастия и деепричастия в тексте, определять их функции.

Задание: найдите причастия и деепричастия в сказках о зайце Прошке, объясните, с какой целью они использованы (Подбежав к ручью, увидели фотоохотника; увидели дятла, пролетевшего в одну сторону; Прошка и Бобёр, удивлённые до изумления и др.).

Причастия и деепричастия, совмещая признаки разных частей речи, богаче содержательно, а потому более экономны. В текстах картины природы и жизни переданы через причастные формы и обороты, которые выполняют изобразительную функцию. Причастия создают живую картину, усиливая образную и эмоциональную значимость слов. Таким образом, они являются средством живописания. Деепричастия также являются средством образного изображения действительности. Обладая изобразительными качествами глагола, его разнообразными смысловыми и экспрессивными оттенками, они более лаконично и точно выражают значения.

6. Конкурс лучших сочинений учащихся на тему «Почему хочется читать сказки о зайце Прошке?».

7. Подведение итогов урока. Выводы о значении творческого наследия Л. Завальнюка, особенностях его художественного метода. Домашнее задание – написать свою сказку о зайце Прошке по мотивам сказок Л. Завальнюка.

Примечание

1. См. также: Алексеева, Г. К. Мир сказок Леонида Завальнюка : из опыта интегрир. уроков / Г. К. Алексеева // Лосевские чтения – 2013 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014. – С. 63–69.

2. Электронная презентация содержится на прилагаемом к сборнику диске.

ТЕМА РОДИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ЗАВАЛЬНЮКА*

*Т.А. Данилова,
учитель русского языка и литературы
МОКУ Толбузинская ООШ
Магдагачинского района
Амурской области*

«Полно и незримо любить отчизну, сострадая и радуясь, верить в неё – с таким чувством жили все великие русские писатели. Разве скромное очарование внешних примет местности, благородные, сдержанные некрикливые краски и звуки не сделались как бы частью самих писателей, не обрели бессмертное существование в их художественных произведениях?», – спрашивает Виктор Будаков. И продолжает: «Негромкая русская природа – вторая мать, вскормившая наших классиков; и, припадая к ней, они столь обострённо и сокровенно ощущали её глубинные токи, рассказали о ней так, что она <...> стала одним из самых вращующих начал отечественной словесности».

Эти слова можно отнести ко многим современным авторам. Словесник-методист Наталья Беляева, зав. лабораторией дифференциации филологического образования ИСМО РАО, так определяет истоки современной поэзии: «Для поэтов последних тридцати лет трудно найти такой принцип, такую тенденцию, которые объединяли бы всех сразу. Пожалуй, единственное, что может быть общим для очень разных поэтов – это отношение к традиции». Общая черта «традиционной» поэзии – стремление приблизить свой стих к высокому ладу литературы тех времён, которые уже почти терминологически называются *золотым* и *серебряным* веками.

В свете приведённых высказываний попробуем взглянуть вместе с учащимися на творчество Леонида Андреевича Завальнюка. Почему именно на него? Учитываем значимость поэта в литературе Приамурья. Энциклопедический словарь Амурской области под редакцией Н.К. Шульмана даёт поэту следующую характеристику: «Видный деятель культуры». Уроки о Завальнюке могут стать уроками патриотизма.

Поэзия Завальнюка разнопланова: он писал о родине, о природе, о любви, о творчестве. Цель учителя, обращающегося к стихам этого автора, – расширить представление школьников о проблемно-тематическом и художественно-стилевым своеобразии лирики Завальнюка. Раскрыть особенности изображения мира природы как мира гармонии и красоты, тесно связанного с человеком, провести параллели с творчеством поэтов-классиков – это задачи отдельных уроков или этапов уроков, посвящённых творчеству С. Есенина, А. Блока и других русских поэтов. При анализе лирических произведений будем отвечать на вопросы: что в стихах Завальнюка на первом плане – события или переживания лирического героя? как представлены у поэта время и пространство? какова специфика используемых им художественных средств?

Главное слово в поэзии Л. Завальнюка – *любовь*. Любовь, как справедливо отмечает Ю. Гамерман, – «движущая сила творчества, источник вдохновения, то, ради чего стоит жить на земле». Слово «любовь» (и его производные) – одно из самых частотных у поэта:

*Родина живёт в моём «Люблю!»,
Поклоняюсь осени и саду,
Тихому задумчивому взгляду,
Пасынку пространства – журавлю.*

(«Родина живёт в моём “Люблю!”»)

*– Я вас люблю! – несётся в вышине.
– Я вас люблю! – гудят земные недра...
Любовь – есть сущность каждого предмета.
Я вас люблю, деревья и кусты,
Я вас люблю, отроги дивных гор...*

(«Осень на Амуре»)

*Я люблю тебя, родина милая...
Я люблю тебя, родина дивная,
С городами и с песней полей...
Я люблю тебя, родина дикая,
Твои степи, леса и моря...*

(«Я люблю тебя, родина милая...»)

*И вот Амур и Зея
Внизу сверкнули. Красота!
Люблю я эту землю.*

За что? За то, что мне она тепло своё дарила...

(«Осень на Амуре»)

*Я много видел городов,
Я всем им благодарен.
Но чувство родины, земли,
Сочувствие природы
Впервые мне открылось здесь.*

(«Осень на Амуре»)

По мнению Ю. Гамерман, «с Благовещенском Завальнюка связывает очень многое. Именно этому городу писатель подарил своё сердце, именно этот город стал его второй родиной, куда много лет он возвращался, чтобы работать».

Чувство родины у Завальнюка почти такое же, как у Есенина, признававшегося: «Чувство родины – основное в моём творчестве». В стихотворении «Русь» рязанский поэт размышлял: «Но люблю тебя, родина кроткая! / А за что – разгадать не могу». Завальнюка волнует этот же вопрос:

*Я тебя полюбил и не знаю,
Чем ты близок мне, Дальний Восток.*

Отвечают на вопрос поэты по-своему, но в основном сходятся. Родина для Завальнюка – это, прежде всего, «дом, земля, замшелый серый луг, / сани, сено, солнце на лугу...». Но именно такая Россия была дорога и Есенину: «До сегодня ещё мне снится / Наше поле, луга и лес» («Низкий дом с голубыми ставнями...»). Похожие по смыслу строчки можно встретить и у А. Блока: «А ты всё та же – лес да поле, / Да плат узорный до бровей...» («Россия»). Леонид Завальнюк ценит и любит родной край за такие же простые, не пафосные природные явления: «Всё те же лес и поле, / Всё тот же старый тополь у межи» («Весна не хочет есть вчерашний хлеб...»).

Природа у Завальнюка – стимул для творчества. «Снова стихами повеяло от молодой травы...», – писал он. У амурского поэта есенинский взгляд на природу: она у него предстаёт такой же живой, одухотворённой, неразрывно связанной с человеком. Пейзажные зарисовки помогают Завальнюку, как и Есенину, проявить, выразить душевное состояние человека.

Разного рода перекличек в стихах о природе у Есенина и Завальнюка можно найти множество. Вот, например, строчки русского классика начала XX века: «Был вечер задумчиво чудный, / Как дружья улыбка в лице...»; «Что шепчет тебе ветер? / О чём звенит песок?». А вот строчки поэта, начинавшего свой творческий путь в Приамурье: «Уходит медленный вечер / По влажным сваям реки...»; «Прошепчет

что-то куст, / Откликнется лопух...». Природа доверяет поэтам, «шепчет», а они прекрасно слышат и понимают её язык.

Уникальна художественная речевая система лирики Л. Завальнюка. Отличительная её черта – музыкальность. Связь образов и слов проявляется в своеобразии выразительных средств. Эпитетов у амурского поэта немного, но почти все они оригинальны: «звонит *высокая* тоска», «тучки *побелённые*», «*прощальное* утро», «синий и *таинственный* простор». Столь же неповторимы олицетворения: «уткой крикнет тишина,брякнет лунная железка», «хрипит восход», «то осень голосит, то вешний ветер свищет»... Поэт использует яркие, неожиданные сравнения: «ржавый гвоздь растёт, как странный гриб», «воздух, пустынный, как стон» и т.д.

В стихах Л. Завальнюка целые россыпи свежих метафор и иных тропов: «*Душа моя – куст прибрежных лоз, / Трав колдовских невнятное цветенье*»; «*И снова закат весенний / Раскинет своё крыло...*»; «*Штопор ветра вырвет пробку ночи...*»; «*Заря когтями / Свет ворошит. / Ах, небо тянет – / Душа дрожит*»; «*А ночь текла теплым-тепла...*»; «*Январский тающий рассвет / По-зёмкой прошлогодней плачет*»; «*Когда колени лета надломились...*»; «*День догорал, по грудь в осоке стоя*»; «*Небо льётся сквозь деревья...*» и т.д.

Отметим особое отношение поэтов к слову *синий*. «Эпитеты *синий, голубой* у Есенина постоянно сопровождают образ родины и передают чувство искренней сыновней любви («голубую оставил Русь», «на тропу голубого поля», «несказанное, синее, нежное»), – так пишет литературовед Л. А. Трубина о творчестве Есенина. Нечто подобное мы видим и у Завальнюка: «*Я выхожу на берег голубой*»; «*В окно струился синих звёзд настой*»; «*Гос-поди, какое небо синее!*»; «*День уйдёт по тропке голубой*».

*Небо синюю кровлю
Уронило на землю...
Кандалами заката звеня
И цепляясь за синие ветки,
День осенний уходит навеки.*

Синий цвет, по мнению Завальнюка, «звучит». В стихотворении о фонетике он даёт оригинальное определение синему цвету:

*Синий звук – это стук
Молодой гвоздевидной капли...
Поэт оценивает свои творческие особенности:
Не гоните коней,
Не листайте так бойко страницы!*

*Вот строка,
От которой неведомый город приснится.
Вот внезапный глагол.
Вот эпитет, уместный предельно...
И вот эти стихи, я прошу, –
Вы прочтите сугубо отдельно.*

Возможен сопоставительный анализ отдельных стихотворений (тема, идея, композиция, настроение, особенности поэтического мира). Анализируя стихотворение Есенина «Там, где капустные грядки...», можно провести параллель со стихотворением Завальнюка «Утра робкие прожилки...».

С. Есенин:

*Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Кленёночек маленький матке
Зелёное вымя сосёт.*

А это уже Л. Завальнюк:

*Утра робкие прожилки.
Дотлевет тихо ночь.
Словно тихие пужинки,
Ускакал куда-то дождь.*

*И в душе так тихо-тихо,
Что слышать, как вдалеке
Уползает с грядки тыква
С жёлтой свечкою в руке.*

К процитированному стихотворению Завальнюка можно подобрать название, соответствующее изображённой картине – «Утро», «Утренняя тишина». Лирический герой произведения испытывает душевное спокойствие. Он видит и слышит всё, что его окружает: «Дотлевет ночь», «ускакал дождь», «уползла тыква». Олицетворения помогают представить картину летнего утра, полного звуков и тишины. Настроение передаёт и звукопись (аллитерация), присутствующая в словах *тихо, тихо-тихо, слышать, тыква, жёлтый*. А как «уползает тыква» представляешь с улыбкой. Тыква – символ плодородия, окончания уборочного сезона в деревне. Человек – часть природы. Стихотворение очень лиричное, задушевное.

Строчки стихотворений Завальнюка могут стать яркими цитатами, темами уроков, эпиграфами, выводами: «Снова в мире весна и любовь!» («Читая Овидия»); «Быть гражданином – значит петь о том, / Что без него быть понято не может» («К вопросу о гражданственности»); «Стихи живут законами прозренья» («Не понимаю, кто идёт за кем...»); «Поэты оставили песни, / На ярком огне прожив...» («Снова стихами повеяло...»); «Поэт – единственная связь с грядущими веками...» («Когда грядёт канун зари...»).

В интервью Александру Бобошко Леонид Завальнюк скаал: «Меня не тянет в экзотические страны. Был я во Франции, в Соединённых Штатах Америки. Да, красиво. Ну и что? Я не рвусь туда снова ехать. Пригласите меня в какой-нибудь лес, таёжный уголок, куда не ступала ещё нога человека, немедленно отправлюсь с вами». В этих словах – отношение поэта к природе, стремление общаться с таинственным миром нового.

На встрече с педагогами области Леонид Андреевич произнёс замечательную фразу: «Без поэзии не было бы многих открытий». Поэзия Завальнюка – это тоже постоянные открытия, которые можно совершать вместе с учащимися.

Самый известный поэт Приамурья даёт замечательный совет читателям:

*Не гоните коней,
Не листайте так быстро страницы!*

И обращается к нам: «Да славит каждый родину свою...».

Задания для учащихся:

1. Проанализируйте стихотворения Л. А. Завальнюка, проследите, как раскрывается в них тема родины и родной природы.
2. Сравните стихи А. Блока и С. Есенина о Родине, найдите схожие мотивы.
3. Сравните стихи Л. Завальнюка и С. Есенина о Родине, найдите схожие мотивы.
4. Определите роль цвета в поэзии Л. Завальнюка.

Исследовательские работы:

1. Своеобразие изображения мира природы Л. Завальнюком.
2. Музыкальность поэзии Л. Завальнюка.
3. Человек и природа в поэзии Л. Завальнюка.

Примечание

См. также: Данилова, Т. А. Тема Родины в творчестве Л. Завальнюка / Т. А. Данилова // Лосевские чтения – 2014 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014. – С. 111–118.

СЦЕНАРИЙ ТВОРЧЕСКОГО ВЕЧЕРА ПАМЯТИ Л. ЗАВАЛЬНЮКА «ПОЭТ ИЗ НАСТОЯЩИХ»

*Творческий коллектив
Л.А. Мицаи и Г.И. Коваленко,
г. Белогорск*

1. НАЧАЛО

Медленно гаснет свет в зале. На экране слова (голос, читающий их, в записи):

*Люди, годы, дороги, поля!
С красотой твоей и уродством
Всемиродством, всем несметным сиротством,
Я люблю тебя, мать Земля!*

Стук сердца (с диска). Сцена наполняется ярким белым светом. В центре задника на экране большой портрет Л. Завальнюка.

Выходит ведущий-мужчина – образ Л. Завальнюка.

*Строитель замков на песке,
Равно и в счастье, и в тоске,
Я кирпичи таскал и глину
То на пригорки, то в долину.
...
В трудах я многое постиг,
Стал с мастерами неба вровень.
Но ничего я не воздвиг.
Как не старался, не воздвиг.
И только сам себя построил.*

На сцене стоит кресло, рабочий стол, пишущая машинка, настольная лампа. Свет – круг сверху. Л. Завальнюк садится за стол, на экране проецируются видеокадры: осенние листья, на их фоне появляются белые буквы, соединяющиеся в слова под песню «Осенняя мелодия»: (диск. 1.34 – 2.25).

К автобиографии:

*Я был не грустен и не весел.
Жил тяжело
И весил семьдесят пять кило.
У меня были плохие зубы (от лени)
Я быстро уставал.
Ни против ничего на свете не восставал.
Нравился сам себе очень редко,
Но к этому не стремился.
Не стал подлецом, гением,
Не застрелился.
Влюблялся я редко,
Женился – часто.
Ничему, как следует, не выучился.*

Стук сердца, (видео сердца). Портрет Л. Завальнюка.

Ведущий-журналист. Из досье «Амурской правды»: Леонид Андреевич Завальнюк родился в 1930 году. Поэт, Член Союза писателей СССР с 1962 года. Уроженец Киевской области. Учился в школе ФЗО, ремесленном училище. Работал откатчиком на шахте Донбасса, фрезеровщиком на заводе. Службу проходил на Дальнем Востоке.

Журналистка. В Амурской области с 1951 года. Окончил Литературный институт им. Горького.

Ведущий-Л. Завальнюк. «Учиться на писателя» поступал по рекомендации Михаила Светлова (уже были книжки, пьеса в стихах). Мои-ми сокурсниками стали Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский.

Журналистка. За свою жизнь Леонид Завальнюк выпустил более 40 поэтических сборников. Стал автором стихов более чем к полусотне популярных песен, в соавторстве с композиторами Людмилой Лядовой, Павлом Айдолицким, Александром Зацепиным, Давидом Тухмановым, Михаэлом Таривердиевым...

Ведущий-журналист. За ряд песен, написанных в соавторстве с Юрием Саульским неоднократно удостоивался звания лауреата Телевизионного фестиваля «Песня года». Песни на его стихи исполняли Леонид Серебренников, Гелена Великанова, Иосиф Кобзон, вокальный дуэт Татьяны Рузавиной и Сергея Таюшева...

Журналистка (подхватывает) Павел Смеян, Эдуард Хиль, Валерий Леонтьев, Валентина Толкунова, София Ротару.

Песня в исполнении С. Волохонской «Счастья тебе, Земля!»

Чтец 2. В своем творчестве поэт пытался найти «лестницу в небо», путь к вечной гармонии, красоте, добру. Он говорил: «Моя философия проста, как кружка воды, как глоток воздуха. Самая большая ценность в жизни – это сама жизнь».

Чтец 1.

*Одна моя суть глубинная
Была на пророчество Щедрую.*

Чтец 2.

*Другая моя суть глубинная
Была палатой ума.*

Чтец 4.

*Третья моя суть глубинная
Слыла то Сафо, то Федрую.*

Чтец 3.

*А четвертая моя суть глубинная –
Нищенская сума.*

Чтец 1.

Одна летела, пророчила.

Чтец 2.

Другая сидела, думала.

Чтец 4.

*Третья плоть баламутила,
Вызывая то слезы, то смех.*

Чтец 3.

*А четвертая – неумеха,
Уньлая, грубая дура –
Всю жизнь стояла на паперти
И прилежно кормила всех.*

На сцене полный свет. Телеграфный стук.

Чтец 3. Телеграмма: «Леонид Андреевич, оставьте, пожалуйста, на время свою столицу и посетите наши края, поучите студентов основам поэзии, поделитесь секретами мастерства...». Ректор благовещенского педуниверситета Юрий Сергиенко. Март 2007 года.

Ведущий-журналист. Вчера в Благовещенск приехал известный писатель и поэт Леонид Завальнюк, некогда живущий здесь. Мы, журналисты «Амурской правды» удостоились чести взять автограф у поэта современности. Он проведет мастер-класс для молодых амурских поэтов, а затем и творческий вечер.

Меняется свет на сцене, быстрая музыка, звучат чёткие вопросы, задаваемые разными людьми из зала:

Журналист (образно) работает с людьми, которые задают вопросы, как бы предоставляя им микрофон.

Люди в разных местах зала встают с мест и задают вопросы

– Когда Вы были в Благовещенске в последний раз?

– Что Вас связывает с «Амурской правдой»?

– Кто Ваши друзья на Амуре?

Журналист. Вопросы сыпались со всех сторон. Поэт отвечал быстро, сдержанно, чётко.

Чтец 4. Когда Вы написали свое первое стихотворение?

1 ведущий-Л. Завальнюк. Мне было тогда 14 лет. Я жил в украинской деревне, шел в школу. А до неё было далеко. Я голодный, озверевший. Вот и потянуло к стихам. Помню такие строчки:

*Поля зарастут бурьянами,
будет степь целиною лежать.
Ведь не зря говорил Некрасов
учить мужика уважать.*

Чтец 1. За что Вы любите Амурский край?

Журналист (быстро реагируя на последний вопрос). На этот вопрос Леонид Андреевич ответил так...

На этих словах на экране появляются кадры Благовещенска того времени, когда Л. Завальнюк был в Благовещенске (с диска).

1 ведущий-Л. Завальнюк. Благовещенск – дом моих друзей, а где дом друзей – там и Родина моя.

Журналист. Это было мужское скупое признание в преданности далёкому суровому краю и городу Благовещенску. Взаимностью отвечала ему и Амурская земля и город Благовещенск, ставший ему настоящей поэтической Родиной, отраженной в его работах.

Чтец 3.

*У города свое лицо,
И город это понимает.
Но беспечально и легко
Он новостройки поднимает...
С ним, как со взрослым человеком,
Легко работать и дружить...*

1 ведущий-Л. Завальнюк. Я считаю, эта традиция сохранилась. Город принимает в себя новостройки, но нельзя сказать, чтобы они его меняли.

1 чтец (в световом пятне). Энергетика любви к нашему краю, заложённая в стихах Леонида Завальнюка настолько сильна, что бьёт прямо в сердце. И сердце начинает понимать, что такое РОДИНА. (сердце).

Чтец 2. Игорь Горевой. Из предисловия к книге Л. Завальнюка «Слово и цвет».

Журналист. Однажды зимой я заболел. Высокая температура держалась несколько дней, которые с подзабытым уже удовольствием я решил посветить книгам. И тут на глаза мне попался серенький томик стихов «Дальняя дорога». В оглавлении я сразу увидел строчку «Осень в Благовещенске. Поэма». Я не знаю, как так сложилось, но когда я вижу или слышу «Благовещенск», то сердце мое невольно вздрагивает. Как будто при большом стечении народа громко выкрикивают мою фамилию. Я, конечно, сразу стал читать. И вдруг...

Инструментальная музыка на тему «Осенней мелодии» в исполнении народного инструментального ансамбля «Экспромт»

«Слеза, осенних дней примета...».

Меня как будто окатили ледяной водой.

«Росой холодной потекла...»

Я вдруг понял, что эти великие стихи о любви – к нашему городу, к сопкам, к журавлям на этом «высоком и ясном» – нашем с ним небе, к нашей с ним реке, где столько солнечного ветра».

«Осенняя мелодия» в исполнении народного инструментального ансамбля «Экспромт».

1 ведущий-Л. Завальнюк. Приезд в Приамурье стал счастливым поворотом моей судьбы, потому что именно в это время из Киева в Благовещенск приехал выпускник Московского полиграфического института Марк Гофман, который стал редактором Амурского книжного издательства.

Чтец 4. В первый же день Марк Либерович, принимая дела и кабинет предшественника, нашел в ящике стола массу писем со стихами местных начинающих поэтов.

1 ведущий-Л. Завальнюк. Среди них оказалось мое письмо со стихами:

Нас книжками от шалости лечили,

на час, оставив детский шум и гам.

Мы в пять с тобою азбуку учили,

А в шесть уже читали по складам.

Чтец 1. Гофман, узнав, что эти стихи написал некий старший сержант из Среднебелой, через военную газету нашел его и пригласил

в Благовещенск. Эта встреча вылилась потом в крепкую дружбу, длившуюся 50 лет.

Песня «Снова выюга» в исполнении А. Ковалева

Женщина-жена. Леня стремился в Благовещенск ещё и потому, что здесь жил его лучший друг Марк. Когда Марка не стало Леня начал сильно болеть. (сердце).

Чтец 2. Марк Гофман, превосходный ценитель поэзии, сразу же почувствовал присутствие таланта.

1 ведущий-Л. Завальнюк. Ощувив мощную поддержку влиятельного редактора, после демобилизации я остался на амурской земле.

Чтец 3. Именно здесь он стремительно вырастает в хорошего поэта, публикуется в альманахе «Приамурье» и в 1953 году выпускает свою первую книгу – сборник стихов «В пути».

Чтец 4. Потом поступает в Литературный институт им. Горького и уезжает в Москву, сначала на учёбу, а потом остается там навсегда.

Музыка (из песен на слова Л.Завальнюка)

Выходит чтица – женщина-соседка Л. Завальнюка.

Женщина-соседка. Лёня, Лёничка, Леонид Андреевич Завальнюк. – говорила соседка Наталья. Удивительный самобытный поэт, непохожий на других, живущий обособленно от всех поэтических течений и направлений.

Я говорю: «Лёня» и ясно вижу умные строгие глаза и серьезное лицо внимательного собеседника. Я говорю: «Лёничка» – глаза с лукавым прищуром, сейчас будет смешить, остроумничать и заразительно хохотать сам. Леонид Иванович – напротив, строг, собран, смотрит внутрь себя, слышит то, что не слышат другие – звуки, шорохи, музыку, слова, что потом слагается в стихи необыкновенной духовной наполненности.

Чтец 2

*Я в детство не вернусь
И в старость не войду.
Я, как родился, так и буду престарелым.
Нас множество таких на свете этом белом.
Эй, позовите кто-нибудь, я в гости к вам приду.
Бывает, встретишь, – так, мальчонка, а в очах
Настолько мне знакомые горенья,
Что я скажу, он скажет и пустившим мгновения
Как дни, как годы гостеванья при свечах
Вот этим и живу.
Все остальное – блажь.*

*Куплю. Продам. Автомобиль. Свобода.
С какого года я?
Я ни с какого года.
Родился вместе с вами, жил, умру,
Все с вами. Но не ваш.*

Женщина – соседка:

Стихи Леонида Андреевича преследуют меня. Приходят откуда-то извне. А может быть они просто живут во мне на правах настоящей поэзии, с которой, раз узнав ее, уже не расстанешься никогда. *Я была очень привязана к дому Завальнюков, где царил особая атмосфера и особое биение ритма творческой жизни.*

Женщина-жена. С Леонидом Андреевичем всегда была рядом его ВТОРАЯ жена – Наташа. Она была настоящей помощницей жизни.

1 ведущий-Л. Завальнюк. Первую жену я потерял, потому что хотел поселить её здесь, в Благовещенске, а она хотела жить у себя на Родине, в Румынии.

Чтец 4. Во время учебы в Литературном институте Леонид Андреевич женился на студентке, писательнице, румынке Маргарэт. Закончив учебу, вернулись с женой в Приамурье, в Благовещенск. Но... выяснилось, что нечего делать румынской писательнице в Благовещенске.

1 ведущий-Л. Завальнюк. Когда она последний раз вышла из поезда, прибывшего в Благовещенск, мне хватило одного взгляда на неё, что бы понять, что произошло.

Хореографическая зарисовка «Разговоры о любви»

Чтецы 1 и 4

*Ты грустная сходишь с поезда,
Который тебя привез.
В глазах у тебя беспокойство,
Как свет улетающих звезд.
Чем же тебя покорить?
Что же тебе подарить?
– Купить тебе книжку?
– Да...
– А, может, перчатки?
– Да...
– А может быть, шубу?
– Да...*

*Вот ведь какая беда!
Печально мне и смешно.
Ты мне улыбаешься,
Но
Глаза беспокойные тают,
Как звезд улетающих свет,
И я в них легко читаю:
– Кути мне... обратный билет.*

Окончание хореографической зарисовки «Разговоры о любви»

1 ведущий-Л. Завальнюк. Так я тогда остался верен самому прекрасному городу на земле – Благовещенску. А потом в моей жизни появилась Наташа.

Женщина-соседка. Бесконечно близкие, сросшиеся сердцами Леня и его жена Наташа, моя тёзка, являли собой ярчайший пример небывалой гармонии в любви.

Женщина-жена. Во втором браке Леня был женат на талантливом учёном, ученице академика Гельфанда. Математике, рассчитывающем полёты ракет.

Женщина-соседка. Леня был какой-то свой, совсем настоящий. Его мужественный, крупный талант и пленительное обаяние умной Наташи притягивали к себе незаурядных людей разных судеб, возрастов и профессий. Там любили принимать интересных гостей, пили чай, говорили, спорили, а главное, там читали стихи. Леня читал свои стихи необыкновенно хорошо, завораживающе. У меня мурашки гуляли по телу, когда он читал – верный признак того, что я слышу нечто настоящее.

Звучит стихотворение в исполнении Л. Завальнюка

Кадры из семейного архива о жене Наташе.

*Не стой на лютном холоду,
Я весь дрожу твоим ознобом.
Нам вместе жить и умереть.
Тебя согреть – себя согреть.
Тебя забыть – себя отринуть.
Так перепутан ток судеб,
Так слиты крови озаренья,
Что ты – мой высший слух и зренье,
Тобой я зряч, тобой и слеп.*

*... Не стой на лютном холоду,
Не простуди мою отраду,
Мою тоску, мою беду
Любить и веровать в ту правду,
В тот всеединый миг,
В ту правду,
Что ты внушишь, а я найду*

Чтец 4. Почему Вы все-таки уехали из Благовещенска, если здесь Вам так нравилось?

1 ведущий-Л. Завальнюк. Я вышел «замуж», смеясь, отвечал я на подобные вопросы. Второй раз я не решился строить семейную жизнь в Благовещенске.

Чтец 4. Уехали вслед за новой женой? Возможно, это больше, чем любовь?

1 ведущий-Л. Завальнюк. Именно так. Только ей я могу доверить новые стихи. Если ей не нравится то, что я написал, она резко встает и уходит.

Чтец 3. Всегда ли её оценки безусловно верны?

1 ведущий-Л. Завальнюк. В большинстве случаев – да. Наташа – незаинтересованный слушатель. Зря хвалить не будет...

Чтец 4. Она одобряла вашу работу в журналистике?

1 ведущий-Л. Завальнюк. Я не занимался журналистикой. Вот когда служил в армии, в Среднебелой, приходилось работать в военной газете «На боевом посту». Был там резчиком бумаги и кладовщиком.

Чтец 1. А как же военная газета «Тревога»?

1 ведущий-Л. Завальнюк. Редактировал отдел «На досуге». Был большой специалист по кроссвордам, иллюстрациям.

Чтец 2. Вам нравится путешествовать?

1 ведущий-Л. Завальнюк. В Китае не был, и особого желания не испытываю. Меня не тянет в экзотические страны. Был я во Франции, в Соединенных Штатах Америки. Да красиво, но я не рвусь туда снова. Пригласите меня в какой-нибудь лес, таёжный уголок, куда не ступала ещё нога человека, немедленно отправлюсь с Вами.

Чтец 2. Например, на Дальний Восток?

1 ведущий-Л. Завальнюк. На протяжении 43 лет, с тех пор как я оказался в Москве, бывал в Приамурье почти каждый год. На месяц-полтора приезжал.

Журналист. В 1960-ые выходят сборники стихов Л. Завальнюка: «За отступающим горизонтом», «На дорогу времени», «Приснитесь мне, города», «Моя прописка», «Лирика».

Женщина-жена. В то же время он обращается к прозе, публикуются его «Лирическая повесть», «На полустанке», «Дневник Родьки, трудного человека». Последняя повесть была экранизирована режиссером Юлием Карасиком. В Москве все складывается удачно.

Журналист. Но отчего же он с редким упрямством возвращался в Благовещенск?

1 ведущий-Л. Завальнюк. Да не писалось мне в столице. Вообще не писалось! А здесь я подолгу останавливался. Селился в гостиницу «Юбилейная», обязательно в номере с видом на реку. Благовещенск, как город, мне очень понятен и близок. Наши с ним энергетики схожи. Все, что писал, читали и обсуждали с редактором Марком Гофманом. Случались весьма удачные периоды, были менее удачные. Однако без доброй кипы стихов я отсюда не уезжал.

Стихотворение, которое с видео уходит в зал

*Когда я говорю с душою
Словами неба, как во сне,
И одиночество большое
Сжимает сладко сердце мне
Случайный пёс иль друг мой давний
Так льнут к судьбе моей больной
Как будто есть в ней оправданье
Всех одиночеств под луной.
Деревья. Март. Закат плывет
Вот-вот в ту бездну будет кинут,
Где вспыхнут вечности и минут,
Как все минует и живёт.*

Женщина-жена. Леонид Завальнюк прожил свою жизнь, как и положено поэту – со стихами, за письменным столом, перед своими читателями и друзьями.

Журналистка. Амурский поэт Александр Бобошко называл Леонида Завальнюка – «Уважаемый мэтр». Александр Семенович, как характеризует такое обращение ваше отношение к Леониду Андреевичу Завальнюку? Как часто пересекались Ваши творческие пути?

В это время в зале к А. С. Бобошко подходит девушка с микрофоном, А.С. Бобошко отвечает.

Журналист. Я обращаюсь к Игорю Даниловичу Игнатенко, с _____ по _____ годы журналисту «Амурской правды». Как Леонид Андреевич относился к статьям, опубликованным в газете? Некоторые думают, что он (почему-то) был не очень расположен к «Амурке»?

И.Д. Игнатенко отвечает.

Журналистка: - В зале много людей, знакомых с творчеством Леонида Завальнюка и с ним лично. Возможно, кто-то хочет поделиться мыслями, воспоминаниями.

Общение со зрителями.

1 ведущий-Л. Завальнюк. Как бы не развивались творческие события в моей жизни, город Благовещенск для меня всегда был зеркалом и мерилом всех поэтических достижений. Местом, куда всегда стремились сердце.

*Затянулось бабье лето на Амуре,
Благодарен я кому-то, –
Не ему ли?
Я должник навеки чей-то, –
Не его ли?
Возвратилось мое сердце из неволи.
Из далёкости холодной и унылой
Возвратилось мое сердце
И уплыло.
И ушло, как в даль уходят
Наши дети,
Тихо скрылось, растворилось
В бабьем лете ...
Затянулось бабье лето
На Амуре.
За судьбой мне возвращаться
Не к нему ли?
Будут годы, будет горе,
Будет старость,
Но навеки моя юность
Здесь осталась.
И когда-нибудь нескоро –
С того света –
Я вернусь за ней, быть может,
В бабье лето...*

Чтец 1. Леонид Завальнюк не был поэтом региональной темы – брал гораздо шире. Он регулярно печатался в журналах «Юность», «Дальний Восток», «Новый мир», газетах «Амурская правда», «Комсомольская правда», в «Литературной газете».

Чтец 4. Автора неплохо издавали как в Приамурье, так и в Москве.

Чтец 2. Амурское областное издательство, издательства «Молодая

гвардия» и «Советский писатель». Хабаровское книжное издательство печатает стихи благовещенского поэта в альманахах «Приамурье мое» и «Литературное Приамурье».

Чтец 1. По воле случая и первая, и последняя книги поэта, изданы в Приамурье. В 2011 году вышел сборник стихов «Осень в Благовещенске», как последнее признание в любви своему любимому городу.

Чтец 3. Наследие его – десятки книг, сотни стихотворений.

*Я бы славу отверг.
Только где её взять?
Нет вершин,
По оврагу бреду, по оврагу.
Чей-то друг на земле,
Чей-то муж, чей-то зять –
Средь своих я велик,
Но ведь то по любви,
Не по праву.
Я бы славу отверг.
Предложите хотя бы шутя.
Предложите при жизни,
Положите на горькую честность.
Вечной жизни пророк,
Аскетичных прозрений дитя,
Как хотел бы я делом
Подтвердить свою веру
В безызвестность.*

Тихо звучит музыка. На экране появляются разные живописные картины Л. Завальнюка.

Чтец 3. Леонид Андреевич много знал и многое умел.

Чтец 4. Он владел искусством быть, жить, любить, писать стихи и создавать картины.

Чтец 1. Возможно, его живописные работы проясняют то, что не сказано словами

Чтец 2. Он с нами и одновременно далеко, недоступно далеко от нас. Пейзажи его картин – это пейзажи Неведомого, пейзажи его души. Им восхищаются современники. Его живописные работы находятся в США (в музее Н. Рериха), в частных коллекциях в России, Англии, Италии, Финляндии. В Москве, в музее Коненкова, в картинной Галерее на Новом Арбате.

Видео о его выставке и интервью из фильма.

Женщина-жена. В предисловии к книге «Слово и цвет» Игорь Геннадьевич Горевой пишет о встрече с Натальей Марковной Завальнюк, вдовой поэта.

Журналист. Мы говорили о многом в нашу первую встречу. Наталья Марковна рассказывала о бесконечно любимом, ни на кого не похожем человеке её судьбы. Сразу стали строить планы про мемориальную доску, про дом-музей в Благовещенске. «А почему бы не издать сборник «100 стихов, 100 картин»? Это же разные явления одной души, – сказал я. А потом я прочитал в одних воспоминаниях, что точно такая же идея – именно 100 стихов и 100 картин была и у самого Лернида Андреевича»

Журналистка. Теперь, с помощью Игоря Геннадьевича, эта книга издана и, надеюсь, доставит радость поклонникам таланта амурского поэта.

Чтец 3. Его работы (гуашь, живопись, акварель) выглядят, как кусочки разбитой радуги. Иногда они грустны, иногда радостны, но всегда нежны и трогательны.

Чтец 4. Поэты сочиняют стихи, но почти не рисуют, художники рисуют, но редко сочиняют стихи. Леонид Андреевич соединил в себе художника и поэта, мастера и мастера. В его творчестве правили балом СТИХ и ЖИВОПИСЬ.

Хореографическая зарисовка «Стихи и живопись».

Чтец 1. Драматург Александр Мишарин о художнике Леониде Завальнюке сказал: «Уникальный человек. Необычайно скромный, он обладает потрясающим талантом. Талантом прикоснуться к Сокровенному, попытаться выразить Невыразимое, разгадать загадку Вселенной...».

Чтец 3. А ещё за упругой, иногда перегруженной, мощной по мысли строкой, угадывается настоящий недюжинный характер, угадывается крепкая натура.

*Играть всерьез не любят игроки.
И долго ждать не любят: мир не вечен.
На марафонца ставят чудачки,
Которым, кроме сердца, ставить нечего...
Я с ними весь.
Но быть у них в долгу
Не значит ли, терять свою дорогу?
– Нет ставок?
– Нет!
– Ну что ж, и слава Богу! –
Сам на себя я ставлю и беру...*

Чтец 4. Он обладал главным талантом человечности – талантом быть настоящим.

Чтец 1. Он очень любил жизнь и сохранил в себе удивление, восторг перед ней!

Чтец 2.

Люди, годы, дороги, поля!
С красотой твоей и уродством

Чтец 3.

Всем родством, всем несметным сиротством,
Я люблю тебя, мать Земля!

Чтец 4. Леонид Андреевич Завальнюк родился под знаком природных сил, которым-то и подвластно подлинное искусство. Вот почему так сильно ощущается в стихах тонкая внутренняя слитность его Я с природой.

*Красиво вишня зацвела,
Красиво первая пчела
На белой снежности сидела
И утро красное тила.*

*Волна красивая чиста.
Красивы вербы у моста.
Бежит красотка – божья милость...
И в сердце сердца проломилась
И стала светом красота.*

*И в час, когда темным-темно,
Так, что не знаем, чем мы живы,
Слова пусты, прозренья лживы
И все значенья лишено.*

*Вдруг, на мгновенье, свет в крови.
И открывается дорога
Любви, надежды, счастья, Бога.
И гаснет боль, тоска, тревога.
И смерть сама кричит: – Живи!*

ФИНАЛЬНАЯ ПЕСНЯ «ОСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ» в исполнении солистки С. Волохонской, на фоне которой идет видеоряд с видами Благовещенска.

«ЗВЕНИТ ВЫСОКАЯ ТОСКА, НЕОБЪЯСНИМАЯ СЛОВАМИ...»*

Литературно-музыкальная гостиная

Авторский коллектив
библиотеки «Центральная»:
О.А. Свечникова, С. В. Нечаева, Е. Л. Левина,
г. Благовещенск

Цели: Продолжить знакомство с жизнью и творчеством Леонида Андреевича Завальнюка. Показать его неповторимость, как поэта, художника-живописца, сценариста.

Слайд 1.

Звучит песня «Осенняя мелодия» на стихи Леонида Завальнюка.

*Слеза - осенних дней примета
Росой холодной потекла,
И журавли уносят лето,
И журавли уносят лето,
Раскинув серые крыла.*

*Звонит высокая тоска,
Необъяснимая словами,
Я не один, пока я с вами,
Деревья, птицы, облака,
Деревья, птицы, облака.*

*Кружатся листья, как записки,
С какой-то грустью неземной,
Кто не терял друзей и близких,
Кто не терял друзей и близких,
Пусть посмеётся надо мной.*

*Немало мы по белу свету
В исканьях радости кружим.
Порой для слёз причины нету,
Порой для слёз причины нету,
Но кто не плакал, тот не жил.*

*И часто плачем мы невольно,
Когда дожди стучат в окно,
Не потому, что сердцу больно,
А потому, что есть оно.*

*Звонит высокая тоска,
Необъяснимая словами,
Я не один, пока я с вами,
Деревья, птицы, облака,
Деревья, птицы, облака.*

Ведущий 1: Леонид Андреевич Завальнюк таинственная личность, удивительный самобытный поэт, непохожий на других, живущий обособленно от всех поэтических течений и направлений. Идущий своей собственной дорогой. Несмотря на то, что почти половину жизни он прожил в Москве, мы считаем его нашим амурским поэтом, потому что Благовещенск, по его многочисленным признаниям, всегда был для него второй Родиной.

Слайд 2–3.

Ведущий 2: Родился Леонид Андреевич Завальнюк 20 октября 1931 года в городе Умань Киевской области Украины. Детство будущий поэт провёл в небольшом украинском городке, Смела. Там он окончил первые два класса школы. По воспоминаниям писателя, жизнь в семье не была счастливой. В дошкольные годы самым близким человеком для мальчика стала бабушка со стороны отца, Мария. Из воспоминаний писателя: «Я рос так, как будто у меня, ни отца, матери, а только она. Иногда мне казалось, что оба мы с ней сироты. Много мне от неё перепало тепла и чистой, негромкой доброты. Первые в жизни стихи я тоже услышал от неё».

Слайд 4–8.

Ведущий 1: Леонид Завальнюк окончил ремесленное училище, и получил специальность фрезеровщика. От училища его направили на обучения в группу токарей в Индустриальный техникум трудовых резервов. Там, при клубе, работало литературное объединение, к которому начинающий поэт примкнул. Это была хорошая поэтическая школа, помогающая понять своё и чужое творчество.

Окончить техникум юноше не удалось. В 1951 году его призвали в армию и отправили на Дальний Восток, в артиллерийскую часть, расположенную на станции Среднебелая. Здесь, в двух газетах – «На боевом посту» и «Суворовский натиск» – стали печатать его стихи. Поэт Константин Овечкин, захвативший в часть по делам, познакомился с мо-

-лодым военным, прочитал его стихи, нашел их интересными и забрал рукописи с собой, чтобы некоторые из стихотворений напечатать в альманахе «Приамурье». Но на его страницах они так и не появились. Редактор недавно открывшегося Амурского книжного издательства Марк Гофман разглядел в стихах младшего сержанта несомненный талант. Через военную газету он нашел Леонида Завальнюка и пригласил в Благовещенск. Эта встреча вылилась потом в крепкую дружбу, длившуюся 50 лет.

*Не имеющий друга
Снова сильная вьюга
Опалила леса:
Не имеющий друга
Не имеет лица.
Вдоль полоски заката
Голубые столбы:
Не имеющий брата
Не имеет судьбы.
Пусть крыла за плечами,
Пусть из лавра венок, –
Будь навек опечален,
Если ты одинок.
В этом жизненном море,
Что не ведает дна,
Одинокость – не горе,
Одинокость – вина.
И по синему вьюга
Пишет белым огнем:
«Не имеющий друга –
Да заплачет о нем!»*

Слайд 9–10.

Ведущий 2: С Благовещенском Леонида Завальнюка многое связывало. Во время своего последнего посещения в 2004 году Завальнюк признался, при имени города «душа вздрагивает! В этом городе я рос, организовывался, вырослел, первая книжка моих стихов именно там вышла. Многие литераторы в литературные отпуска стремились уезжать куда-то к морю, Пицунду. На крайний случай ехали в тишину подмосковного леса. Я же на протяжении десятков лет каждый год уезжал на полтора-два месяца в милый сердцу Благовещенск. Я там много работал, писал, там так хорошо писалось... Там был дом – завалюха на улице Калинина, я любил в нём останавливаться. Там всегда трещал сверчок – это для меня была как музыка вдохновения. Вообще, где дом друзей, там и Родина моя».

Слайд 11–13.

Ведущий 1: «Как бы не развивались творческие события в моей жизни, Благовещенск всегда был для меня зеркалом, мерилом всех поэтических достижений. Местом куда всегда стремилось сердце», – говорил Леонид Андреевич. Благовещенску поэт посвятил много замечательных строк:

*У города хороший вкус.
Он не гигант, сказать по чести.
Но каждый дом и каждый куст
В нем удивительно на месте.
Давно подмеченный закон
Здесь с новой силой поражает:
Кто строит город над рекой,
Реке неволью подражает.
Страды ли зной и духота,
Зима ли грозно хмурит брови,
Он неизменен.
Три кита –
Простор, покой и простота –
Всегда видны в его основе.
Двенадцать лет я прожил здесь.
Бывало, днем и ночью поздней
Я исходил в нем все
Шагами он измерен весь.
Но и на треть еще не познан.
Бежим на запад, в города,
Где и привольней и красивей,
И не понять какую силой
Опять приводит нас сюда.
Что гонит в дальнюю дорогу?
Быть может жажда тишины,
Той самой древней старины,
Которой здесь не так уж много?
У города свое лицо,
И город это понимает.
Но беспечно и легко
Он новостройки принимает.
Стараясь сердце не душить,
Покорно следует за веком.*

*С ним, как со взрослым человеком,
Легко работать и дружить .
О пристань верная моя!
Устал ли, просто нос повесил,
Едва к тебе причалою я –
И снова жив,
И снова весел.*

Слайд 14–16.

Ведущий 2: Взаимностью ему отвечала Амурская земля и город Благовещенск, ставшие для него по-настоящему поэтической Родиной. Не случайно и последняя, изданная уже после смерти поэта книга носит «топографическое» название – «Осень в Благовещенске». Это последнее «прости», последнее признание в любви Поэта своему Городу. Здесь началась судьба Завальнюка – поэта. Он публикуется в Альманахе «Приамурье» и в 1953 году выпускает свой первый сборник стихов «В пути». В Благовещенске вышли ещё три сборника стихов «За отступающим горизонтом» (1956), «Стихи о доме» (1958), «На дороге времени» (1959).

Слайд 17–1.9

Ведущий 1: В 1954 Леонид Андреевич экстерном окончил благовещенскую школу № 1 и поступил в Литературный институт имени Горького и уезжает в Москву. Его сокурсниками стали Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский. В 1960 году Завальнюк познакомился с будущей женой Натальей. Она была настоящей помощницей ему в жизни. Близкий друг семьи, Наталия Дмитриевна Холендро, вспоминает: «Бесконечно близкие, сросшиеся сердцами, Лёня и его жена Наташа, моя тетка, являли собой редчайший пример небывалой гармонии в любви. А каждый по отдельности был уникальной человеческой личностью. Мужественный, крупный талант Лёни и пленительное обаяние умной Наташи притягивали к себе незаурядных людей разных судеб, возрастов и профессий. Благодаря Наташе, духу этого дома, атмосфера была всегда полна новизны. Там любили принимать интересных гостей, там никогда не было случайных людей. Там пили чай или что-то покрепче, там говорили, спорили, а главное – там читали стихи, Лёня читал свои стихи. А все слушали, слушали...».

Слайд 20–23.

Ведущий 2: Женившись, Леонид Завальнюк переехал в столицу. Здесь он целиком посвятил себя литературе. Он начал печататься в журналах «Юность» и «Новый мир». В 1962 году его приняли в Союз писателей. Москва дала возможность по-настоящему развернуться творческому дарованию поэта.

За свою жизнь Леонид Завальнюк издал более 40 поэтических сборников. Стал автором более чем 50 популярных песен. Сотрудничать с композиторами он начал ещё в Благовещенске. В соавторстве с А.Г. Ривлиным, прекрасным журналистом и музыкантом, родились такие песни, как «Величавый Амур», «Могила партизана», «Партизанские тропы». В Москве работа с композиторами продолжилась. Песни на стихи Завальнюка зазвучали с киноэкрана и эстрады. Их исполняли Иосиф Кобзон, Алла Пугачёва, Валерий Леонтьев, София Ротару.

Песня на стихи Леонида Завальнюка «Счастье тебе земля моя».
Слайд 24–25.

Ведущий 1: Лирический разговор – излюбленный жанр поэта. Он находится в постоянном диалоге с Богом, судьбой, родиной, родителями, с самим собой, с природой, одушевлённой и неодушевлённой. В ней и обнажённость сердца, доверчивость, и неподдельная искренность и боль, и назидательность умудрённого жизнью. Поэтому Завальнюк часто обращается к жанрам молитвы, исповеди и лирического разговора. Многие в мироощущении поэта идёт от связи с родной землёй. Леонид Завальнюк родился под знаком природных сил, которым подвластно подлинное искусство. Поэтому очень сильно в его стихах ощущается внутренняя слитность с природой.

*Корабельные рощи
Роняют пахучую хвою.
Тихо стань на распутье
И грусти своей не таи...
Я вернусь к вам, леса,
Я верну вам с лихвою
Вашу хмурую нежность,
Дорогие мои...*

Слайд 26.

Ведущий 2: В последних стихотворениях поэт всё чаще размышляет о жизни, смерти и бессмертии. Вера и творчество не покидали поэта до конца. Его душа была открыта новому, готова к размышлению и поиску.

*Не умирайте господа,
И вы товарищи, не надо.
Не от чумы, не от гранаты,
Никто нигде и никогда.*

*Не умирайте, господа –
Прошу вас вечно будьте живы.
В Кабуле, в Вене, Тель-Авиве,
Ценою звездного труда
Абрамы, Ибрагимы, Биллы,
Клошары, мудрецы, дебилы
Не умирайте господа.
Живите вечно, господа.
Вы удивитесь, может быть,
Что я молюсь за вас в России,
Но мне при всем желании жить
Ключ от бессмертья не добыть.
Так мир, устроен - не добыть.
Один я это не осилю...*

Слайд 27–29.

Ведущий 1: К прозе Леонид Андреевич, по его словам, пришел вполне естественным путем. Он говорил: «...у меня есть много сюжетных стихотворений. Они могут называться балладами, могут еще как-то называться. Но, во всяком случае, они сюжетные. В них диалоги существуют. Зачатки характеров. Желание прикоснуться к каким-то вещам, которые лежат за гранью поэтической строки, у меня было всегда. И я вышел в прозу. Первый раз я написал маленькую повестушку, это было очень давно, она называлась «На полустанке». Ее вряд ли кто уже помнит или видел. Ну а потом я написал «Дневник Родьки – трудного человека». Действие повести разворачивается в Благовещенске. Главный герой Родька, отзывчивый и добрый мальчик, всячески пытается помочь окружающим. Эта повесть написана по жанровым лекалам отчасти романа воспитания, отчасти мелодрама. Она поднимает вечные проблемы человеческих взаимоотношений.

Слайд 30–31.

Ведущий 2: Особое место в творчестве Леонида Завальнюка занимают произведения для детей. Сказки Завальнюка философичны и глубоки, в них просто и доступно говорится о вечных ценностях, дружбе, взаимопонимании, радости каждодневного существования. Некоторые из вошедших в цикл произведений автор сопроводил собственными иллюстрациями. Отдельные сказки ранее публиковались в детских журналах, шесть сказок становились основой сценариев для мультфильмов, а три выходили в свет отдельным изданием в серии «Сказки-мультфильмы».

Слайд 32–34.

Ведущий 1: Поэты сочиняют стихи, но почти не рисуют, художники рисуют, но редко сочиняют стихи. Леонид Андреевич соединил в себе художника и поэта, мастера и мастера. Его живописные работы проясняют то, что сказано словами, то есть: делают стихи зримыми. Происходит волшебное превращение стихов в картины – и то, и другое становится подлинным художественным произведением. Леонид Завальнюк, по его же воспоминаниям, начал рисовать небольшие картинки. Это начинание переросло в хобби, а хобби – в серьёзное увлечение.

Слайд 35–39.

Ведущий 2: Поэт изобрел собственную технику: он разливал краску на лист и с него делал оттиск. Неуправляемое движение краски поправлял до того, как она еще высохнет. Результаты поражали — на небольшого формата листах полыхали зеленые закаты, произрастал диковинный синий лес, разливались огненные реки. Они будили фантазию зрителя, как бы предлагая разработку собственного сюжета. Его работы как кусочки разбитой радуги, иногда они грустны, иногда радостны. Но всегда нежны и трогательны.

Идею о выставке картин, которых со временем набралось довольно много, Завальнюку подала приятельница друга. И через три года в Нью-Йорке, в музее Рериха, прошла первая выставка живописных работ, на которой также были представлены и некоторые переведённые на английский язык стихи Л. Завальнюка. Вторая выставка состоялась в Благовещенске, третья – в филиале Пушкинского музея Москвы, четвёртая – в Париже и пятая – снова в Благовещенске. Его живописные работы находятся в частных коллекциях в России, Англии, Италии, Финляндии, США.

Слайд 40.

Ведущий 1: В своем творчестве поэт пытался найти лестницу в небо, путь к вечной гармонии, добру. Он обладал главным талантом человечности – талантом быть настоящим. Он очень любил жизнь и сохранил в себе удивление, восторг перед ней. Наследие его десятки книг, сотни стихотворений. Богатство творческих ипостасей Леонида Завальнюка идёт от богатства его личности. А потому девиз писателя: «Один день жизни – тоже жизнь!». Ведь жить нужно в полную силу, не откладывая ничего на завтра, так как это будет уже новый день, а значит, новая жизнь, наполненная другими, не менее интересными событиями. Нужно верить в себя, свои силы, не слушать ничьих советов, а только своё сердце, не бояться ошибаться, строить жизнь по собственной воле. Только так, по мнению поэта, можно обрести себя и свой путь в этом мире.

Слайд 41.

Ведущий 2: Когда 7 декабря 2010 года Леонид Андреевич Завальнюк скончался, эта весть больно ранила сердца поклонников его творчества. Он похоронен в Москве на Троекуровском кладбище. Леонид Андреевич многое знал и многое умел. Он владел искусством быть, жить, любить, писать стихи и создавать картины.

Ведущий 1: С нами его стихи и проза. Его песни. Его картины. Они заставляют думать и меняться, вглядываясь в себя и в мир вокруг. Поэт умел создавать многоцветный мир, удивляющий нас тем, что при чтении одних и тех же строк может меняться их палитра. Такие стихи могут сыграть мелодию на струнах самого зачерствшего сердца.

Слайд 42–44.

«Затянулось бабье лето на Амуре»

*Я люблю эту землю –
И в сиянье, и темную,
И покрытую зеленью,
И пургой заметенную,
По судьбе – и случайную,
Даровую – и трудную,
И пустынно-печальную,
И веселую, людную.
Я люблю эту землю –
С голубыми составами,
С городами далекими,
Молодыми и старыми,
И тебя, трудный век,
Темноту добывающий,
И тебя, человек,
От любви прозревающий.
Небо синюю кровлю
Уронило на Зею...
Сердцем, всей своей кровью
Я люблю эту землю.
Как мой прах ни рассеется,
Что со мною ни станется, –
Это где-то поселится,
Это в чем-то останется.*

Слайд 45.

Литература

Игнатенко, И. «Прочтите мне только по памяти...» / И. Игнатенко // Амур : лит.-художеств. альм. – 2011. – № 10. – С. 11–19.

Черкесов, В. «Сам на себя и ставлю, и бегу» / В. Черкесов // Амур : лит.-художеств. альм. – 2009. – № 8. – С. 117–120.

Черкесов, В. Ключ от бессмертья не добыть... / В. Черкесов // Амур : лит.-художеств. альм. – 2011. – № 10. – С. 29–30.

Киреева, Н. На узком пяточке – душа, бессмертье, небо... / Н. Киреева // Амур : лит.-художеств. – 2011. – № 10. – С. 19–25.

Ярошенко, А. «Не умирайте, господа...» / А. Ярошенко // Российская газета. – 2008. – № 197. – С. 16.

Гамерман, Ю. Леонид Завальнюк: грани судьбы, грани таланта / Ю. Гамерман // Амур : лит.-художеств. альм. – 2004. – № 3. – С. 82–92.

Красовская, С. И. Завальнюк Леонид Андреевич : [биогр. справка и список лит.] / С. И. Красовская // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманов. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 149–153.

Завальнюк, Леонид. Возвращение : кн. стихов / Л. Завальнюк. – Москва : Молодая гвардия, 1983. – 64 с.

Завальнюк, Леонид. Вторые травы : стихи / Л. Завальнюк. – Москва : Молодая гвардия, 1975. – 64 с.

Завальнюк, Л. Лирика : кн. стихов / Л. Завальнюк. – Благовещенск : Кн. изд., 1963. – 128 с.

Завальнюк, Леонид. Мой дом : стихи / Л. Завальнюк. – Хабаровск : Кн. изд.-во, 1966. – 68 с.

Завальнюк, Л. Моя прописка: кн. стихов / Л. Завальнюк. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1962. – 88 с.

Завальнюк, Леонид. На дорогу времени : стихи / Л. Завальнюк. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1959. – 78 с.

Завальнюк, Леонид. Осень в Благовещенске: Поэма / Л. Завальнюк. – Москва : Октябрь, 2011. – 128 с.

Завальнюк, Л. Родька : повести / Л. Завальнюк. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. – 416 с.

Завальнюк, Л. Слово и цвет : Сто стихов – сто картин / Л. Завальнюк. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2014. – 208 с.

Завальнюк, Л. Стихи разных лет / Л. Завальнюк // Приамурье 2001: лит.-художеств. альм. / ред.-сост. В. Г. Лецик. – Благовещенск : РИО, 2001. – С. 3–5.

Завальнюк, Л. Стихи / Л. Завальнюк. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2001. – 272 с.

Завальнюк, Л. Стихи / Л. Завальнюк // Мой город : стихи и песни / ред.-сост. И. Д. Игнатенко, С. А. Борзунова. – Благовещенск : РИО, 1998. – С. 23–26.

Примечание

Электронная презентация содержится на прилагаемом к сборнику диске.

ЛИТЕРАТУРА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л.А. ЗАВАЛЬНЮКА

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Азбука : кн. для детей. – Москва : Вече, 2000. – 56 с.
- Андрюша и Боря в глубинах моря : кн. для детей. – Москва : Омега, 1999. – 64 с.
- Беглец: стихи разных лет. – Тула : Пересвет, 1996. – 238 с.
- Бис : стихи. – Москва : Молодая гвардия, 1990. – 176 с.
- В пути : стихи. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1953. – 86 с.
- Весёлая азбука : стихи для детей. – Москва : Омега, 1998. – 52 с.
- Возвращение : кн. стихов. – Москва : Молодая гвардия, 1983. – 64 с.
- Времена года. Год-пароход : стихи для детей. – Москва : Омега, 1998. – 112 с.
- Вторые травы : стихи. – Москва : Молодая гвардия, 1975. – 64 с.
- Дальняя дорога : стихи. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1987. – 290 с.
- Деревья, птицы, облака : стихи. – Москва : Совет. писатель, 1989. – 124 с.
- Дневник Родьки – «трудного» человека : повесть. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1964. – 224 с.
- Дневник Родьки – «трудного» человека : повесть. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1974. – 240 с.
- Другое измерение : кн. стихов. – Москва : Зебра Е, 2012. – 504 с.
- За отступающим горизонтом : баллады и поэмы. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1956. – 104 с.
- Зеркальце : кн. для детей. – Москва : Алтей, 1997. – 56 с.
- Имена твоих друзей. Вера. Света. Элла : стихи для детей. – Москва : Ампей и Ко, 2001. – 8 с. – (Поэты малышам).
- Как заяц Прошка волшебником был : сказка. – Тула : Пересвет, 1996. – 48 с.
- Как Прошка друга искал : сказка. – Москва : Алтей-М, 1998. – 50 с.
- Как Прошка друга искал и другие сказки. – Москва : АСТ : Астрель : Планета детства, 2006. – 56 с.
- Как ты близок мне, Дальний Восток! : песни. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние 1953. – 88 с.

- Книга встреч : стихи. – Москва : Совет. писатель, 1977. – 110 с.
- Коля, Оля и Архимед : сказка. – Москва : АСТ : Астрель, 2006. – 48 с.
- Летела птица : сб. стихов и живописи. – Москва : Время, 2009. – 96 с.
- Лирика : кн. стихов. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1963. – 128 с.
- Лирическая повесть. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1963. – 86 с.
- Листопад : стихи. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1977. – 158 с.
- Мой дом : стихи. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1966. – 70 с.
- Моя прописка : кн. стихов. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1962. – 88 с.
- Мужик ласкает даму : кн. стихов. – Москва : Алетейя, 2014. – 220 с.
- На дорогу времени : стихи. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1959. – 78 с.
- На полустанке : повесть о детстве. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1961. – 120 с.
- О профессиях : стихи для детей. – Москва : Омега, 1999. – 546 с.
- Осень в Благовещенске : поэма. – Москва : Октябрь, 2011. – 128 с.
- От августа до августа : повесть. – Москва : Алетейя, 2013. – 100 с.
- Первая любовь : кн. стихов. – Москва : Современник, 1980. – 96 с.
- Планета Зет : стихи. – Москва : Зебра Е, 2006. – 416 с.
- По грибы, по ягоды : кн. для детей. – Москва : Омега, 1999. – 52 с.
- Поле – половодье : кн. стихов. – Москва : Совет. писатель, 1970. – 80 с.
- Посох : кн. стихов. – Москва : Омега, 2006. – 160 с.
- Предвестие : кн. стихов. – Москва : Алетейя, 2014. – 324 с.
- Приснитесь мне, города : песни. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1962. – 64 с.
- Рисунок на память : стихи. – Москва : Совет. писатель, 1982. – 120 с.
- Родька: повести. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. – 416 с. – Содерж.: Дневник Родьки – «трудного» человека ; Не имеющий друга.
- Сказки лесной поляны, или Жизнь и приключения зайца Прошки. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. – 88 с.
- Стихи. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2001. – 272 с.
- Стихотворения. – Москва : Молодая гвардия. 1990. – 174 с.
- Стихи о доме. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1958. – 74 с.
- Стихи про Андрея : стихи для детей. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1958. – 24 с.
- Слово и цвет : Сто стихов – сто картин. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2014. – 208 с.
- Три толстяка : роман. – Москва : Молодая гвардия, 1970. – 208 с.
- Человек, которого я люблю : повесть. – Москва : Алетейя, 2014. – 384 с.
- Это – реки... : кн. стихов. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1969. – 144 с.

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

И СБОРНИКАХ

Амурские песни ; Песня-привет ; Странная болезнь ; А я – не хочу : стихи // Дал. Восток. – 1964. – № 3. – С. 21–23.

Белеет парус одинокий... ; Весёлой пляскою с притопом... ; Девушка – девушка... : стихи // Амур. правда. – 1969. – 14 июня. – С. 4.

Будь готов! : стихи // Приамурье : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 1952. – С. 28–31.

В очередях накурено. И звук... ; Ранняя весна ; Нужна большая мера одиночества : стихи // Живая память поколений. – Москва : Совет. писатель, 1969. – С. 59–60 ; С. 137–138.

Весёлые приметы : стихи // Новый мир. – 1961. – № 11. – С. 125.

Войду пустое, голос... ; Родина живёт в моём люблю... ; Перезимует, брат. И это всё осилит... ; Не вызреет поле. На силос!... ; Разбрелись приятели кто куда... ; Бедное, богатое, больное... ; Когда я говорю с душою... ; В просторной яме отсижусь... ; Уткой крикнет тишина... ; Опять презрев число... ; Мольба о втором пришествии ; За башенными кранами... ; Я в детство не вернусь. И в старость не войду... ; Никто не знает, как уходит боль... : стихи // Приамурье – 1995 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 2001. – С. 179–186.

Всё люблю и ничего не жду : стихи // Новый мир. – 1996. – № 7. – С. 155–156. – Содерж.: Дорогой дедушка... ; Ничего не помню, но былому верен... ; То ль японка, то ли её пчёлы покусали... ; держись за боль. Всё остальное рухнет...

Год-пароход : стихи // Мурзилка. – 2000. – № 1. – С. 7–8.

Два стихотворения : Надоело бояться ; Люблю врагов, которых я простил... // Октябрь. – 1987. – № 10. – С. 89.

Две встречи : поэма // Приамурье моё : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 1973. – С. 184–220.

Дом : стихи // Амур. правда. – 1964. – 5 июля. – С. 4.

Жестокое начало : стихи // Октябрь. – 2009. – № 2. – С. 115–117. – Из содерж.: Ночь. Прохлада. Светлый сон... ; Рождение стиха ; Хотел бы я лечить, но не умею... ; Грусть ; Жестокое начало... ; Поговори со мной, душа моя, природа... ; Толкну калитку в старый сад.

Знак надежды ; Знак одиночества ; Знак простоты ; Растереть зарю на угли... ; Снег в свете фонаря, как ёлочный, кружит... ; Живопись марта : стихи // Амур. вести. – 1993. – 6 февр. – С. 3.

Из весенней тетради : стихи // Юность. – 1967. – № 5. – С. 82.

Из неопубликованного : стихи // Октябрь. – 2012. – № 6. – С. 63–65.
– Содерж.: В каком-то возрасте теряют люди стиль... ; Кого не ругают... ; Гриппозное ; Монолог лошади ; Объявление ; Сиротским сердцем по стезе земной...

Им даже уроки смерти не впрок : стихи // Новый мир. – 1990. – № 2. – С. 3–4. – Содерж.: Козья ностра! ; Отрывок из страшного сна.

Как ты близок мне, Дальний Восток! : стихи // Амур. правда. – 1967. – 5 апр. – С. 4.

Когда-нибудь... : стихи // Октябрь. – 2006. – № 7. – С. 122–124. – Содерж.: Гость ; Земля детства ; Пейзаж ; Мой друг ; Песня ни о чём ; Когда-нибудь...

Краткое описание города ; Надежда ; Стена ; Зеркала ; Другие поезда ; Красный стон ; Гость ; Журавли кричат : стихи // Амур : лит.-художеств. альм. – 2006. – № 5. – С. 4–5.

Лицо земли ; Степь : стихи // Москва. – 1968. – № 6. – С. 82–83.

Люблю : стихи // Совет. Россия. – 1960. – 15 дек. – С. 3.

Люблю ли я нынешнего героя : стихи // Новый мир. – 1988. – № 6. – С. 3–4. – Содерж.: Пейзаж с изобретателем ; Слепой лирик ; Иной раз провалы. Все смыслы забудутся. Глухо... ; Люблю ли я нынешнего героя... ; Из книги жалоб.

Люблю тебя, родина милая : стихи // Благовещенск. – 1997. – 30 апр. – С. 3.

Маяки : стихи // Амур. правда. – 1961. – 6 нояб. – С. 4.

Моя прописка : стихи // Сиб. огни. – 1962. – № 2. – С. 3–4.

Мысли вслух : [высказывания о России, об Амур. земле, о Благовещенске, о собств. картинах, о поэзии, о воздействии лит. на человека, о поэте, о том, как писать стихи] // Амур : лит.-художеств. альм. – 2004. – № 3. – С. 5–7.

На дорогу времени : стихи // Сиб. огни. – 1960. – № 1. – С. 111–114.

Навеки моя юность здесь осталась : стихи // Юность. – 1982. – № 10. – С. 79.

Над рисунками Жана Эффеля : стихи // Наука и религия. – 1965. – № 1. – С. 40.

Не вздумайте : стихи // Амур. комсомолец. – 1953. – 17 мая. – С. 3.

Не понимаю, кто идёт за кем... : стихи // День поэзии. – Москва : Совет. писатель, 1963. – С. 157.

Не убий ; Пришёл однажды человек из книги «Да» ; Отцы продаются детям ; Разговор с шестой заповедью ; Земля людей ; Ку-ку в муку : стихи // Амур. комсомолец. – 1990. – 14 июля. – С. 3.

Небес высоких колокольный звон... ; Спасибо вам, приятели мои... ; Мне возвращаться в детство ни к чему... ; Ищу я человека меж людьми... : стихи // Амур. правда. – 1968. – 14 дек. – С. 4.

Новые стихи // Амур. вести. – 1994. – 14 янв. – С. 3.

Озеро в сопках ; Весёлое приглашение ; Приезжайте к нам : стихи // Амур. правда. – 1960. – 30 авг. – С. 3.

Осенний Благовещенск : стихи // Приамурье моё : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 1970. – С. 290.

Осенняя мелодия ; Из поэмы «Осень в Благовещенске» ; Столетний саженец косой... ; Молитва лица ; Мочка уха ; Дорогой дедушка... : стихи // Благовещенск. – 2015. – 22 мая. – С. 6.

Осень ; Баллада о тающем снеге ; Поэт : стихи // Смена. – 1970. – № 7. – С. 16.

Осень в Благовещенске : поэма // Проспект Пушкина. – 2004. – 7 июля. – С. 8, 11.

Первая любовь : стихи // День поэзии. – Москва : Совет. писатель, 1964. – С. 91–92.

Первый класс ; Письмо ; Влечёт меня понятливость моя... ; Зима запыла у меня... ; О чём поёшь ты, мальчик Вася?... ; Настало время пожинать плоды... ; Бабье лето... : стихи // Приамурье моё : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 1969. – С. 161–162.

Первый тост : стихи // Амур. правда. – 1963. – 1 января. – С. 3.

Песня над Зеей : стихи // Амур. правда. – 1959. – 5 июля. – С. 3.

Песня о будущем море ; Вдохнул Амур... : стихи // Амур. комсомолец. – 1966. – 13 мая. – С. 3.

Песня о Дальнем Востоке ; Всё на месте, всё в порядке... ; Артисты учатся у музыки... ; Что может дева молодая... ; Когда грядёт канун зари... : стихи // Юность. – 1963. – № 1. – С. 48–49.

Письмо : стихи // Восьмой этаж. – 1995. – 7 апр. – С. 3.

Попытка портрета. Сложная форма : [стихи о В. Лецике] // Амур : лит. альм. – 2011. – № 10. – С. 28.

Прощание : стихи // Амур. комсомолец. – 1974. – 23 июня. – С. 3.

Разговор с Амуром : стихи // Амур. комсомолец. – 1953. – 12 апр. – С. 3.

Ровесники : пьеса // Амур. комсомолец. – 1953. – 6 сент. – С. 3–4 ; 9 сент. – С. 3.

Ровесники : пьеса // Приамурье : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 1953. – С. 243–313.

Рождение стиха ; Кончилась осенняя зима... ; Ты мне знакома с детских лет... ; Погадай мне по линиям дальних дорог... ; Дней осенних провод оголённый... ; Пустынных улиц грустный гороскоп... ; Бла-

гословляя дальнюю звезду... ; Был он сам и моряк и море... ; Война и мир ; Через // Амур : лит.-художеств. альм. – 2004. – № 3. – С. 2–5.

Романтики-астронавты : стихи // Амур. правда. – 1959. – 7 янв. – С. 4.

Сердце сердца : стихи // Октябрь. – 2004. – № 7. – С. 39–42. – Содерж.: Ожидание первого снега ; Открытый космос ; Бог сиротства ; Есть и нет ; Под моим присмотром было два коня... ; Как мать божества ; Молитва ; Красота.

Сестра. 1945 ; Зарница ; Шорник ; Старый друг ; Уродилось : стихи // Юность. – 1979. – № 5. – С. 40–41.

Сказки лесной поляны : сказки // Амур : лит.-художеств. альм. – 2011. – № 10. – С. 2–10.

Славным труженикам Амура : [новогод. поздравление в стихах] // Амур. правда. – 1969. – 1 янв. – С. 4.

Снова стихами повеяло : стихи // Лит. газ. – 1959. – 24 окт. – С. 5.

Старая сказка : [стихи, посвящ. всем, у кого есть внуки] // Амур. правда. – 1971. – 5 сент. – С. 3.

Стихи ; Мысли вслух // Амур : лит.-художеств. альм. – 2004. – № 3. – С. 2–5.

Стихи из цикла «Дальняя дорога» : Читай глазами долго... ; В каком возрасте теряют люди стиль... ; Ты почта жизни ; Геометрическое // Юность. – 1965. – № 6. – С. 43.

Стихи о Благовещенске // Полит. собеседник. – 1989. – № 13. – С. 19.

Стихи о доме ; Благовещенск ; Язык ; Ты мне когда-то рассказала... ; Моим румынским друзьям : стихи // Новый мир. – 1964. – № 2. – С. 84–87.

Стихи разных лет // Приамурье – 2001 : лит.-художеств. альм. / ред.-сост. В. Г. Лецик. – Благовещенск : РИО, 2001. – С. 3–5.

Стройная берёза на пути... ; Пленяет сердце ветер первых встреч... ; Весёлой пляскою притопом... ; С какой-то странною тоской... ; Вкушает бабка красоту природы... ; Портальный кран покрашен в жёлтый цвет... ; Зверёныш детства моего... ; Стучит судьбы соседней метроном... : стихи // Юность. – 1970. – № 3. – С. 73–74.

Суслик и сурок ; Поросянок и петух : стихи // Мурзилка. – 2003. – № 10. – С. 12–13.

У всего закон свой... : Осторожно – листопад! : стихи // Амур. правда. – 1959. – 7 июня. – С. 4.

У города хороший вкус... ; На Благовещенск охра снизошла ; Портальный кран покрашен в жёлтый цвет... : стихи // Мой город : стихи и песни. – Благовещенск, 1998. – С. 23–26.

Философ ; На дорогу времени : стихи // Сиб. огни. – 1960. – № 1. – С. 107–113.

Хорошо у нас : стихи // Амур. правда. – 1961. – 26 нояб. – С. 3.

Художники : стихи // Дал. Восток. – 1958. – № 6. – С. 67.

Человек – человеку ; Вы любите воду и небо... ; Весенняя гроза : стихи // Амур. правда. – 1962. – 28 янв. – С. 4.

Человек человеку ; Плывёт пароход по Амуру... ; Кто ты есть?... : стихи // Дал. Восток. – 1962. – № 4. – С. 71–72.

Человек! : стихи // Знамя коммуны. – 1961. – 3 дек. – С. 4.

Через... : стихи // Октябрь. – 2002. – № 11. – С. 84–88. – Из содерж.: Он ; Нога ; Поэт-два-поэт ; Убежала свинья... ; Приглашение в бар ; Временами... ; Унылый ветер ; Через...

Что там на третье : стихи // Новый мир. – 1998. – № 2. – С. 88–91. – Содерж.: Бывало, говорю себе... ; Когда наелись гости и уснули... ; Когда я сердцем волен... ; Сидаймо, друже! ; Я не привержен людям... ; Был я тихий, как эстонец... ; Чего мне не хватает?..

Я вами горжусь ; Проект моей речи перед соеводами области // Амур. правда. – 1962. – 29 нояб. – С. 3.

Я люблю тебя, Родина милая... ; Человек с букетом цветов : стихи // Дал. Восток. – 1972. – № 1. – С. 10.

Я люблю эту землю ; Заповедь ; Разговор с окрестным миром ; Пока жизнь не померкла ; Рисую ; Разговор с соседом ; Женщины ; Места для инвалидов и пассажиров с детьми ; Вновь надеюсь на лучшее... ; Ничего не помню, но былому верен ; Ритм : стихи // Приамурье – 2001 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 2001. – С. 3–5.

Я люблю эту землю ; Шумит весна, текут ручьи... ; Небо ясное, тополь строен... ; Разговор ; Весёлое приглашение : стихи // Дал. Восток. – 1960. – № 6. – С. 3–6.

Я не свободен от любви к тебе : стихи // День поэзии. – Москва : Совет. писатель, 1966. – С. 54.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.Л. ЗАВАЛЬНЮКА

Алексеева, Г. К. Мир сказок Леонида Завальнюка: из опыта интегрированных уроков / Г. К. Алексеева // Лосевские чтения – 2013 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014. – С. 63–69.

Асмольская, А. На стихи Леонида Завальнюка / А. Асмольская // Амур. правда. – 2015. – 21 марта. – С. 5.

Асмольская, А. Поэзия красок Леонида Завальнюка : подлинники картин поэта выставили в Амурском краеведческом музее / А. Асмольская // Амур. правда. – 2015. – 23 мая. – С. 7.

Бобошко, А. Мы пришли к Завальнюку, к стихотворцу, к земляку : [Л. Завальнюк в Амур. обл.] / А. Бобошко // Амур. правда. – 2004. – 27 марта. – С. 7.

Борзунова, С. «Как будто тайну вечной жизни знаю, вот только вспомнить не могу...» : [к 70-летию Л. Завальнюка] / С. Борзунова // Комсом. правда. – 2001. – 19 окт. – С. 9.

Борзунова, С. Завальнюк прилетел – весна настала : [поэт Л. Завальнюк приехал в Благовещенск] / С. Борзунова // Комсом. правда. – 2004. – 23 марта. – Прил. : с. 7. – (Комсомольская правда в Приамурье).

Борисов, Ст. Лирика Л. Завальнюка / Ст. Борисов // Юность. – 1964. – 12. – С. 89.

Вайсман, А. Новая книжка поэта : [о кн. стихов «Моя прописка»] / А. Вайсман // Амур. правда. – 1962. – 18 нояб. – С. 3.

Волкова, И. «Где дом друзей, там родина моя...» : [встреча с Л. Завальнюком] / И. Волкова // Амур. правда. – 1994. – 26 нояб. – С. 4.

Гамерман, Ю. Изучение поэмы Л. Завальнюка «В пути» в средней школе / Ю. Гамерман // Инновационные подходы к обучению литературе и русскому языку: материалы науч.-метод. конф. / под общ. ред. А. В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2004. С. 35–41.

Гамерман, Ю. Леонид Завальнюк : грани судьбы, грани таланта : [о творчестве Л. Завальнюка] Ю. Гамерман // Амур : лит.-художеств. альм. – 2004. – № 5. – С. 82–91.

Гамерман, Ю. Художественное своеобразие поэмы Л. Завальнюка «В пути» / Ю. Гамерман // Вестн. Амур. гос. ун-та. – 2004. – № 24. – С. 93–96.

Герой книги – герой экрана : [об экранизации кн. «Дневник Родьки – “трудного” человка»] // Амур. комсомолец. – 1966. – 13 мая. – С. 3.

Гордеенкова, О. В Благовещенске появится мемориальная доска поэту Леониду Завальнюку / О. Гордеенкова // Попутчик. – 2015. – 24 марта (№ 21). – С. 4.

Горевой, И. Предисловие / И. Горевой // Завальнюк Л. Слово и цвет : сто стихов – сто картин / Л. Завальнюк. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2014. – С. 4–5.

Давыдова, Г. В. Об особенностях композиции сборника Леонида Завальнюка «Стих» / Г. В. Давыдова // Вестн. Амур. гос. ун-та. – 2002. – Вып. 16. – С. 93–96.

Данилова, Т. А. Тема Родины в творчестве Л. Завальнюка / Т. А. Данилова // Лосевские чтения – 2014 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014. – С. 111–118.

Епифанов, Д. Большую тему подсказывает жизнь : [о поэзии Л. Завальнюка] / Д. Епифанов // Амур. правда. – 1960. – 18 мая. – С. 3.

Ерёмин, И. «Фальшивый блеск поэзии». Заметки о сборниках стихов / И. Ерёмин // Ленин. путь. – 1978. – 10 июня. – С. 3 ; 13 июня. – С. 3 ; 14 июня. – С. 3.

Ерёмин, И. Снова стихами повеяло : [о поэзии Л. Завальнюка] / И. Ерёмин // Ленин. путь. – 1962. – 19 окт. – С. 3.

Завальнюк, Л. «В поющем мире есть надежда, а в не поющем мире – нет!» : интервью с поэтом / провела Т. Судакова / Л. Завальнюк // Амур. правда. – 1997. – 4 февр. – С. 4.

Завальнюк, Л. «Где дом друзей, там родина моя...» : интервью с писателем / провёл С. Михайлов // Благовещенск. – 2004. – 6 мая. – С. 12–13.

Завальнюк, Л. «Не умирайте, господа...» : интервью с писателем, поэтом Л. Завальнюком о творчестве и ситуации в стране / провёл А. Ярошенко // Рос. газ. – 2008. – 18 сент. – С. 16.

Завальнюк, Л. «Печаль его светла...» : интервью с поэтом / провела А. Геут // Рус. берег. – 1998. – Янв. (№ 1). – С. 12.

Завальнюк, Л. «Прочтите мне только по памяти...» : интервью с Л. Завальнюком / провёл И. Игнатенко // Амур : лит.-художеств. альм. – 2011. – № 10. – С. 11–19.

Иванова, А. Посланцы «Молодой гвардии» в Приамурье : [Л. Завальнюк, А. Алексеева и А. Пресловский] // Амур. правда. – 1966. – 26 окт. – С. 3.

Игнатенко, И. «Прочтите мне только по памяти...» : [воспоминания о Л. Завальнюке] // Игнатенко И. Избранное : в 3 т. Т. 3. Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии / И. Игнатенко. – Благовещенск : Зей, 2012. – С. 268–292.

Игнатенко, И. Прощание с лучезарным городом : [в г. Москве умер поэт Л. А. Завальнюк] / И. Игнатенко // Амур. правда. – 2010. – 10 дек. – С. 6.

Киреева, Н. Леонид Завальнюк: поэт с планеты Зет : вместо предисловия / Н. Киреева // Амур : лит.-художеств. альм. – 2006. – № 5. – С. 3.

Киреева, Н. На узком пяточке – душа, бессмертье, небо... : [о жизни и творчестве поэта] / Н. Киреева // Амур : лит.-художеств. альм. – 2011. – № 10. – С. 19–25.

Киреева, Н. В. Образ пути в лирике Леонида Завальнюка / Н. В. Киреева, В. В. Тимошкова // Лосевские чтения – 2014 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014. – С. 46–54.

Колесов, В. Человек в пути : [о поэзии Л. Завальнюка] / В. Колесов // Приамурье : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 1957. – С. 193–206.

Коржев, В. От имени поколения : [о поэзии Л. Завальнюка] / В. Коржев // Сиб. огни. – 1961. – № 2. – С. 186–188.

Красовская, С. И. Завальнюк Леонид Андреевич : [биогр. справка и список лит.] / С. И. Красовская // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 149–153.

Кузьмина, Э. Алгебра общежития : [о повести «Дневник Родьки – “трудного” человека»] / Э. Кузьмина // Знамя. – 1965. – № 12. – С. 247–248.

Кузьмина, Э. В движении : [о поэзии Л. Завальнюка] / Э. Кузьмина // Лит. газ. – 1960. – 13 сент. (№103). – С. 5.

Кукин, И. Замысел, не получивший воплощения : [о повести «На полустанке»] / И. Кукин // Амур. правда. – 1962. – 14 янв. – С. 3.

Левченко, Н. Прогулки по осеннему Благовещенску : [воспоминания о Л. Завальнюке] / Н. Левченко // Амур : лит.-художеств. альм. – 2012. – № 11. – С. 28–29.

Лецик, В. «Снова стихами повеяло...» : [воспоминания о Л. Завальнюке] / В. Лецик // Амур : лит.-художеств. альм. – 2012. – № 11. – С. 25–28.

Лосев, А. О творчестве молодых поэтов Приамурья // Лосев А. В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / А. Лосев. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. – С. 292–295.

Лосев, А. Правда жизни и домыслы поэзии : [о Л. Завальнюке] / А. Лосев // Амур. правда. – 1957. – 13 янв. – С. 3.

Лосев, А. В. Правда жизни и домыслы поэзии : [о творчестве Л. Завальнюка] // Лосев А. В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / А. Лосев. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. – С. 309–312.

Лымарева, А. Д. Textoобразующая роль фразеологических оборотов в стихотворениях Л. Завальнюка / А. Д. Лымарева // Лосевские чтения – 2014 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. – С. 133–143.

Малык, А. Звенит высокая тоска... : [о поэте Л. Завальнюке – его биография и творчество] / А. Малык // Амур. правда. – 2002. – 2 марта. – Прил.: с. 9. – (Глагол).

Мнацакаян, С. «Всё, что помню, со мной...» : [о поэте Л. Завальнюке – его биография и творчество] / С. Мнацакаян // Лит. газ. – 2013. – 23–28 мая (№21). – С. 4.

Межиров, А. Ощущение единой личности : вместо предисловия / А. Межиров // Завальнюк Л. А. Листопад стихи / Л. Завальнюк. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1977. – С. 3–4.

Назарова, И. Поэма Л. Завальнюка «Осень в Благовещенске» : [рецензия] / И. Назарова // Амур : лит.-художеств. альм. – 2012. – № 11. – С. 72–73.

Назарова, Т. В. «Вещего слова зерно...» : метафора в творчестве Л. Завальнюка / Т. В. Назарова // Лосевские чтения – 2010 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2010. – Вып. 3. – С. 138–141.

Назарова, Т. В. Мыслящее слово : заметки о фразеологии стихотворений Л. Завальнюка / Т. В. Назарова // Лосевские чтения – 2011 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2011. – Вып. 4. – С. 74–86.

Назарова, Т. В. Преображая смысл : заметки о фразеологии стихотворений Л. Завальнюка / Т. В. Назарова // Лосевские чтения – 2012 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2012. – С. 68–72.

Николаева, О. Протуберанцы Леонида Завальнюка : [о поэзии и живописи Л. Завальнюка] / О. Николаева // Вопр. лит. – 2015. – № 2. – С. 140–147.

Новикова, С. «Жизнь кривая, а люди воскресают...» : [встреча с Л. Завальнюком] / С. Новикова // Амур. правда. – 1994. – 22 нояб. – С. 4.

Огнев, В. Молодой поэт и его критика : [о поэзии Л. Завальнюка] / В. Огнев // Новый мир. – 1960. – № 9. – С. 155–157.

Павлова Е. «Я его увидела и поняла – это мой муж» : супруга амур. поэта Леонида Завальнюка о любви, вдохновении и счастье в Благовещенске / Е. Павлова // Амур. правда. – 2015. – 21 мая. – С. 29.

Память поэта Леонида Завальнюка увековечат в барельефе // Благовещенск. – 2015. – № 11. – С. 2.

Погудин, Г. Первая книга молодого поэта : [о поэме «В пути»] / Г. Погудин // Амур. правда. – 1953. – 14 июня. – С. 3.

Поливан, Р. «Если твой дом повсюду...» : [лит. страница памяти Л. Завальнюка] / Р. Поливан // Благовещенск. – 2015. – 22 мая. – С. 6.

Поэты в дни «Недели молодёжной книги» : [Л. Завальнюк и А. Пресловский в гостях у читателей Благовещенска] // Амур. правда. – 1966. – 30 окт. – С. 3.

Ревоненко, А. Я не узнал поэта : [о поэзии Л. Завальнюка] / А. Ревоненко // Тихоокеан. звезда. – 1967. – 8 янв. – С. 3.

Савинкин, П. Завальнюк : [о творчестве поэта] / П. Савинкин //

Амур. правда. – 2013. – 3 окт. – С. 28.

Савинкин, П. Звени, высокая тоска : [о творчестве Л. Завальнюка] / П. Савинкин // Амур. правда. – 2015. – 21 мая. – С. 29.

Савинкин, П. Листки потёртого блокнота. Литературные зарисовки. Завальнюк / П. Савинкин // Амур : лит.-художеств. альм. – 2013. – № 12. – С. 62.

Сергеев, В. Друзья и недруги воплощения : [о повести «На полустанке»] / В. Сергеев // Новый мир. – 1962. – № 10. – С. 238–240.

Скорондаева, А. Слово и цвет. Сто стихов – сто картин. Леонид Завальнюк / А. Скорондаева // Рос. газ. – 2014. – 17 окт. – С. 13.

Смоляков, С. В пути : [о поэме «В пути»] / С. Смоляков // Дал. Восток. – 1954. – № 1. – С. 180.

Смоляков, С. Смелее на дорогу времени! : [о поэзии Л. Завальнюка] / С. Смоляков // Дал. Восток. – 1960. – № 4. – С. 177–179.

Смоляков, С. Человек – человеку : [о лирике Л. Завальнюка] / С. Смоляков // Амур. правда. – 1964. – 23 авг. – С. 3.

Смоляков, С. Человек – человеку : [о лирике Л. Завальнюка] / С. Смоляков // Дал. Восток. – 1964. – № 6. – С. 176–177.

Сотников, Н. «Была ясна бы жизни суть...» : [о стихах Л. Завальнюка] / Н. Сотников // Молодой дальневосточник. – 1966. – 16 авг. – С. 4.

Сотников, Н. Чтобы выйти на стержень : [о поэзии Л. Завальнюка] / Н. Сотников // Дал. Восток. – 1967. – № 1. – С. 172–173.

Сотников, Н. Чтобы выйти на стержень : [о поэзии Л. Завальнюка] / Н. Сотников // Дал. Восток. – 1967. – № 1. – С. 172–173.

Студенты читают стихи Л. Завальнюка : [отзывы о творчестве] // Амур : лит.-художеств. альм. – 2011. – № 10. – С. 30–32.

Улахович, Д. Философия жизни : [о поэзии Л. Завальнюка] / Д. Улахович // Зейс. огни. – 1966. – 15 нояб. – С. 3.

Файнфельд, И. Поэтичность : [о повести «Не имеющий друга»] / И. Файнфельд // Амур. правда. – 1983. – 26 авг. – С. 3.

Фраер, В. С ним было очень легко... : [воспоминания о Л. Завальнюке] / В. Фраер // Амур : лит.-художеств. альм. – 2012. – № 11. – С. 88–90.

Хуртин, И. Настойчиво совершенствовать мастерство : [о сб. «В пути»] / И. Хуртин // Приамурье : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 1953. – С. 326–331.

Черкесов, В. «Сам на себя и ставлю, и бегу...» : [о творчестве Л. Завальнюка] / В. Черкесов // Амур : лит.-художеств. альм. – 2009. – № 8. – С. 117–120.

Черкесов, В. Ключ от бессмертия не добыть... : [воспоминания о Л. Завальнюке] / В. Черкесов // Амур : лит.-художеств. альм. – 2011. – № 10. – С. 29–30.

*Мне жить не больно.
Жизнь моя легка.
Сложна ли? Может быть,
Но по простым лекалам.
Бескрылая судьба?
Беда невелика:
И без полетов можно жить,
Лишь бы душа летала.*

Суслик и сурок

Стояли суслик и сурок
 Как столбики у норок.
 Стояли суслик и сурок —
 И каждый был суров и строг.
 Они поссорились вчера
 По пустыкам, наверно.
 Давно мириться им пора.
 Но кто начнёт, кто первый?
 Стоят они, молчат они.
 Вдруг оба слышат: —
 Извини! —
 И сразу стало так легко.
 И миг пропала злоба.
 И кто сказал им: «Извини!».
 Они не знают оба.
 Быть может, ветер прошумел.
 Ему мирить не ново.
 А может, мудрый сыч летел.
 И молвил это слово.

*Корабельные рощи
Роняют пахучую хвою.
Тихо стань на распутье
И грусти своей не таи...
Я вернусь к вам, леса,
Я верну вам с лихвою
Вашу хмурую нежность,
Дорогие мои...*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	3
ВЕХИ СУДЬБЫ: «ГДЕ ДОМ ДРУЗЕЙ, ТАМ РОДИНА МОЯ...»	6
ТВОРЧЕСТВО Л. ЗАВАЛЬНЮКА: «ДНЕВНИК ДУШИ»	24
Поэзия: в стихах вся жизнь	24
Проза: за гранью поэтической строки	49
Живопись: полёт души и мысли	54
ЛЕОНИД ЗАВАЛЬНЮК В ВОСПОМИНАНИЯХ И ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ	57
МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Л.А. ЗАВАЛЬНЮКА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ	69
Алексеева Г. К. Мир сказок Леонида Завальнюка: из опыта интегрированных уроков	69
Данилова Т.А. Тема Родины в творчестве Л. Завальнюка	74
СЦЕНАРИЙ ТВОРЧЕСКОГО ВЕЧЕРА ПАМЯТИ Л. ЗАВАЛЬНЮКА «ПОЭТ ИЗ НАСТОЯЩИХ»	81
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНАЯ ГОСТИНАЯ «ЗВЕНИТ ВЫСОКАЯ ТОСКА, НЕОБЪЯСНИМАЯ СЛОВАМИ...»	95
ЛИТЕРАТУРА	106
Произведения Л. А. Завальнюка	106
Литература о жизни и творчестве Л. А. Завальнюка	112

Прилагаемый диск содержит:

- электронную версию информационно-методических материалов «Знакомый незнакомец. О жизни и творчестве Леонида Завальнюка»;
- электронные презентации: «Леонид Завальнюк: поэт из настоящих», представляющую хронологию выхода книг Л. Завальнюка и фото-архив поэта (автор – М. К. Чеснокова, заведующий отделом краеведения и редких книг Амурской областной научной библиотеки им. Н.Н. Муравьева-Амурского), «Знакомый и незнакомый Леонид Завальнюк» (автор – Г. В. Дружина, ведущий библиотекарь МБУК МИБС библиотека «Центральная» г. Благовещенск), презентация к литературно-музыкальной гостиной «Звенит высокая тоска, необъяснимая словами...» (авторский коллектив МБУК МИБС библиотека «Центральная», г. Благовещенск), «Мир сказок Л. А. Завальнюка. Рекомендации к урокам» (автор – Г. К. Алексеева, заслуженный учитель школ РФ, учитель МОУ СПОШ № 2, г. Благовещенск);
- фильмы: «Леонид Завальнюк. “Я ни с какого года”» (режиссёр и автор сценария Екатерина Круглая, 2011) и «Человек, которого я люблю» (экранизация повести «Дневник Родьки – “трудного” человека», 1966);
- 22 песни на слова Л. Завальнюка;
- 100 картин-монотипий Л. Завальнюка, предоставленные Игорем Горевым (министр внешнеэкономических связей, торговли и туризма Амурской области).

Редакционно-издательский совет

Праскова О. С.

Гнускова М.И.

Дымова И. В.

Кочнева Л. П.

Трофимова И. В.

Чеснокова М. К.

им. Н.Н. Муравьева-Амурского

Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Тел/факс: (4162)23-73-90

E-mail: aonb@tsl.ru
www.libamur.ru